

Цитаты номера

В китайском подходе, в отличие от американцев и европейцев, *жесткая сила* и *мягкая сила* — это не сумма, а произведение. То есть, с их точки зрения, если нулю равна одна из составляющих, то и произведение будет равно нулю. Таким образом, *жесткая сила* не может существовать без *мягкой силы*, и соответственно, *мягкая сила* не может существовать без *жесткой*.

России ни в коем случае нельзя признавать произвольно проведенную Китаем так называемую *многопунктирную* линию в Южно-Китайском море. Россия должна целиком и полностью полагаться на Конвенцию по морскому праву от 1982 г. Многие считают это соглашение несовершенно и устаревшим, но другого нет, и пока не предвидится. Следуя этому оглашению, Россия имеет все возможности оставаться на принципиальной позиции, понятной как противостоящим сторонам, так и остальному миру.

Мы наблюдаем фактическую *балканизацию* Сахеля, интенсивность которой находится в прямой зависимости от насыщенности природными ресурсами той или иной территории внутри региона. Яркими свидетельствами этого процесса служат попытки создания *независимых* Катанги, Биафры, события в Судане, Огадене, в восточных провинциях Демократической Республики Конго. Не скрывается поддержка сепаратистских формирований туарегов. Их руководители остаются вхожими в штаб-квартиры политических партий и в кабинеты официальных учреждений в западных странах. Во внешнеполитических ведомствах многих стран и международных организаций создаются специальные службы по сахеле-сахарским делам. А, например, Брюссель рассматривает северные границы Сахеля как *новые южные границы ЕС*.

Россия вошла в тройку стран мира, обладающих наибольшей *связностью* интернета, то есть количество входящих и выходящих трансграничных каналов интернет-коммуникации позволяет говорить о том, что наша страна максимально устойчива к флуктуациям и сбоям работы Сети, и нашу сеть каналов невозможно выключить из одного центра. В области ИТ-сектора Россия сейчас — успешная европейская страна, на равных конкурирующая с ведущими зарубежными партнерами. Вот в чем я вижу один из ключевых приоритетов и сильных аргументов РФ в дискуссиях по вопросам управления Сетью.

Ричард Перл высказывался против отмены поправки Джексона-Вэника. После нескольких энергетических войн, от которых, по его мнению, пострадала не только Украина, но и страны Восточной Европы, он заявил, что глупо рассчитывать на поставки энергоносителей из России. Такая риторика не уступала по накалу временам холодной войны. Но тот факт, что этот последователь *ястребиной* политической философии больше четверти века назад стал одним из соавторов Соглашения о Центрах по уменьшению ядерной опасности, свидетельствует о востребованности мер по укреплению доверия между государствами.

Константин Косачев

Дмитрий Мосяков

Евгений Корендясов

Андрей Колесников

Алексей Обухов

Российский журнал о международной безопасности

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 4 (107), Том 19

ЗИМА 2013

Журнал ПИР-Центра

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 4 (107) 2013

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

Константин Косачев

МЯГКАЯ И ЖЕСТКАЯ СИЛА — НЕ СУММА, НО ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Дэйв Эванс

ТЕХНОЛОГИИ-2030: ПОЛИТИКА МЕЖДУ СТРОК

Дмитрий Мосяков

ТРЕУГОЛЬНИК ХАНОЙ-ПЕКИН-МОСКВА: НА КАРТЕ — ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ

Наталья Калинина

ЗДРАВСТВУЙ, РОССИЙСКОЕ ОРУЖИЕ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Евгений Корендясов

УРАНОВЫЙ ПИРОГ САХЕЛЯ

Арно Леклерк

GEOPOLITIQUE RUSSE: НОВЫЙ ВЫБОР

2756
1.09.2013

2771
1.10.2013

2794
1.11.2013

SECURITY INDEX

ПУЛЬС КИБЕРМИРА

Электронный бюллетень ПИР-Центра об информационных технологиях в мировой политике и глобальной безопасности. Издается на русском языке 6 раз в год.

- Единственное в России информационно-аналитическое издание по вопросам международной информационной безопасности и глобального управления интернетом (МИБ и ГУИ)
- Актуальный анализ проблем МИБ и ГУИ
- Эксклюзивные статьи и интервью ведущих российских и мировых экспертов
- Регулярные обзоры принятых документов и нормативных актов
- Анонс ключевых событий и конференций в России и за рубежом

Тематические рубрики:

- Атаки, угрозы и киберпреступность
- Кибербезопасность в России и США
- Китай в киберпространстве
- Международное сотрудничество в сфере кибербезопасности
- Регулирование Рунета

Возможности сотрудничества:

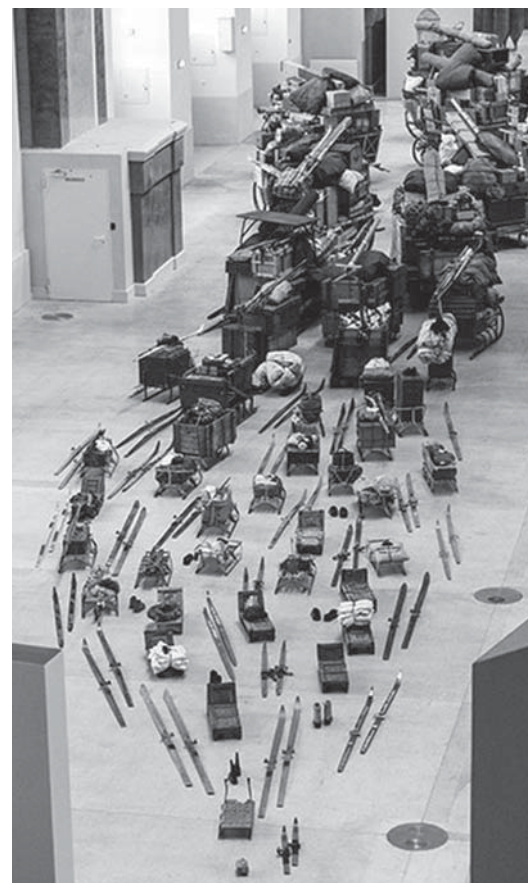
- Площадка для баннеров и рекламных материалов Вашей организации
- Издание тематических выпусков бюллетеня на коммерческой основе
- Публикация Вашей аналитики на страницах *Пульса Кибермира*

Бесплатная подписка: cyberpulse.pircenter.org

Выпускающий редактор: Олег Демидов (demidov@pircenter.org)

О ДУРАЦКИХ ЭКСПЕРИМЕНТАХ

«Первое, что узнаешь в жизни, — это что ты дурак. Последнее, что узнаешь, это что ты все тот же дурак».

Рэй Брэдбери.
Вино из одуванчиков (1957)

«Я люблю дурацкие эксперименты. Я и сам их постоянно ставлю».

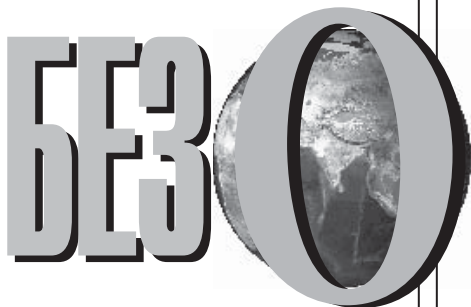
Чарльз Дарвин

Альфредо и Исабель Акилисан. Прохождение: проект другой страны. Инсталляция на V Московской биеннале современного искусства. Октябрь 2013 г.

Научно-практический
журнал ПИР-Центра
(Центра политических
исследований России)

Выходит четыре раза
в год на русском
и английском языках

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 4 (107), Том 19
Зима 2013

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов — главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Дмитрий В. Поликанов
Сергей Э. Приходько
Дмитрий О. Rogozin
Сергей А. Рябков
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Константин фон Эггерт
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*. Выходит четыре раза в год на русском и английском языках. Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель

ПИР-Центр (Центр политических исследований России)

Руслан Б. Абдылдаев, стажер
Андрей А. Бакицкий, директор информационных проектов
Евгений П. Бужинский, генерал-лейтенант, старший вице-президент
Олег В. Демидов, директор программы «Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом»
Татьяна В. Жданова, референт главного редактора журнала *Индекс Безопасности*
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Альберт Ф. Зульхарнеев, исполнительный директор
Галия Р. Ибрагимова, консультант
Наталья И. Калинина, д.м.н., член Совета
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., старший научный сотрудник
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Павел А. Лузин, к.п.н., помощник главного редактора журнала *Индекс Безопасности*
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра и член Совета
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания журнала *Индекс Безопасности*
Дмитрий В. Поликанов, к.п.н., вице-президент, председатель Международного клуба *Триалог*
Евгений А. Попов, к.т.н., специалист по информационным системам
Уильям Поттер, д-р, проф., член Совета
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Екатерина А. Степанова, д.п.н., член Совета
Ольга Н. Скороходова, стажер
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Юлия В. Фетисова, к.филос.н., редактор бюллетеня **Russia Confidential**
Александр Я. Чебан, приглашенный научный сотрудник
Александр Д. Чеков, координатор образовательной программы
Михаил В. Якушев, председатель Совета
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета
Елена А. Яровая, помощник президента

№ 4 (107), Том 19
Зима 2013

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]
Павел А. Лузин, помощник главного редактора [editor@pircenter.org]
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания [petelin@pircenter.org]
Татьяна В. Жданова, референт главного редактора [zhdanova@pircenter.org]
Екатерина А. Труханова, технический редактор
Елена И. Макеева, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия

Представители журнала

Алма-Ата: Даурен Абен
Бишкек: Нурия А. Кутнаева
Вена: Никита В. Перфильев
Владивосток: Вадим С. Гапоненко
Киев: Сергей П. Галака
Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик
Одесса: Александр Я. Чебан
Пекин: Ван Чэньсин
Прага: Юрий Е. Федоров
Санкт-Петербург: Анастасия А. Мальгина
Томск: Лариса В. Дериглазова

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 119019, Москва, а/я 147
Редакция *Индекса Безопасности*
Телефон редакции:
+7 (495) 987-1915 (многоканальный)
Факс: +7 (495) 987-1914

Интернет-представительство: <http://si.pircenter.org>

Twitter: http://twitter.com/PIR_Center

Facebook: <http://www.facebook.com/pircenter>

Подписка:

- по России и СНГ: Роспечать, индекс 80666, см. с. 24
- по России и СНГ: Пресса России, индекс 10337, <http://www.pressa-rf.ru/cat/>
- по России: Интер-Почта, индекс 11893, <http://www.interpochta.ru/>
- по всему миру: ООО *Триалог*, <http://pircenter.org/club>, trialogue@pircenter.org
- по всему миру: East View Information Services, <http://www.eastview.com/>
- международное издание: Routledge (Taylor & Francis Group), <http://www.tandf.co.uk/journals>

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Международного Фонда Технологий и Инвестиций, Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, Фонда содействия развитию интернета «Фонд поддержки интернет», Корпорации Карнеги в Нью-Йорке.

Тираж (русское и международное издания) 2000 экз. **Подписано в печать** 28 ноября 2013 г.

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга» по заказу ПИР-ПРЕСС

О Т Р Е Д А К Т О Р А

7 **Иран. Женева. Сделка. Передышка** — Владимир Орлов

«Женевская сделка в значительной мере символична: она является свидетельством достигнутого прогресса, указывает направление дальнейшего движения, а также демонстрирует желание всех вовлеченных сторон двигаться вперед; она способствует укреплению доверия, в особенности, между США и Ираном», — отмечает главный редактор журнала **Индекс Безопасности** Владимир Орлов, обращаясь при этом к вопросу — что результат женевских переговоров по ядерной программе Ирана в ноябре 2013 г. означает для России?

Ключевые слова: ядерная программа Ирана, российско-американские отношения, внешняя политика России.

В Д Е С Я Т К У

10 **О силе подчинения**

И Н Т Е Р В Ь Ю

11 **Мягкая сила и жесткая сила — не сумма, но произведение** — Константин Косачев

В условиях глубинных изменений в системе международных отношений и связанной с ними стратегической неопределенности интерес к использованию *мягкой силы* во внешней политике России оправдан и необходим. Способность быть привлекательным для зарубежных партнеров, для их граждан означает способность убеждать их и побуждать к совместным действиям. Однако здесь требуется понять, каким потенциалом *мягкой силы* обладает сегодня Россия? Константин Косачев, руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, отвечает на этот и другие вопросы.

Ключевые слова: мягкая сила, внешняя политика России, образ России за рубежом.

19 **Следует ожидать слияния человека и машины, пока мы не получим единый биокомпьютерный организм** — Дэйв Эванс

Темпы развития информационных технологий сегодня опережают мышление самых смелых фантастов, создавая огромное поле возможностей и вызовов для всего человечества. Уже сейчас многие продукты ИКТ-революции, такие как 3D-печать, *интернет вещей*, квантовые вычисления, нейрокомпьютерный интерфейс и суперкомпьютеры создают почву для революции в привычном нам укладе войны, экономики, торговли и производства, быта. Более того, сам человек стоит перед перспективой конвергенции с машиной как в социально-коммуникативном, так и в непосредственном биологическом смысле. Дэйв Эванс, главный футуролог *Cisco Internet Business Solutions Group*, дал эксклюзивное интервью директору программы ПИР-Центра *Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом* Олегу Демидову.

Ключевые слова: информационные технологии, биокомпьютеры, эволюция интернета, влияние информационных технологий на экономику и политику.

А Н А Л И З

25 **Ближний Восток: здравствуй, российское оружие!** — Наталья Калинина

Россия, будучи одним из ключевых поставщиков обычных вооружений на Ближний Восток, сталкивается с тем же вызовом политических изменений в регионе, что и другие государства-продавцы. Однако на это накладывается историческая специфика российской деятельности на ближневосточном оружейном рынке, которая дополнительно ограничивает возможности страны. В итоге перед Россией стоит задача

сохранения присутствия в регионе посредством сотрудничества с Сирией и Алжиром, закрепления на рынке Ирака, поддержания отношений Ираном и усиления позиции в Афганистане после 2014 г.

Ключевые слова: торговля обычными вооружениями, военно-техническое сотрудничество, международные отношения на Ближнем Востоке, внешняя политика России на Ближнем Востоке, региональная безопасность.

41 **Государственная программа вооружений–2020: власть и промышленность** — Юрий Федоров

Программа масштабного перевооружения российской армии сочетает внутривнутриполитические процессы, конкуренцию экономических интересов и военно-политического планирования. При этом запланированные объемы закупок по многим позициям превосходят возможности российской промышленности, а ведомственный и корпоративный лоббизм ситуацию усугубляет.

Ключевые слова: государственная программа вооружений, внешняя политика России, внутренняя политика России, военно-промышленный комплекс, лоббизм.

61 **Битва за уран в Сахаре и Сахеле** — Евгений Корендясов

Богатые урановые месторождения Сахаро-Сахельского региона привлекают внимание мировых игроков. Учитывая стратегический характер урана как природного ресурса и отсутствие его свободного рынка, экономическая конкуренция приобретает политический характер. В этой связи Франция, чьи горнодобывающие компании десятилетиями работают в регионе, вынуждена бороться за сохранение позиций. В то же время Китай, США, Индия, Россия и другие страны стремятся приобрести доли в африканском урановом пироге. Однако не стоит сбрасывать со счетов и политику ключевых африканских правительств.

Ключевые слова: Сахель, Сахара, Нигер, Мали, минеральные ресурсы, уран, интересы государств в Африке, национальный суверенитет.

71 **На грани фола: политика Китая в Южно-Китайском море** — Дмитрий Мосяков

Конфликт в Южно-Китайском море, о котором еще несколько лет знали лишь те, кто интересовался международной политикой на Востоке, сегодня буквально на наших глазах превращается в конфликт глобальный, от исхода которого зависит не только стабильность в Юго-Восточной Азии и в Азии в целом, но и во всем мире. В этой ситуации неизбежно затрагиваются интересы России, особенно в свете ее присутствия на Тихом океане, а российская политика в треугольнике Ханой–Пекин–Москва требует высокого мастерства и деликатности.

Ключевые слова: территориальные споры, Южно-Китайское море, внешняя политика КНР, внешняя политика Вьетнама, политика России в АТР.

Д О С Ъ Е

85 **БРИКС и передовые технологии: перспективы сотрудничества и интересы России** — Андрей Баклицкий, Евгений Бужинский, Олег Демидов, Павел Лузин, Владимир Орлов

В преддверии саммита БРИКС в бразильской Форталезе в 2014 г. интерес к сотрудничеству стран БРИКС в области мягкой безопасности многократно возрос. Катализатором становятся вопросы кибербезопасности. В докладе ПИР-Центра рассматриваются атомная энергетика, киберпространство, космос как перспективные сферы сотрудничества Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, способные придать БРИКС дополнительные импульсы развития, а самой пятерке выступать центром генерирования международной повестки дня.

Ключевые слова: атомная энергетика, безопасность в киберпространстве, освоение космоса в мирных целях, предотвращение милитаризации космического пространства.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

89 **Управление интернетом и борьба с киберпреступностью: глобальные угрозы и российские интересы** — Елена Волчинская, Георгий Грицай, Люк Дембоски, Олег Демидов, Ульяна Зинина, Мадина Касенова, Дэнис Киф, Андрей Колесников, Вени Марковски, Илья Сачков, Ричард Хилл, Михаил Якушев

Международная динамика событий в сфере регулирования информационно-коммуникационных технологий и глобального управления за последнее время дает основания говорить о том, что эти вопросы превращаются в один из центральных нервов мировой политики. Наряду с этим киберпреступность также приобрела глобальный размах, превратившись в серьезный вызов в рамках международных отношений. Отсюда особую значимость и политическую остроту приобрел вопрос о будущих путях развития и трансформации глобальной архитектуры управления интернетом.

Ключевые слова: информационная безопасность, управление интернетом, международно-правовой режим, информационно-коммуникационные технологии, киберпреступность.

К О М М Е Н Т А Р И И

107 **Оценка современных вызовов и угроз для региона Евроатлантики** — Игорь Сергун

Серьезная опасность для Евроатлантического региона исходит из Сахаро-Сахельской зоны Африки и непосредственно с малийской территории, где исламистские группировки стремятся удержать захва-

ченные на севере Мали районы и распространить свое влияние на соседние государства. В рядах сирийских оппозиционеров и ливийских революционеров растет число сторонников вооруженного джихада из Европы, которые, приобретя опыт боевых действий, могут вернуться обратно в свои страны и использовать его на европейском континенте, где существуют и свои замороженные конфликты. Долгосрочным национальным интересам России в этих условиях отвечает формирование в Евроатлантическом регионе открытой системы коллективной безопасности на четкой договорно-правовой основе.

Ключевые слова: европейская безопасность, внешняя политика России, отношения Россия–НАТО, политические процессы на Ближнем Востоке, Африка.

111 **Цифровой джинн на службе Тегерана** — Олег Демидов

Иран интенсивно осваивает технологии борьбы в киберпространстве — от массированных DDoS-атак против крупнейшей мировой банковской до перехвата управления американскими беспилотниками. Тегеран пришел к идее конфронтации с Вашингтоном в киберпространстве лишь после того, как стал жертвой червя *Stuxnet* и его наследников. Организаторы киберопераций в иранских сетях открыли новое измерение противостояния — и теперь движение здесь стало двусторонним. Российскому руководству в связи с этим надо готовиться к худшему.

Ключевые слова: кибершпионаж, безопасность критической инфраструктуры, компьютерные вирусы.

115 **В Азию, в Азию! *Geopolitique russe* глазами швейцарского банкира** — Арно Леклерк

Нынешнее место России в мире автор пытается осмыслить с точки зрения геополитики и обращается к общему контексту российской истории и историософии. Вместе с тем он приходит к выводу, что без оздоровления российской политической элиты дальнейшее развитие России будет весьма затруднительным.

Ключевые слова: внешняя и внутренняя политика России, история России, модернизация.

О Б З О Р Ы М И Р О В Ы Х П Р О Ц Е С С О В

122 **Индекс *iSi* за сентябрь–ноябрь 2013 г.: Курс политической химеотерапии** — Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Галия Ибрагимова, Халил Каравели, Андрей Кортунюв, Сехларе Макгетланенг, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан, Мустафа Фетоури, Константин фон Эггерт

Резкое изменение политической ситуации вокруг химического оружия Сирии способствовало повышению Индекса международной безопасности осенью 2013 г., однако Ближний Восток, наряду с Африкой, остался в числе главных источников нестабильности в мире, оказывающей влияние на глобальную безопасность. Помимо этого свою негативную роль продолжает играть экономическая ситуация в промышленно развитых странах.

Ключевые слова: гражданская война в Сирии, химическое оружие, внешняя политика России, ситуация на Ближнем Востоке, политические процессы в Азии и Африке.

127 **Глазами либерала: Мольер без смеха** — Юрий Федоров

Решение о ликвидации сирийского химического оружия организационно и финансово плохо проработано и потребует еще серьезной дипломатической работы. Перспективы самой Сирии — это выбор между распадом государства и его ливанизацией. Вместе с тем накопившиеся внешнеполитические ошибки Вашингтона свидетельствуют об эрозии его роли в качестве глобального арбитра. Однако в сложившейся международной ситуации Россия, поглощенная проектами освоения Арктики и попытками сохранить свое влияние на Украину, также будет сдавать свои внешнеполитические позиции.

Ключевые слова: гражданская война в Сирии, внешняя политика США, внешняя политика России, система международных отношений, Арктика, российско-украинские отношения.

140 **Глазами консерватора: Эпоха перераспределения капитала** — Дмитрий Евстафьев

Неудача США в Сирии, разногласия с их ключевыми союзниками и даже Бразилией были обусловлены американской внутривнутриполитической борьбой, обострившейся в свете мировых финансово-экономических процессов. На этом же фоне происходят подвижки в американо-иранских отношениях, поиск европейцами новой социально-экономической модели, глубинные трансформации в салафитском движении, ставшие одной из наиболее значимых мировых тенденций, и постепенное изменение расклада сил в Южной и Восточной Азии. В этих условиях России необходимы жесткий прагматизм в отношении стран СНГ, а также стратегическое развитие инфраструктуры на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: гражданская война в Сирии, внешняя политика США, американо-иранские отношения, внешняя политика России, мировая экономика, система международных отношений, ЕС, СНГ.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

153 **Уменьшение ядерной опасности и беллетристика Ричарда Перла** — Алексей Обухов

Создание центров уменьшения ядерной опасности в Москве и Вашингтоне в конце 1980-х гг. в связи с подписанием Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности стало важным и дальновидным

шагом в деле укрепления стратегической стабильности, сохраняющим свою актуальность до сих пор. Однако за этим решением стояли острейшие внутренние разногласия и интриги в Соединенных Штатах и Советском Союзе. Роль американского дипломата и политика Ричарда Перла в достижении американско-советского компромисса исследует один из ключевых участников тогдашних переговоров Алексей Обухов.

Ключевые слова: ядерное разоружение, советско-американские отношения, внешняя политика США, Договор РСМД.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 165 **В переводе с дипломатического** — Владимир Орлов

«Меня не покидал образ затаяного в костюм дипломата, дремлющего где-нибудь на женеvской Конференции по разоружению, который, притворяясь, что со вниманием слушает очередного нудного докладчика, на самом деле держит перед глазами эту книжку, и вдруг посередине этого нудного выступления не выдержит да как разразится хохотом на весь этот каменный мешок», — рецензия на записки дипломата *Marek Arnaud. The Weak Send Rocks, the Strong Send Rockets. A Thousand Diplomatic and Un-diplomatic Jokes. Illustrated by Lionel Portier. Foreword by Hon. Gough Whitlam.* — Eloquent Books. N.Y., 2009.

Ключевые слова: разоружение, Ближний Восток, дипломатия.

Р Е Д А К Т О Р У

- 169 **Ключевой субъект мировой политики не может впасть в крайности** — Дмитрий Москвин

- 171 **Дискуссия без идеологических шор** — Ирина Миронова

- 173 SUMMARY

- 177 ОБ АВТОРАХ

- 183 ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

И РАБОЧИЕ ГРУППЫ ПРИ НЕМ

- 188 СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ

- 189 МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

- 190 СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ ЗА 2013 ГОД

- 196 РЕЦЕНЗЕНТЫ В 2013 ГОДУ

КОНЕЦ. ЦИТАТЫ

- Обл. III **О дурацких экспериментах**

ИРАН. ЖЕНЕВА. СДЕЛКА. ПЕРЕДЫШКА

Хрупкое, промежуточное, соглашение по иранской ядерной программе было достигнуто 24 ноября в Женеве. В ходе переговоров всем участникам удалось сохранить лицо и не уронить своего достоинства. Это, безусловно, является хорошей отправной точкой.

Впереди — долгий путь к всеобъемлющему урегулированию, длиной, как минимум, в полгода.

Право Ирана на обогащение урана никем не оспаривалось и не будет оспариваться, хоть об этом и не говорится в открытую в тексте соглашения. Тем не менее, уже в день его подписания иранский президент заявил: «Мы будем работать в Натанзе и в Араке следующие шесть месяцев так же, как мы это делаем сейчас». Лукавство: временная приостановка обогащения урана свыше пяти процентов является элементом Женевской сделки.

Сама Женевская сделка в значительной мере символична: она является свидетельством достигнутого прогресса, указывает направление дальнейшего движения, а также демонстрирует желание всех вовлеченных сторон двигаться вперед; она способствует укреплению доверия, в особенности, между США и Ираном.

Но все же этот документ по своей природе лишь промежуточный, переходный.

В самом деле, на практике многое ли изменилось в результате достижения договоренности по Ирану/с Ираном?

Значительно возросло доверие, поскольку — впервые после десятилетия бесплодных переговоров — все участники увидели, что достижение договоренностей и компромиссов с Ираном реально. И это — огромный успех сам по себе. Однако давайте признаем, лукавство отбросив: решение по ключевым проблемам иранской ядерной программы было отложено на середину 2014 г.

Что будет дальше? Прозрачность иранской ядерной программы должна существенно возрасти, МАГАТЭ проведет проверки на ядерных объектах Ирана и получит доступ к соответствующей документации в беспрецедентных доселе масштабах. И это, однозначно, хорошая новость. Иран откажется от обогащения урана свыше пяти процентов и от ввода в строй новых центрифуг, что тоже позитивно.

Вернут ли Ирану замороженные деньги? Да, по крайней мере, от трех до пяти миллиардов долларов, в отношении которых не нужно получать одобрение Конгресса. Но самая трудная часть, как для Роухани, так и для Обамы начнется тогда, когда речь пойдет о полном снятии односторонних американских санкций с Ирана. Иранцев интересует свобода передвижения своих капиталов по миру, а она сильно ограничена и через ФАТФ, и через односторонние американские меры — вот они как раз и *кусаются*. В этой части проигнорировать Капитолийский холм не полу-

чится, и именно в этот момент в процесс вмешаются и Тель-Авив, и Эр-Рияд — оба опытных игрока, когда дело доходит до движения мировых финансовых потоков. В Женеве не участвовавшие, конечно, в переговорах, но присутствовавшие там незримо Израиль и Саудовская Аравия проиграли, однако игра не закончена.

Наконец, Иран должен как можно скорее ратифицировать Дополнительный протокол к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ, равно как и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, поскольку это послужит дальнейшему укреплению доверия. В этом случае, считал бы логичным, целесообразным приглашение Ирана к участию в Саммите по ядерной безопасности в Гааге в марте 2014 г.

Санкции Совета Безопасности ООН могут быть отменены постепенно, причем некоторые из них — уже в течение шестимесячного *испытательного срока*, остальные же — в результате подписания всеобъемлющего соглашения в 2014 г.

Важные вопросы, которые предстоит решать в ближайшие полгода: *во-первых*, будущее тяжеловодного реактора в Араке; *во-вторых*, будущее обогачительно-го комплекса в Фордо; *в-третьих*, обеспечение того уровня доступа инспекторов МАГАТЭ, который закреплен в Дополнительном протоколе к соглашению о гарантиях, ратифицирует ли его Иран в ближайшие месяцы или нет.

Отдельно стоит вопрос о предоставлении гарантий о неприменении силы и угрозы применения силы (включая кибератаки) в отношении объектов ядерной инфраструктуры Ирана. Но он увязан с предыдущими.

Должно ли *всеобъемлющее соглашение*, которое может быть подписано в 2014 г., касаться только ядерных вопросов или оно должно быть шире по своей проблематике? На многостороннем уровне, обращение только к ядерной проблематике мне представляется достаточным. Что же касается двусторонней ирано-американской договоренности, то она должна включать гарантии безопасности со стороны Вашингтона в отношении Тегерана. Должны быть затронуты такие вопросы региональной безопасности как Сирия, Ирак, Афганистан и военно-морское противостояние в Персидском заливе и Аравийском море. Маловероятно, что данные гарантии будут подлежать всеобщей огласке. Таким образом, Обаме и Роухани предстоит пройти очень длинный путь, прежде чем такое *пакетное соглашение* будет достигнуто, если это вообще возможно.

Что результат женевских переговоров означает для России? Второй раз за эту осень, после соглашения по химическому оружию Сирии, российская дипломатия добилась впечатляющего успеха. Ведь если непредвзято разобраться, значительная часть согласованного в Женеве плана действий основывалась на российском *плане Лаврова*. Позиция России была последовательна, она практически не менялась на протяжении осенних переговоров. Право Ирана на обогащение урана не оспаривается, запасы урана с обогащением в 20 процентов будут ликвидированы. Таким образом, угроза ядерного распространения, составлявшая главную обеспокоенность России, резко снизилась. Именно это — главный российский успех.

Иранская ядерная программа станет более прозрачной — это имеет не меньшее положительное значение для Москвы. Тот факт, что по отношению к Ирану в международном сообществе стал формироваться климат доверия, также является позитивным знаком в глазах России. Снижение политического напряжения, отказ от угроз применения силы, — все это неоспоримые плюсы для России.

Россия, однако, должна быть готова к дальнейшему развитию событий по двум совершенно противоположным сценариям.

Сценарий А: Если диалог между США, западными странами в целом и Ираном будет успешным, России предстоит играть совершенно иную роль. При таком раскладе обязательно появятся новые нефте- и газопроводы, причем, не обязательно в интересах России. И цены на углеводороды, скорее всего, покатятся вниз.

Сценарий Б: Если сегодняшние договоренности не будут соблюдены и итоговое соглашение так и не будет подписано в 2014 г., политическое напряжение в регионе может достичь беспрецедентного уровня.

Вывод — текущая ситуация идеальна для России: временное дипломатическое решение, предусматривающее большую прозрачность в отношении иранской ядерной программы и ведущую (и при этом как бы тeneвую) роль российской дипломатии в многостороннем переговорном процессе, равно как и стратегическое значение двустороннего диалога с Тегераном.

Что касается последнего, то мне не было удивительно, когда в день подписания Женевских договоренностей Роухани на публике вспомнил свое участие во встрече ШОС в Бишкеке в начале сентября 2013 г., где состоялась его первая встреча с Путиным. На мой взгляд, сейчас создалась идеальная ситуация для визита Роухани в Москву. Или Путина в Тегеран, с заездом в Бушер, чтобы открыть АЭС на полную мощность, почему бы и нет; а заодно обсудить с Роухани углубление экономического сотрудничества — вопрос, которого они едва коснулись во время своей встречи в сентябре.

Время активизировать двусторонние экономические связи пришло. Как и пришло время принять Иран в состав ШОС на правах равноправного члена, не дожидаясь, когда санкции СБ ООН будут сняты. До сих пор это являлось предлогом для отказа Ирану в членстве в ШОС, и предлогом надуманным. Если даже США заговорили, наконец, об отмене санкций в отношении Ирана, Россия тем более должна придать новый импульс своему стратегическому сотрудничеству с Тегераном.

Также важно понимать, что при любом раскладе, на протяжении, как минимум, следующих шести месяцев, двустороннее американо-российское лидерство в отношении иранской ядерной проблемы будет являться ключевым фактором при поиске стабильного, устойчивого, всеобъемлющего решения, основанного на ноябрьском промежуточном соглашении.

Устойчивое соглашение по иранской ядерной программе благоприятно повлияет на политический климат Ближнего и Среднего Востока. Контрпродуктивная, агрессивная политика ястребов — саудитов и им подобных была нейтрализована; попытка Саудовской Аравии торпедировать женевские переговоры не увенчалась успехом. Иран — как и Египет — может сегодня сыграть более активную и конструктивную роль в прекращении гражданской войны в Сирии. Именно Тегеран и Каир должны проложить дорогу к долгожданной конференции по созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке (ЗСОМУ), при недвусмысленной поддержке со стороны США, Великобритании, России и генерального секретаря ООН.

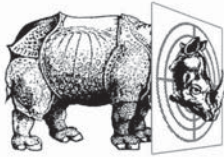
В последнем номере уходящего года мы предлагаем широкую палитру — и тематическую, и географическую.

Здесь и размышления о *мягкой силе* России, реальной и потенциальной, в интервью Константина **Косачева** и в эссе Арно **Леклерка**; и оценка современных вызовов и угроз для Евроатлантики глазами Игоря **Сергуна**; и круглый стол о глобальном управлении интернетом и борьбе с киберпреступлениями под председательством Михаила **Якушева**; и долгосрочный прогноз Дэйва **Эванса** о возможности формирования единого биокomпьютерного механизма.

Что до географии, то здесь и **БРИКС** (в контексте кооперации в области передовых технологий и в преддверии Форталезы-2014), и *Южно-Китайское море* (в контексте китайской политики, которая, по мнению Дмитрия **Мосякова**, ведется на грани фолла), и *Сахель* (с урановым акцентом в статье Евгения **Корендясова**), и, конечно, снова *Ближний Восток* (точнее, российское ВТС с регионом в обзоре Натальи **Калининой**)... и снова *Иран* — успешно, по оценке Олега **Демидова**, осваивающий технологии войн будущего.

Но пока — передышка.

Владимир ОРЛОВ

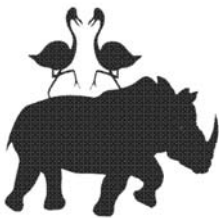
В ДЕСЯТКУ: О СИЛЕ ПОДЧИНЕНИЯ

Джейд Таунсенд, Уильям Тлоухида. *Bellum Omnium Contra Omnes* 2012.

«Там, где нет силы, способной держать всех в подчинении, люди не испытывают никакого удовольствия от жизни в обществе. Ибо каждый человек добивается, чтобы окружающие ценили его, также как он сам себя ценит. И при всяком проявлении презрения или пренебрежения он пытается, насколько это в его силах, добиться от своих хулителей уважения к себе. И там, где нет общей власти, способной заставить людей жить в мире, доходит до того, что они готовы потубить друг друга».

Томас Гоббс. «Левиафан» (1657)

Константин Косачев:

«МЯГКАЯ СИЛА И ЖЕСТКАЯ СИЛА —
НЕ СУММА, НО ПРОИЗВЕДЕНИЕ»

В условиях глубинных изменений в системе международных отношений и связанной с ними стратегической неопределенности, интерес к использованию мягкой силы во внешней политике России оправдан и необходим. Способность быть привлекательным для зарубежных партнеров, для их граждан означает способность убеждать их и побуждать к совместным действиям.

Однако здесь требуется понять: каким потенциалом мягкой силы сегодня обладает Россия? Что во внутреннем устройстве государства и общества и во внешнеполитическом поведении может быть привлекательным для российских партнеров и визави? Какие инструменты требуются, чтобы укреплять и продвигать российскую мягкую силу? На эти и другие вопросы в интервью журналу Индекс Безопасности отвечает руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) Константин Косачев¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Россия сравнительно недавно стала уделять особое внимание *мягкой силе* в своей внешней политике. Насколько новым для нас является этот инструмент в действительности?

КОСАЧЕВ: По моим наблюдениям, в феврале 2012 г. Владимир Путин, будучи еще кандидатом в президенты, впервые употребил этот термин — *мягкая сила*. Затем в развернутой форме Президент давал интерпретацию *мягкой силы* в выступлении перед послами РФ в июле 2012 г. И наконец в феврале 2013 г. термин *мягкая сила* впервые обрел свое юридическое оформление в новой редакции концепции внешней политики России.

Таким образом, на протяжении года инструментарий *мягкой силы* окончательно вошел в практику российской внешней политики. Это совершенно точно не значит, что *мягкая сила* является какой-то принципиальной инновацией в нашей отечественной внешней политике, конечно же, нет.

Более того, *мягкая сила*, хотя она тогда так не называлась, активно использовалась предшественником России, Советским Союзом, на протяжении всех десятилетий противостояния между блоками.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В чем была специфика советской *мягкой силы*, и почему произошел такой временной разрыв между использованием ее инструментов во внешней политике СССР и современной России?

КОСАЧЕВ: Надо сказать, что Советский Союз к этой сфере относился предельно ответственно и системно. Понимая, что баланс сил в современном мире достигается не только за счет извечных союзников нашей страны, армии и флота, но и за счет баланса в сознании людей которые определяются в своем отношении к тем или иным общественно-политическим системам.

В Советском Союзе существовало большое число официальных организаций, государственных, полугосударственных, *псевдообщественных*, которые занимались продвижением советской идеологии и советского образа жизни за рубежом. И масштабы соответствующих мероприятий носили действительно глобальный характер.

Потом наступило другое время, исчез Советский Союз и власти в первые годы существования суверенной России, посчитали, что это измерение внешней политики излишне, что все это из прошлого, что все это от советской агитации и пропаганды. В итоге созданная Советским Союзом система была в первой половине 1990-х гг. практически полностью демонтирована, она исчезла.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько серьезными для России оказались результаты этого демонтажа? И как быстро можно выправить сложившуюся ситуацию?

КОСАЧЕВ: Совершенно очевидно, что процессы, которые относятся к сфере *мягкой силы*, не носят сиюминутного характера, результаты деятельности или бездеятельности проявляются даже не через годы, а через десятилетия и мы можем сейчас, через два десятилетия после распада Советского Союза, оценить эти результаты.

Существует огромное количество рейтингов и индексов, измеряющих мягкую силу тех или иных государств, в которых Россия оказывается в конце второго десятка. Понятно, что любой рейтинг отражает интересы и пристрастия тех, кто заказывает и составляет.

Мне в этом смысле интересен рейтинг, составленный примерно полтора года назад российским фондом *Сколково* в сотрудничестве с компанией *Ernst&Young*. Россия здесь несколько выше, примерно на десятом месте, но рейтинг интересен не местом России, а попыткой его составителей объяснить критерии, по которым оценивалась *мягкая сила* тех или иных государств.

Составители этого рейтинга вынесли во главу угла три главных фактора: имидж государства, его соответствие общемировым ценностям и степень вовлеченности в глобальную интеграцию.

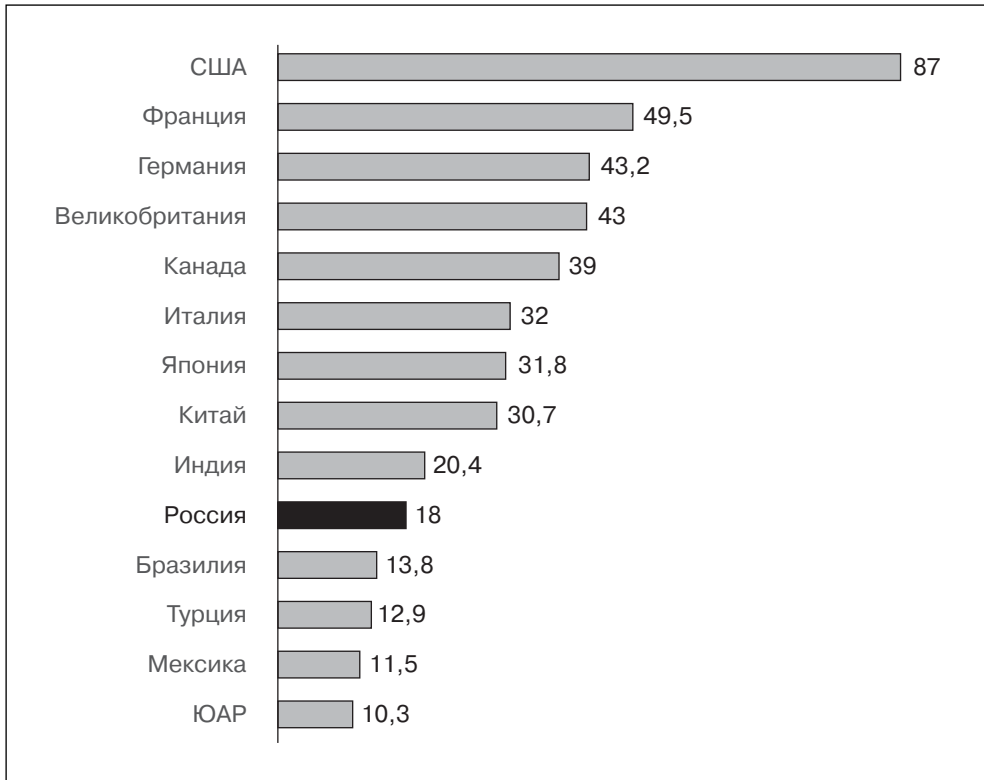
Внутри есть много критериев: например, количество олимпийских чемпионов, знание населением английского языка, активность избирателей, это совершенно разные критерии, но в сумме они дают результат, который показался в *Сколково* объективным.

Еще раз повторю, что рейтингов очень много, но все они фиксируют примерно одну и ту же тенденцию, в своем потенциале *мягкой силы* Россия на данный момент, очевидно, уступает своим партнерам либо геополитическим соперникам.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как же обстоят дела с *мягкой силой* у упомянутых Вами зарубежных партнеров и конкурентов России?

КОСАЧЕВ: В отличие от России, наши коллеги в других странах, в том числе и среди государств-членов Совета Безопасности ООН, в последние 20 лет активно занимались развитием теории *мягкой силы* и реализацией этой теории на практике.

Рисунок 1. Рейтинг мягкой силы

Источник: Фонд Сколково и Ernst&Young

Ю
Б
Р
Е
Т
Н
И

Как известно, сам термин *мягкой силы* был изобретен американским политологом Джозефом Наем в начале 1990-х гг. Согласно Наю, *мягкая сила* — это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек.

Интерпретируя эту красивую формулу в более сухой язык современной дипломатии, могу сделать два комментария. *Во-первых*, в современном мире не менее, а может быть и более важным, чем суть тех или иных внешних политических действий государства оказывается внешняя реакция, прежде всего общественная реакция на эти действия. *Во-вторых*, эта общественная реакция подлежит моделированию, подлежит манипулированию, и подлежит мобилизации.

Здесь хватает примеров: достаточно вспомнить события 2008 г. в российско-грузинском конфликте, либо ситуацию вокруг Сирии, которая тоже до последнего времени развивалась по законам использования (не без злоупотреблений) фактора *мягкой силы*. Так или иначе, США, государства ЕС и в последнее время Китай самым активным образом применяют *мягкую силу* в своей внешней политике.

Интересно, что китайская активность на этом направлении впервые официально была обозначена на XVII съезде Компартии Китая в 2007 г. Китайцы сделали ставку на повсеместное открытие филиалов Института Конфуция как инструмента реализации собственной *мягкой силы*.

Но больше всего мне нравится, что в китайском подходе, в отличие от американцев и европейцев, жесткая сила и мягкая сила — это не сумма, а произведение. То есть, с их точки зрения, если нулю равна одна из составляющих, то и произведение будет равно нулю. Таким образом, жесткая сила не может существовать без *мягкой силы*, и соответственно, *мягкая сила* не может существовать без жесткой.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: А что же феномен *мягкой силы* представляет непосредственно для России? В чем она заключается для нашей страны?

КОСАЧЕВ: Здесь сколько аналитиков — столько и точек зрения. Нет необходимости приводить все попытки интерпретировать *мягкую силу* России, но что бы вы ни назвали, оно имеет право на существование, начиная с *загадочной русской души*, заканчивая нашими достижениями в космосе.

Сухим языком феномен *мягкой силы*, как я уже говорил, был впервые описан в России в новой редакции концепции внешней политики, где *мягкая сила* охарактеризована как набор инструментов для решения внешнеполитических задач альтернативными классической дипломатии методами и технологиями, которые в то же время дополняют последнюю. Это означает принципиально новые измерения той деятельности, которой занимается наше федеральное агентство — Россотрудничество.

На наш взгляд, очевидно притягательными элементами нашего позиционирования в мире является безусловное уважение Российской Федерацией суверенитета других государств и отказ от вмешательства в их внутренние дела. Это почти *ноу-хау* России в современном мире.

Это также наша готовность участвовать в коллективных глобальных и региональных институтах безопасности. Нашу попытку выстраивать эти институты без ущерба для безопасности других государств и групп государств тоже можно назвать российским *ноу-хау*.

Ко всему прочему мы готовы предлагать партнерам сотрудничество без каких-либо предварительных условий. Мы не используем принцип «вы сначала должны сделать это, и только после этого мы пойдем вам на встречу», а сразу приглашаем к сотрудничеству на равных.

На мой взгляд, все эти элементы совершенно очевидно присутствуют в современной внешней политике России, но они недостаточно артикулированы и нуждаются в дополнительном продвижении вперед.

Все эти соображения мы сейчас готовим для рассмотрения руководством страны. Комплексная стратегия, или доктрина, российской *мягкой силы* должна появиться к концу текущего года. Это главное, чем мы сейчас заняты.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Переходя непосредственно к Россотрудничеству, какие задачи стоят сегодня перед Вашим ведомством с позиции развития *мягкой силы* России?

КОСАЧЕВ: Хочу обратить ваше внимание на одну принципиально новую позицию в перечне наших полномочий: в мае 2013 г. вышел указ Президента, который придал Россотрудничеству дополнительные полномочия в сфере так называемого содействия международному развитию, то есть нашей помощи развивающимся странам. И теперь наше агентство, которое до сих пор было сравнимо с Британским Советом или с Институтом Гете, становится в большей степени похожим на американское агентство USAID.

Таким образом, мы собираем в рамках Россотрудничества все компетенции, связанные с формированием за рубежом благоприятного, позитивного и заинтересованного отношения к нашей стране.

Разумеется, возникает естественный вопрос, насколько эта миссия возможна, либо не возможна? Я не открою большого секрета, сказав, что образ России в современном мире сейчас очевидно не благоприятен и скорее негативен, нежели чем позитивен.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В чем причины этого негатива?

КОСАЧЕВ: Лично у меня есть на этот вопрос три ответа. *Во-первых*, это произошло в силу исторических причин. Россия на протяжении столетий была одним из центров соперничества за глобальное превосходство. Другие центры воевали, в том числе и друг с другом, но с тех пор они вошли в союзы друг с другом, за, пожалуй, одним исключением, которым является Россия.

И поэтому за США или за Великобританией не тянется шлейф ответственности за уничтожение индейцев на американском континенте. И за современной Германией не идет ответственность за преступления нацистов. В то время как современная Россия парадоксальным образом все время призывается к ответу и за переселения черкесов из района Сочи, и за депортацию чеченцев в годы Великой Отечественной войны, и за многие другие действия, которые совершались в другое время и другим государством.

Во-вторых, Россия продолжает действовать независимо в современных международных ситуациях. И к этой независимости либо несговорчивости России очень легко прикрепляются фобии, связанные с нашей историей. И очень легко объяснить особую позицию России и по Сирии ее прежними советскими имперскими замашками и очень соблазнительно.

В-третьих, продолжается дискредитация России как глобального конкурента.

Означает ли это, что задача по созданию объективного образа России в мире невозможна — конечно же, нет. Чем больше времени проходит с момента распада СССР и возникновении современной России, тем больше возникает нового, я подчеркну, качественно нового интереса к нашей стране, не обремененного идеологическими наслоениями прошлого.

Когда распалась Российская Империя в 1917 г., в мире, на русском языке говорило около 150 млн человек. Когда распался СССР в 1991 г., на русском языке говорило 350 млн человек, то есть больше чем в два раза. По состоянию на сегодня оценки разные, но русским языком владеют 250–300 млн человек, то есть, их число сократилось. И если продолжать эту тенденцию линейно, то к 2050 г. мы можем оказаться по этому показателю на уровне ниже, чем в 1917 г.

Но политическая логика сильнее, чем арифметическая. Уже сейчас можно утверждать, что интерес к русскому языку в мире уже прошел свою низшую точку и, очевидно, обрел новое *второе дыхание*. Русский язык сейчас вышел на второе место в интернете после английского по частоте своего использования.

Почти во всех странах СНГ количество желающих учить русский язык вновь растет, причем это происходит темпами, опережающими возможности самих этих государств и, соответственно, России по поддержке русского языка там.

Так, по данным национального статистического института Болгарии, в болгарских школах сейчас русский язык на первом месте среди иностранных языков и обгоняет по популярности даже английский. Для сравнения: в Польше русский язык

на втором языке после английского, хотя в середине 1990-х гг. он скатился на 15-е место.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Помимо продвижения русского языка, какие еще конкретные шаги предпринимает Россотрудничество в рамках решения поставленных задач?

КОСАЧЕВ: Нашу работу на будущее мы разделяем на три составляющих.

Первая сфера — привлечение интереса к России, чтобы люди, которым в сознание приходит слово Россия, не ограничивались чтением газеты и просмотром телевидения.

Вторая сфера — предоставление возможности тем, кто заинтересовался Россией, удовлетворить этот свой интерес через участие в соответствующих мероприятиях общественно-политического, образовательного, культурного, научного и какого угодно еще характера.

Третья сфера — мы стремимся к тому, чтобы голос тех, кто хорошо понимает Россию нашу мотивацию, наши интересы, звучал бы не менее громко, чем голос тех, кто понимает и любит другие страны.

И мы не ограничиваемся странами СНГ и разворачиваем свою активность в глобальном масштабе. В настоящее время мы работаем уже почти в 80 странах. Вот в начале октября 2013 г. был открыт новый российский центр науки и культуры в Лаосе. И мы, разумеется, имеем такие российские центры науки и культуры во всех основных мировых столицах. Включая Вашингтон, Брюссель и Пекин.

Хотя, разумеется, основная наша активность будет сосредоточена, в первую очередь, на соседних для России странах. Мы в настоящий момент работаем почти везде в СНГ, за исключением Туркмении. Пока есть проблема с подписанием межправительственного соглашения по деятельности культурных центров в этой стране.

Если же брать шире — все постсоветское пространство, — то мы не представлены в трех государствах Балтии. По нескрываемым политическим причинам нам не дают там работать, считая, что мы во взаимодействии с соотечественниками будем наносить ущерб государственным интересам этих стран, что абсолютно не правда.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько успешным может быть развитие и использования мягкой силы Россией, если внутри страны не до конца решен вопрос с культурной и гражданской идентичностью, с тем, куда Россия идет? Что еще, кроме культуры, образования и других традиционных вещей, может быть представлено остальному миру — какая модель?

КОСАЧЕВ: Я думаю, этот вопрос должен быть адресован не только России. Скажем, США, на протяжении десятилетий транслировали в мир успешность своей экономической системы. Многие другие сопутствующие проекты были основаны на богатстве Америки. Я не думаю, что кто-то сегодня возьмется утверждать, что этот американский *message* устойчив и сохранится впредь в ближайшие десятилетия.

ЕС известен тем, что он транслирует в мир так называемые европейские ценности. Я утверждаю, что для объединенной Европы, для стран ЕС путь к общим ценностям еще далеко не пройден. Скажем, на Мальте только полтора года назад официально были разрешены разводы. Также вопрос об абортах, одна из базовых ценностей для человечества, разделяет страны ЕС кардинальным образом.

Вопрос об отношении к наркотикам, вопрос об отношении к проституции, вопрос об отношении к эвтаназии — все это базовые ценностные вопросы, относящиеся к сфере прав человека, которые далеко не пройдены для ЕС, но которые отодвигаются в тень, а вперед выдвигается витрина, не всегда соответствующая реальной ситуации.

Я соглашусь, что у России в меньшей степени, чем у государств ЕС и Соединенных Штатов, есть в наличии какой-то *message*, который она могла бы доставить в окружающий мир. Но я не соглашусь, что это ситуация единицы и ноля в двоичной системе: вот у кого-то этот *message* есть, а у России его нет.

Мы все находимся в поисках идеального ответа на вопросы о том, как должно быть обустроено наше общество. И в каких-то вопросах Россия прошла дальше, чем наши уважаемые партнеры, например, в дискуссиях о мультикультурализме. На весьма сложные ситуации в нашей стране удастся давать ответы, которые пока еще не выработали для себя многие европейские государства.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Что касается поднимавшихся уже вопросов об исторической ответственности: не секрет, что ряд событий в истории XX в. воспринимается по-разному в России и европейских странах, особенно в странах Балтии. Оказывает ли это различие влияние на привлекательность России и, соответственно, на российские возможности по использованию *мягкой силы*?

КОСАЧЕВ: Мы не прославляем нашу историю, мы просто не рассматриваем ее в качестве черно-белой. Мы знаем свою историю, и мы сами стараемся в ней разобраться, но мы совершенно точно не согласимся с упрощенным и примитивным толкованием этой истории.

Это проблема для современной России и нам эту проблему еще совершенно точно предстоит решить. Но я надеюсь, что в конечном итоге мы сможем достичь консенсуса, достичь общего понимания истории и с нашими европейскими соседями — не на позиции черного и белого, а на позиции всей многогранности нашей общей трагичной истории.

В том, что касается балтийских республик, конечно, мы понимаем специфику их подхода к советской истории. Но мы не можем согласиться с тем, что в Латвии и Эстонии, по-прежнему сотни тысяч людей, живущих там со времен СССР, не имеют гражданства. И ни чем иным, как пресловутой *европейской солидарностью*, мы не можем объяснить невнимания ЕС к этой проблеме.

Все же, надеюсь, центр Россотрудничества появится в будущем в Риге и в Таллинне.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В современных условиях обеспечение *мягкой силы* государства — это сфера компетенции не только ведомств, но и негосударственного сектора. Возможно ли использование механизма государственно-частного

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

Место России в международных отношениях — это сложный вопрос, и россияне не дали себе пока еще точного ответа. Мы с начала 1990-х гг. продекларировали европейский выбор для нашей страны, и этот выбор не являлся выбором географическим. Это был выбор мировоззренческий, это был выбор той модели, которая показала себя наиболее успешной. Эта модель основывается на трех составляющих: свободная рыночная экономика, плюралистическая модель общества и высокая социальная ответственность государства и бизнеса. И мы путем построения этой модели в России идем очень тяжело. Но все же движемся вперед.

Константин Косачев. Определиться с тем, что представляет собой сегодняшняя Россия, где ее место в мире, *Индекс Безопасности*, № 4 (87), Зима 2008, С. 12

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

партнерства в наращивании российской *мягкой силы*? Как вы видите этот механизм?

КОСАЧЕВ: Это крайне актуальная задача и для нашего агентства и в целом для федеральных органов исполнительной власти. Но пока похвастаться мы можем только отдельными достижениями, отдельными проектами, которые пока не носят системного характера.

Например, в прошлом году в Вифлееме Президентом РФ был открыт российский центр науки и культуры, который был полностью построен и передан Россотрудничеству частными инвесторами.

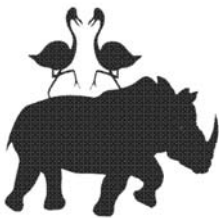
Мы сейчас ведем переговоры с рядом российских компаний, которые заинтересованы в усилении нашего присутствия в Африке, об учреждении там российских центров науки и культуры без бюджетного финансирования — за счет средств этих инвесторов. И таких проектов сейчас около пяти.

Пример совершенно по другой области: у нашего агентства есть ответственность по восстановлению российских гражданских мемориальных мест за рубежом. Речь идет о местах, где находили свой покой наши белые эмигранты после революции. Так, к 1 августа 2014 г., к столетней годовщине начала Первой мировой войны, мы собираемся полностью восстановить русский некрополь в Белграде — там 800 могил, в том числе барон П. Н. Врангель и спикер Государственной думы М. В. Родзянко. Бюджет этого проекта — 2 млн долл., из которых 1 млн долл. выделяет Россотрудничество, а нам готовы выделить компании *Внешэкономбанк*, *Сбербанк*, *ВТБ*, *Транснефть* и другие.

Однако повторю, что государственно-частное партнерство пока не носит системного характера, и это одна из тех задач, которые будут решаться в рамках подготавливаемой нами комплексной стратегии российского гуманитарного присутствия в мире. 🐘

Примечание

¹ Текст подготовлен на основе неконфиденциальных фрагментов выступления К. И. Косачева на заседании Международного клуба *Триалог*, состоявшемся 3 октября 2013 г. в Москве.

Дэйв Эванс:

«СЛЕДУЕТ ОЖИДАТЬ СЛИЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА И МАШИНЫ,
ПОКА МЫ НЕ ПОЛУЧИМ ЕДИНЫЙ БИОКОМПЬЮТЕРНЫЙ
ОРГАНИЗМ»

Темпы развития информационных технологий сегодня опережают мышление самых смелых фантастов, создавая огромное поле возможностей и вызовов для всего человечества. Уже сейчас многие продукты ИКТ-революции, такие как 3D-печать, интернет вещей, квантовые вычисления, нейрокомпьютерный интерфейс и суперкомпьютеры создают почву для революции в привычном нам укладе войны, экономики, торговли и производства, быта. Более того, сам человек стоит перед перспективой конвергенции с машиной как в социально-коммуникативном, так и в непосредственном биологическом смысле.

Как отразятся эти изменения на социальной ткани общества и его жизнедеятельности в различных сферах, включая безопасность? Ответы на эти и другие вопросы директор программы ПИР-Центра Международная информационная безопасность и глобальное управление Олег Демидов искал в эксклюзивном интервью со штатным главным футурологом Cisco Internet Business Solutions Group Дэйвом Эвансом.

ДЕМИДОВ: В своей работе *Десять трендов развития технологий*, которые изменяют мир через десять лет Вы прогнозируете всемирный переход к использованию солнечной энергии благодаря развитию технологий производства фотоэлементов. Что вы думаете о будущем атомной энергии к 2030 г. — будет ли она использоваться после Фукусимы и сможет ли соперничать с солнечной энергией или она обречена? Есть ли будущее у термоядерного синтеза к 2030 г.?

ЭВАНС: Действительно мы способны вырабатывать достаточно солнечной энергии уже сегодня. Технологии фотоэлементов развиваются с каждым годом, и мы наблюдаем все больше прорывов в этой области, к примеру, появление органических фотоэлементов, которые впоследствии могут быть переработаны. Что касается атомной энергии, должен заметить, что не являюсь экспертом в этой области.

Одна из проблем ядерных технологий на сегодняшний момент — это убежденность людей в их опасности, что подтверждается рядом событий за прошедшие несколько лет. Но если удастся добиться существенного прогресса в ядерном синтезе, более чистой и безопасной форме ядерной энергии, она станет конкурентом солнечной энергии. В то же время, продолжая развивать атомную энергетику на делении ядра, существенно более грязном способе производства, мы спровоцируем рост интереса к возобновляемым источникам, таким как ветер или солнце.

ДЕМИДОВ: Я хотел бы задать вопрос о технологиях 3D-печати. Что люди обычно подразумевают, говоря о 3D-печати, и к каким отраслям уже сегодня применима эта технология?

ЭВАНС: На сегодняшний день методом 3D-печати могут быть напечатаны 70% материалов — от керамики до различных видов металлов, пластиков и т. д. Проблема 3D-печати состоит в технологической сложности печатания смешанных, комбинированных материалов. Достаточно просто напечатать что-то, полностью состоящее из металла или пластика, но гораздо труднее осуществима 3D-печать объектов, состоящих из различных материалов.

К примеру, ваш мобильный телефон — это пластиковый корпус, экран из стекла, разнообразные материалы внутри, в батарее и электронной начинке. Мы пока не знаем, как решать эту проблему, но в скором времени это изменится, и мы сможем печатать более сложные вещи, включая даже такую технику, как мобильные телефоны. Это вопрос времени.

В чем заключается полезный потенциал этой технологии на сегодняшний день? Зависит от того, с чьей точки зрения Вы смотрите — потребителя или производителя. Для производителя 3D-печать очень полезна при создании прототипов, черновых моделей или печати комплектующих и элементов, преимущественно состоящих из одного материала, возможно, двигателей, их деталей и т. п.

Для потребителей 3D-печать дает возможность воспроизводить бытовые предметы, объекты и устройства, сделанные из одного материала, керамические, пластиковые, в целом, более простые, хотя и они могут быть достаточно сложными с геометрической точки зрения, в плане дизайна. Но следующим технологическим прорывом, который мы ждем, является создание разделенных печатающих 3D-головок, способных печатать различные виды материалов и смешивать их.

ДЕМИДОВ: Вопрос о так называемой *предиктивной* аналитике. Ряд компаний, включая американскую фирму *Recorded Future*, пользуется ей для обработки большого объема информации и *предсказания* событий. Считаете ли вы, что подобные аналитические инструменты будут использоваться уже в ближайшем будущем для конкретных бизнес-задач и государственного управления?

ЭВАНС: *Recorder Future* — это только один пример. Недавно я читал о проекте, в рамках которого планируется научиться прогнозировать человеческое поведение исходя из четырех порций информации о его местонахождении, полученной с сотового телефона. Грубо говоря, зная, где человек был в течение четырех разных моментов времени, мы можем вероятностью 90% определить, куда он пойдет дальше и что будет делать — правда, скорее в рамках статистического наблюдения, а не разового события. Дело не только в предсказании событий, но и в предсказании человеческого поведения, что важно для многих сфер, например, для той же сферы безопасности, но не только. В прошлом году с помощью *Google Maps* мы уже предсказывали географию распространения эпидемии гриппа.

Мы создаем о себе огромное количество информации, и чем больше информации продублируется, тем легче обоснованно прогнозировать наше поведение. Я даже думаю, мы сможем прогнозировать последствия событий, до того как они случились: колебания фондового рынка, до того как они происходят, или последствия выборов до того, как отдан последний голос.

Кроме того, хочу обратить внимание на суперкомпьютер *IBM Watson*. Он способен обрабатывать до 60 млн страниц информации за секунду. Он не только собирает ее, он способен понимать даже такую информацию, которую ни Вы, ни я понять не в состоянии. Языки, метафоры и сравнения, прочие тонкости языка и речи — все это ему доступно, эта машина способна самостоятельно *делать выводы из контекста*. И если мы сможем объединить достижения *Recorded*

Future с наработками *IBM*, объединить огромный массив обрабатываемой информации, которую производим, с передовыми технологиями ее машинного анализа, любой человек будет способен предсказывать и прогнозировать с помощью компьютеров.

ДЕМИДОВ: Считаете ли Вы, что к 2030 г. киборги будут общедоступны и станут стандартной технологией? В каких сферах будет востребована *киборгизация*? В частности будет ли она применима в сфере международной безопасности?

ЭВАНС: В каком-то смысле *киборгизация* уже стала распространенной технологией, используемой повсеместно, только в чуть упрощенном виде. Мы уже используем технологии для расширения своих способностей: очки, слуховые аппараты, мобильные телефоны. А к 2030 г. многие из них будут встроены в нас самих: например, экзоскелеты, для помощи парализованным людям. Не менее ожидаемы технологии и устройства для контроля над внешними объектами с помощью мыслей. Мы уже запустили процесс интеграции технологий с биологией — уже сегодня разрабатываются нейрокомпьютерные интерфейсы, экзоскелеты, а также 3D-принтеры, печатающие человеческие органы.

Но к 2030 г., я уверен, подобные технологии станут обыденностью, и мы продолжим постепенное объединение человека и машин, так как это позволяет нам расширить наши способности. Эта тенденция будет характерна для всех областей жизни — бесспорно, она найдет отражение в военной отрасли, но также в хирургии, ведь можно будет улучшить зрение хирурга, неважно, за счет внешнего устройства или же системы, интегрированной непосредственно в человеческий глаз. Мы увидим беспрецедентную интеграцию компьютерных технологий и биотехнологий.

ДЕМИДОВ: Вы упомянули нейрокомпьютерный интерфейс, или мозговой интерфейс, и у меня есть вопрос о будущем Сети. Технологии меняют природу человеческого общения, и вместе с ней меняется интернет. Можно прийти к выводу, что через 15–20 лет интернет полностью изменится, станет глобальной сетью взаимодействия, построенной на совсем другом технологическом уровне. Возможно, пост-интернет будет еще менее централизованным и в то же время практически вездесущим. Согласны ли Вы с этой теорией и каким Вы видите будущее Сети?

ЭВАНС: В целом я согласен. Человечество сейчас создает электронную нервную систему планеты, и в этой сфере существует несколько параллельных тенденций.

Во-первых, миллионы и миллиарды различных предметов и устройств, не только компьютеров и ноутбуков, но и домов, автомобилей, предметов гардероба становятся взаимосвязанными. *Во-вторых*, все эти вещи начинают *чувствовать*. Мы получаем способность фиксировать и отслеживать в реальном времени изменения климата, температуры, перемещения людей, товаров и объектов, преобразование окружающей среды и т. д. Теперь мы чувствуем мир совершенно по-другому.

Кроме того, к Сети добавляются очень сложные компьютерные устройства. В ближайшие десятилетия компьютеры станут в миллиарды раз сложнее и быстрее, чем сейчас. Следовательно, создается сеть, не только способная чувствовать, но и имеющая возможность *думать* или принимать решения. Сложив все составляющие, мы получим повсеместно действующую, думающую и чувствующую сетевую структуру.

Что касается непосредственно технологий, одной из многообещающих технологий является *квантовая сеть*. Определенный прогресс в этой сфере уже достигнут: обрабатываются квантовая маршрутизация, способность применять квантовую запутанность, возможность использовать ее для безопасной, зашиф-

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

рованной передачи информации внутри сети. Используя подобную технологию, можно будет создавать потенциально очень и очень быстрые сети.

Исходя из всего вышесказанного можно говорить о том, что Сеть через несколько десятилетий будет выглядеть совершенно иначе.

ДЕМИДОВ: Итак, через 20 лет не будет DNS-серверов, доменных имен, IP-адресов и всех сегодняшних составляющих привычной архитектуры интернета?

ЭВАНС: Я не говорю, что не будет ничего подобного — система идентификации в Сети в любом случае необходима, но технологии могут быть совершенно другими. Сейчас осуществляется переход с IPv4 на IPv6, а через пару десятилетий мы перейдем на какую-либо новую систему, возможно, основанную уже не на IP. Способ идентификации все равно будет необходим. То же самое можно сказать и о сегодняшней системе DNS. Несмотря на грядущие технологические *надстройки*, связанные с прогрессом функционирования сети, способ перевода с языка, воспринимаемого машинами, на человеческий язык будет по-прежнему нужен. В этом смысле базовые уровни архитектуры интернета могут измениться не столь сильно.

ДЕМИДОВ: Возможно ли, что радикальные технологические новации, спровоцируют изменения в самой архитектуре человеческого общества? Какова будет роль государств, сохранят ли они свои функции в обеспечении безопасности, экономической деятельности, производстве, переживут ли они эти изменения? И какие альтернативные социальные структуры могут возникнуть в будущем?

ЭВАНС: Человеческое поведение крайне трудно предсказать. Что можно сказать однозначно, так это то, что подобные изменения социальных норм уже происходят и будут продолжаться благодаря Сети. Сеть и взаимосвязанность предполагают прозрачность, а значит, государства и индивиды не могут больше прятаться за анонимностью.

Кроме того, сеть обеспечивает равенство — люди имеют доступ к благам, к которым они раньше доступа не имели благодаря взаимосвязанности. Буквально на прошлой неделе *Microsoft* и *Google* в некоторых городах Кении, используя солнечную энергию и незанятые *окна* в диапазоне телевизионных сигналов, провели 60-мегабитное широкополосное подключение в города, в которых даже нет электричества. Это означает, что люди в этих городах теперь имеют доступ к здравоохранению, образованию, а также информации, необходимой для принятия решений.

В целом, как точно изменится человек, мне неизвестно, но то, что он будет продолжать меняться — бесспорно. Я думаю, что мы станем гораздо ближе друг к другу как вид, как глобальное сообщество, потому что мы можем сейчас делиться информацией, чувствовать и общаться так, как было невозможно ранее.

ДЕМИДОВ: Последний вопрос касается технологической сингулярности. Что происходит сразу за точкой сингулярности и стоит ли считать технологическую сингулярность положительным или негативным феноменом? Существует ли позитивный сценарий наступления технологической сингулярности и, напротив, негативный сценарий — к примеру, создание искусственного суперинтеллекта, который подавляет человека или оказывается враждебен к нему?

ЭВАНС: В течение трех-четырёх десятилетий мы подойдем к порогу сингулярности, с технологической же точки зрения это неизбежно. Однако стоит учитывать и другие факторы: культурные, философские, политические, религиозные, деятельность государств и т.д. С этой точки зрения не все так очевидно. Что касается вопроса, что случится потом, после того как человечество переступит этот порог, на мой взгляд, у нас есть меньше оснований, чтобы ожидать противостояния *человек против компьютера* — напротив, следует ожидать слияния

человека и машины. Вероятно, ключевым компонентом такого слияния станет использование биотехнологий для увеличения человеческих способностей — до той степени, пока мы не получим единый биокомпьютерный организм.

Что останется делать человечеству после этого? Кроме нашей планеты существуют триллионы планет, которые нужно исследовать, а мы еще не высадились даже на Марсе. Нам потребуются технологии, позволяющие развивать сверхсветовую скорость благодаря искривлению времени и пространства, а их у нас может не быть еще век или два. Нам предстоит много чего открыть и узнать, как только мы больше не будем ограничены планетой, на которой обитаем.

Итак, если технологическая сингулярность будет достигнута, она не станет конечной точкой — в действительности она станет только началом того пути, который мы собираемся пройти. 🐘

*Актуальная аналитика по вопросам международной информационной безопасности и глобального управления интернетом в электронном бюллетене ПИР-Цentra **Пульс Кибермира**: cyberpulse.pircenter.org*

Ю
Ь
В
Р
Е
Т
Н
И

АБОНЕМЕНТна газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

количество
комплектов:

на 2014 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер
----	-------	-------

на газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

Стои- мость	подписки переадресовки	руб. руб.	коп. коп.	количество комплектов:
----------------	---------------------------	--------------	--------------	---------------------------

на 2014 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Наталья Калинина

МИЛИТАРИЗАЦИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: РОЛЬ РОССИИ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

В СЕРИИ ИЗ ДВУХ СТАТЕЙ¹

Россия на мировых рынках оружия по пакету заказов и по реальным поставкам уже многие годы занимает второе место после США. Больше всего контрактов за последние восемь лет Россия заключила со странами АТР, что составляет 55–57% ее оружейного экспорта. Ближний Восток занимает здесь второе место — 14,2%, а Северная и Северо-Восточная Африка — третье — 12,7%². В первую десятку наиболее крупных покупателей российского оружия в этих двух регионах входят Алжир, Иран (4,1% от общего экспорта³), Сирия (3,1%⁴), Египет (3,0%⁵) и ОАЭ (1,8%⁶).

В 2012 г. весь объем российского оружейного экспорта в стоимостном выражении составил 15,2 млрд долл., из них около 20% пришлось на Ближний Восток⁷. В то же время в 2012 г. в первую десятку крупнейших заказчиков вооружений и военной техники (ВиВТ) российского производства из стран Ближнего Востока вошел только Ирак с предварительным портфелем заказов на 4,2 млрд долл., что составляет 23,17% от всего портфеля приобретенных в тот год заказов⁸.

Однако продолжающиеся военно-политические события на Ближнем Востоке и в Северной Африке оказывают все большее влияние на региональный баланс военного экспорта России, и уже сегодня очевидно, что доля стран Ближнего Востока в этом экспорте снижается. Этот факт признается уже на официальном уровне⁹, поэтому необходимо разобраться в сложившейся ситуации и выявить ее возможные последствия.

МОНАРХИИ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА: ЧУЖИЕ ЗДЕСЬ НЕ ХОДЯТ

Бахрейн. Бахрейн поддерживает тесные военно-политические связи с Соединенными Штатами — в стране находится штаб 5-го флота американских ВМС — и в импорте ВиВТ ориентируется главным образом на них. Учитывая ограниченность запасов нефти и, соответственно, валютных резервов эта страна важное место в импорте ВиВТ отводит приобретению бывшей в эксплуатации техники или ее аренде, т. е. делает ставку на более дешевые варианты.

По сумме заказов на импорт продукции военного назначения (ПВН) в последние годы Бахрейн занимал 57-е место в мировом рейтинге и 13-е место на Ближнем Востоке, опережая только Йемен и Ливан (без учета Палестинской автономии), с долей в 0,7% от стоимости всех закупаемых странами региона вооружений.

Военно-техническое сотрудничество (ВТС) с Россией Бахрейн практически не осуществляет: известно только о разовой поставке в 2004 г. 40 грузовиков КАМАЗ-4326. Возможно, были заключены небольшие по стоимости контракты на поставку оружия для сил специальных операций (официальных данных об этом

А
Н
А
Л
И
З

нет). И пока это все достижения России на рынке военной техники Бахрейна. Такое положение не изменили даже интенсивные переговоры о поставках авиационной техники, проведенные в январе 2010 г. в ходе международной авиационной выставки *Бахрейн Интернэшнл Эйршоу-2010 (BIAS-2010)*.

Учитывая доминирование США, весомый заход России на этот рынок в ближайшее время вряд ли возможен. Правда, небольшие шансы Россия имеет в секторе военно-транспортных вертолетов, учебно-боевых самолетов и вооружений сухопутных войск¹⁰. Однако это весьма далекая перспектива.

Катар. Этот эмират проводит прозападную политику и находится под мощным американским влиянием. На территории Катара также располагается крупная военная база Соединенных Штатов, что, безусловно, влияет и на его политику закупок ВиВТ — от выбора того или иного вида военной техники до выбора поставщика. Традиционным экспортером вооружений в эту страну долгое время была Франция, но в последнее десятилетие приоритет принадлежит США.

По итогам последних восьми лет по пакету заказов оружия Катар на Ближнем Востоке занимает 12-е место, имея близкие показатели с Ираном, и до 2015 г. потратит на эти цели 1,186 млрд долл. Из этой суммы 750 млн долл. приходится на США (63,2%), по 150 млн долл. — на Германию и Швейцарию (по 12,65%), далее следуют с небольшими контрактами Италия, Франция и Нидерланды¹¹.

Сотрудничество Катара и России в области ВТС практически не развито — оно ограничилось пока разовой поставкой в 2004 г. 500 армейских грузовиков КАМАЗ, и в ближайшей перспективе *прорыва* на этом направлении ожидать не приходится. В лучшем случае возможна реализация небольших по стоимости программ, связанных с ремонтом ранее поставленной техники и/или закупкам небольших партий бронетанковой техники и продукции двойного назначения.

Россия также ведет переговоры о поставках отдельных образцов оружия для сил специального назначения Катара (возможно, некоторые контракты уже заключены). Существенное расширение ВТС между Россией и Катаром малореально не только по причине его ориентации на Запад, но и в силу укрепления эмирата (при поддержке американцев) в качестве главного конкурента Москвы на рынке газа и ее частичного вытеснения с энергетических рынков Европы.

Кувейт. Несмотря на то что Кувейт является типичной прозападной арабской монархией, он старается поддерживать дружеские отношения со многими странами, включая Россию. Страна в целом закончила цикл восстановления и модернизации своих вооруженных сил после иракской оккупации 1990–1991 гг., прибегая при этом к закупкам оружия не только западного, но и российского производства (в частности *БМП-2*, *БМП-3*, РСЗО *Смерч*). Однако доминирующее положение в общих объемах поставок занимают США и, видимо, сохраняют это положение впредь.

Сегодня Россия пытается заинтересовать Кувейт программами модернизации танков *М-84АВ* и *БМП-3* и предложением средств ПВО. Однако после 2002 г. значительных закупок в России катарской стороной не производилось, за исключением подписанного в 2009 г. контракта на поставку в счет оплаты российского долга двух десантных катеров на воздушной подушке проекта *12061Э Мурина*¹² (доступных сведений о ходе реализации контракта по состоянию на осень 2013 г. нет). Кроме того, в настоящее время Россия завершает модернизацию РСЗО *Смерч*¹³ и начала модернизацию *БМП-3*, поставленных в Кувейт¹⁴.

В среднесрочной перспективе значительного расширения военно-технического сотрудничества с Кувейтом не прогнозируется, хотя мелкие контракты, преимущественно по ремонту ранее поставленной техники, могут продолжаться и составить до 2015 г. порядка 100 млн долл.

ОАЭ. Объединенные Арабские Эмираты — одно из богатейших арабских государств. Это вторая после Саудовской Аравии страна ближневосточного региона по объемам закупок ВиВТ, причем финансирование армии постоянно увеличивается

ются. ОАЭ традиционно ведут политику диверсификации импорта, хотя на рынке вооружений доминируют американские производители.

Одной из крупнейших оружейных сделок в мировой истории стало заключение в 2007 г. соглашения на закупку в США девяти батарей ЗРК РАС-3 на сумму 9 млрд долл. В 2008–2011 гг. объем фактических поставок американских вооружений в ОАЭ оценивается в 7,335 млрд долл., что составляет 66,1% от всего объема импорта вооружений ОАЭ (11,095 млрд долл.). Второе место в эти же годы занимала Россия (891 млн долл.), третье — Франция (818 млн долл.). В первую пятерку также входили Германия (507 млн долл.) и Швейцария (307 млн долл.).

США в ближайшие годы сохраняют свое бесспорное доминирование на оружейном рынке этой страны, а объем их экспорта в ОАЭ до 2015 г. составит порядка 12,717 млрд долл. (77,53% от общего объема планируемых поставок в эту страну). Второе место, вероятнее всего, займет Франция (1,881 млрд долл.), третье — Италия (607 млн долл.). Четвертое и пятое места будут у Швейцарии (204 млн долл.) и Швеции (180 млн долл.). России в этом списке нет¹⁵.

Военно-техническое сотрудничество России и ОАЭ имеет долгую историю. С начала 1990-х гг. в ОАЭ были поставлены крупные партии бронетехники (815 БМП-3 и машин на их базе), а также РСЗО *Смерч*, ПЗРК *Игла* и *Игла-С*, противотанковые и зенитные ракетные комплексы, автомобили. Но после 2001 г. объемы российских поставок стали сокращаться, и в последние годы широкую известность получила только программа разработки для ОАЭ и поставка 50 ЗРПК *Панцирь-С1* на сумму 734 млн долл.

Идущие долгое время переговоры о создании для ОАЭ комплексной системы ПВО на основе российского ЗРК *С-400* пока не дали результата, несмотря на сделанное еще в 2007 г. предложение о погашении российского долга ОАЭ поставками военной техники¹⁶. Объем российских поставок в 2008–2011 гг. составил 890,6 млн долл., однако после этого началось его резкое сокращение¹⁷.

Возможности существенного увеличения российской доли на оружейном рынке ОАЭ пока не прослеживаются. В 2013 г. *Рособоронэкспорт* завершил модернизацию ранее поставленных 135 БМП-3 на сумму 75,2 млн долл.¹⁸, а тульское Конструкторское бюро приборостроения заключило контракт на 128,63 млн долл., который предусматривает поставку боеприпасов различных типов¹⁹.

Оман. Султанат Оман — одно из наиболее милитаризованных государств на Ближнем Востоке. Доходы от нефти способствуют рекордно высоким тратам на вооружения. Сегодня у Омана нет демаркированных границ с соседями, в силу чего время от времени у этого султаната возникают напряженные отношения с ОАЭ, Саудовской Аравией и Йеменом.

Основными партнерами Омана в ВТС являются Великобритания и США, к которым в последние годы все более активно присоединяются Франция, Германия, ЮАР, Пакистан, Индия, Иордания и Саудовская Аравия. В течение 2003–2009 гг. Оман получил американского вооружения и военной техники почти на 1 млрд долл. Территория Омана остается важнейшим плацдармом западных стран на случай ведения военных действий на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ), поэтому и американцы, и англичане применительно к Оману отошли от своей обычной практики поставок армиям арабских стран устаревшего вооружения и поставляют султанату достаточно современные образцы ВивТ²⁰.

Сотрудничество султаната с Россией до сих пор было эпизодическим. Известно только о поставке в 1992 г. шести танков *Т-80* (данные Регистра ООН по обычным вооружениям) и закупке в 2005 г. партии ПТРК *9К129 Корнет-Э*²¹. Оман также обращался к России с вопросом о поставке берегового комплекса *Бастион*, оснащенного сверхзвуковыми противокорабельными ракетами *PG-10 BrahMos* российской-индийской разработки²². Однако сведений о заключении такого контракта нет.

В целом Россия сегодня прилагает усилия для возобновления ВТС с Оманом²³, но пока без видимых результатов.

Саудовская Аравия. Роль Саудовской Аравии в современной системе глобальных и региональных международных отношений необычайно велика. Историческое положение и наличие главных мусульманских святынь сделали королевство центром ислама, что во многом определяет ее внешнеполитический курс, претендующий на лидерство в мусульманском мире.

Будучи ведущей *нефтяной державой* Ближнего Востока и являясь одним из важнейших зарубежных союзников США, Саудовская Аравия тратит на приобретение оружия огромные средства. При этом США, с одной стороны, поставляют саудитам самые современные образцы ВиВТ, а с другой — стараются сохранить военнотехнологическое превосходство Израиля в регионе.

Новая волна саудовских контрактов началась с 2006 г., когда этой страной было подписано соглашение на поставку американских и французских вооружений на сумму около 13 млрд долл., что сопоставимо с суммой контрактов за 1998–2005 гг. В 2007 г. была заключена крупномасштабная сделка на приобретение в Великобритании 72 истребителей *Eurofighter Typhoon* стоимостью 8,9 млрд долл. (в перспективе общая стоимость поставок может составить более 20 млрд долл.). Ведутся переговоры о приобретении крупных партий другой авиатехники в Великобритании и Франции. Ожидается также приобретение танков, средств ПВО и эскортных боевых кораблей.

Таким образом, среди поставщиков Саудовской Аравии на первое место вышла Великобритания, второе место занимают США (3,417 млрд долл.), третье — Франция (880 млн долл.), далее идут Канада (498 млн долл.) и Турция (408 млн долл.). Всего поставки ВиВТ в Саудовскую Аравию осуществляют 11 стран, но России среди них нет²⁴. К 2015 г. США выйдут на первое место по поставкам ВиВТ в Саудовскую Аравию (16,843 млрд долл.)²⁵.

Россия давно пытается проникнуть на саудовский оружейный рынок, хотя и не совсем удачно. Известно, что в Саудовской Аравии проходил испытания танк *T-90С*, а также велись переговоры о продаже другой российской бронетехники на общую сумму около 1 млрд долл. Саудиты проявляли интерес и к российским системам ПВО и вертолетам²⁶.

Летом 2008 г. было подписано рамочное соглашение о военно-техническом сотрудничестве (ВТС) между Россией и Саудовской Аравией. Позже неоднократно появлялись сообщения о том, что Москва и Эр-Рияд работают над пакетом соглашений о закупке российских вертолетов, средств ПВО и бронетехники на сумму более 4 млрд долл.²⁷. Однако до сих пор информации о достижении договоренностей нет, хотя не было сообщений и о прекращении переговоров.

В целом оружейный рынок Саудовской Аравии так и остался для России закрытым. К тому же с 2012 г. на фоне *Арабской весны* возникла заметная напряженность в российско-саудовских отношениях, особенно в связи с ситуацией в Сирии.

АРАБСКАЯ ВЕСНА КАК РУКА РЫНКА

Египет. В закупках вооружений Египет ориентируется в основном на западные страны, среди них США занимают лидирующее положение. ВТС Египта с Россией было практически свернуто еще в 1972 г., после чего поставки военной техники были незначительными. С 1990-х гг. Египту была продана партия вертолетов *Ми-17* и запчасти к технике советских образцов. Сейчас основная российская активность сводится к поставкам различных видов зенитно-ракетных комплексов, других систем ПВО и модернизации ранее поставленных вооружений этой категории²⁸. Основу такого экспорта составляют несколько сотен ПЗРК *Игла-С*²⁹. И хотя *Арабская весна* не отменила действие российских контрактов, но сдвинула сроки их реализации. Правда, с 2012 г. здесь наблюдалась тенденция к еще большему снижению объемов сотрудничества³⁰.

При этом в ноябре 2013 г. Россия и Египет обсуждали возможность заключения контрактов на поставку вооружений на сумму свыше 2 млрд долл. Сделка может

предполагать закупку истребителей *МиГ-29М/М2*, систем ПВО малого радиуса действия и противотанковых ракет *Корнет*.

Тем не менее, на текущий момент крайне нестабильная внутривнутриполитическая ситуация в Египте не позволяет делать какие-либо долгосрочные прогнозы по ее развитию в перспективе. В этой связи о возможном заключении крупных контрактов с Россией, тем более с учетом преимущественной ориентации Египта на закупку вооружений в США, говорить пока преждевременно (во всяком случае, с учетом нынешней ситуации в Египте). Наиболее реальным сценарием продолжения российско-египетского ВТС представляется заключение контрактов по средствам ПВО и вертолетам.

В перспективе для Египта наиболее важен вопрос обновления парка боевых самолетов, однако Соединенные Штаты пока отказываются продавать этой стране последние модификации истребителей *F-16*, следовательно, возможно появление египетского спроса на современные самолеты других, в том числе российских, производителей. Но более реален сценарий продолжения российско-египетского ВТС по средствам ПВО и вертолетам.

Йемен. Внутреннее положение Йемена крайне не стабильно из-за сохранения напряженности между севером и югом, множества племенных группировок и деятельности исламских экстремистов. Во внешней политике у страны сохраняются противоречия с Саудовской Аравией и Эритреей, а с точки зрения ВТС, это государство является давним покупателем советского (российского) оружия³¹.

С 1998 г. между Россией и Йеменом действовало соглашение о ВТС, и с тех пор в эту страну были поставлены 31 танк *T-72Б*, 16 самолетов *МиГ-29*, боеприпасы в 2003–2005 гг. были модернизированы до уровня *МиГ-29СМТ*, и 6 новых самолетов этой марки, 11 вертолетов *Ми-171Ш*, несколько вертолетов в гражданском исполнении, значительное количество боевых машин пехоты, стрелкового оружия и различных видов боеприпасов. Также была проведена модернизация (техническое освидетельствование) 80 оперативно-тактических ракетных комплексов *Точка* советского производства. В дальнейших планах Йемена была закупка ВиВТ российского производства на сумму до 1,3 млрд долл.³², но *Арабская весна* внесла в эти планы свои коррективы, не позволив их реализовать. Реальный объем российского оружейного экспорта в Йемен до 2011 г. составил 363 млн долл.

В случае нормализации внутривнутриполитической ситуации в Йемене продолжение его сотрудничества с Россией возможно, но в очень ограниченных объемах. Причина тому не только бюджетные трудности, но и возросшее военно-политическое влияние США, которые в виде помощи поставляют вертолеты, патрульные катера, грузовики, обучают йеменских солдат на безвозмездной основе³³.

Судя по материалам встречи премьер-министра России Д. А. Медведева и президента Йемена Абд Раббу Мансуром Хади в апреле 2013 г.³⁴, в настоящий момент приоритетное значение для Саны имеет стрелковое оружие и боеприпасы, которые могут быть поставлены в кратчайшие сроки с российских складов, а также двигатели к ранее поставленной бронетехнике.

Сирия. Президент Сирии Башар Асад пытается сохранить авторитарный баасистский режим, что ему удастся все меньше и меньше. Долгое время основным стержнем сирийской внешней политики было противостояние с Израилем из-за Голанских высот. Фактически Сирия продолжает находиться в состоянии необъявленной войны с Израилем, что подтверждают периодически проводимые удары израильской авиации по сирийской территории. В то же время продолжающаяся кровавая гражданская война стала поистине *головной болью* международного сообщества, но посадить за стол переговоров официальные власти и оппозицию пока не удается³⁵.

Несмотря на сложную военно-политическую ситуацию в Сирии и вокруг нее, ВТС этой страны с Россией не прервано. До 1991 г. Сирия являлась наиболее крупным зарубежным получателем советского вооружения, а с 1998 г. начался новый этап российско-сирийского ВТС. С того времени в страну были поставлены ПТРК

Метис-М и *Корнет-Э*, ПЗРК *Игла* и модули *Стрелец*, танковые управляемые ракеты, гранатометы *РПГ-29*, другое стрелковое оружие. Также были заключены соглашения на поставку ЗРК *Бук-2МЭ*, *С-300ПМУ-1* и *Тор-М1*, самолетов *МиГ-29*. В 2010 г. Россия завершила контракт на поставку Сирии 36 ЗРК *Панцирь-С1*.

Продолжаются переговоры по ряду перспективных проектов, в частности по поставкам двух дизель-электрических подлодок, крупных партий истребителей *МиГ-29СМТ* и *Як-130УБС*³⁶, модернизации ЗРК *С-125 Нева*. Пока еще рассматриваются поставки и модернизация вертолетов³⁷, тяжелой бронетехники, оперативно-тактических ракет, различных типов боевых надводных кораблей и других вооружений.

На текущий момент в стадии реализации находятся контракты на поставку Дамаску 24 истребителей *МиГ-29М/М2* и 36 *Як-130УБС*, однако их исполнение крайне затруднено из-за фактической блокады транспортных путей западными странами³⁸. Объем российских поставок оружия в 2008–2011 г. составил 1,49 млрд долл., а до 2015 г. вырастет еще на 2,24 млрд долл., если, конечно, форс-мажорные обстоятельства не нарушат эти планы³⁹.

На фоне гражданской войны США и некоторые другие западные страны пытаются добиться прекращения поставок российского оружия в Сирию⁴⁰, но в этом вопросе Россия пока занимает жесткую позицию: поскольку против Сирии не введены санкции ООН, оснований для прекращения ВТС нет⁴¹.

ИЗРАИЛЬ И ОКРЕСТНОСТИ: ЦЕННОСТЬ И ЦЕНА ДЕЛИКАТНОСТИ

Израиль. В отношениях с Израилем Россия является импортером вооружений, и начало этому процессу было положено российскими закупками беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). В июне 2009 г. было закуплено 12 БПЛА *Bird-Eye 400*, *I-View MK150* и *Searcher Mk II* на сумму 53 млн долл. Позже был заключен второй контракт на поставку 36 БПЛА на 100 млн долл.

Следующим шагом стало подписание в сентябре 2010 г. первого в истории двух стран соглашения о военном сотрудничестве — этот документ носит рамочный характер и служит основой для подписания новых контрактов. В Москве рассчитывали, что одним из таких контрактов станет строительство в России совместно-го предприятия по производству беспилотников. В том же году между компаниями *Israel Aerospace Industries* и *Оборонпром* был заключен контракт на создание сборочного производства израильских БПЛА в Татарстане. Однако развитию этих отношений помешало активное российское военно-техническое сотрудничество с Ираном (до введения эмбарго Советом Безопасности ООН) и Сирией. Таким образом, сегодня обсуждение параметров указанного совместного предприятия продолжается вяло и до сих пор не завершено.

Тем не менее сам факт закупки БПЛА у Израиля сыграл свою положительную роль, стимулировав российскую промышленность на разработку аналогичных систем. Это важно и с учетом того, что Израиль не планировал передавать российской стороне сами технологии БПЛА⁴².

Иордания. Россия уделяет большое внимание сотрудничеству с Иорданией по всем направлениям (военно-техническому, экономическому, политическому и др.), поскольку это государство расположено в самом сердце региона. С середины 2000-х гг. Москва уже выдала Дохе целевой кредит (350 млн долл.) на закупку ПТРК *Корнет-Э*, ПЗРК *Игла-С* и несколько самолетов *Ил-76МФ*. Кроме того, между *Оборонпром* и *Конструкторским бюро имени короля Иордании Абдаллы II* подписано соглашение о поставке 6 легких многоцелевых вертолетов *Ка-226* и созданию совместного предприятия, в рамках которого планируется выпускать вертолетные модули.

Наиболее существенным вкладом в развитие ВТС стало подписание в 2008 г. соглашения о строительстве в Иордании завода по производству противотанковых гра-

натометов *РПГ-32 Хашим*⁴³. Этот оружейный завод уже функционирует, и до конца 2013 г. запланирован выпуск 20 тысяч таких гранатометов⁴⁴.

Однако, несмотря на обозначенные успехи России, Иордания в основном ориентирована на закупки подержанной военной техники в США (по большей части за счет военной помощи), Великобритании и некоторых других европейских государств. Так, американцы накануне *Арабской весны* были абсолютным лидером на оружейном рынке Иордании — в 2008–2011 гг. поставки составили 1,363 млрд долл. (65,5% от всего объема импорта вооружений). Далее следует Россия — 175 млн долл. (8,4%), за ней Бельгия — 173,7 млн долл. (8,35%). Среди значимых импортеров вооружений в Иорданию также числятся Китай, Нидерланды, Турция, ЮАР, Украина, Великобритания, Чехия и Австрия. Прогнозируется, что при благоприятном раскладе до 2015–2016 гг. Россия сможет сохранить свои позиции, хотя объем российского экспорта к 2015 г. в сумме составит 120 млн долл.⁴⁵

Ливан. Это относительно развитое, но крайне нестабильное государство, постоянно балансирующее на грани гражданской войны между различными конфессиональными и этническими группами. Ливанская армия ориентирована в основном на решение внутривосточных задач и не имеет возможности закупать современные вооружения. Основным средством пополнения парка ливанской военной техники долгое время были безвозмездные передачи устаревших американских вооружений. И хотя западные страны сдержанно относятся к поставкам оружия в Ливан, помимо Соединенных Штатов, к переоснащению ливанских сухопутных и военно-морских сил подключены Франция, Германия, Италия, а также некоторые арабские государства (ОАЭ, Иордания и до *Арабской весны* Ливия)⁴⁶.

Группы ливанских офицеров иногда проходили обучение в российских военных училищах, однако между двумя странами ВТС практически не осуществляется. С конца 2008 г. неоднократно появлялись сообщения о планах безвозмездной передачи Ливану 10 истребителей *МиГ-29* из имевшихся в наличии и обучении ливанских летчиков управлению этими самолетами⁴⁷. Ливанцы также проявляли интерес к российской бронетехнике, артиллерийским орудиям и вертолетам. Правда, они рассчитывали, что эти закупки оплатят Саудовская Аравия и ОАЭ либо российская сторона выделит Бейруту льготный кредит на эти цели.

Проблема была в том, что Ливан вряд ли способен эффективно использовать истребители ввиду полного отсутствия инфраструктуры для их надлежащего обслуживания и неготовности технического и летного персонала. На этом фоне Москва и Бейрут некоторое время вели переговоры о возможной замене истребителей на 10 боевых вертолетов *Ми-24*, и судя по всему эти переговоры окончательно не прерваны. По крайней мере, на последней встрече президентов двух стран, состоявшейся в январе 2013 г., была подчеркнута важность развития всех направлений взаимного сотрудничества, включая ВТС⁴⁸. В целом можно констатировать, что ВТС с Ливаном находится в зачаточном состоянии и особых перспектив на этом направлении не просматривается.

Палестинская автономия. Оружие попадает в Палестинскую автономию законными (со стороны некоторых арабских государств) и незаконными путями, поэтому официальных данных о военных расходах Палестинской автономии нет, как нет и сколь-нибудь объективной информации о военных закупках. В 2008 г. появились официальные сообщения о том, что Россия передаст палестинцам 2 военнотранспортных вертолета *Ми-17* и 50 бронетранспортеров⁴⁹. При этом подчеркивалось, что речь идет исключительно об оборонительных средствах и что их поставки будут осуществлены только с согласия Израиля и через его территорию. В итоге 50 бронетранспортеров *БТР-70* на безвозмездной основе в 2010 г. были официально переданы Палестинской национальной администрации, но оставлены на хранении в Иордании до получения от Израиля разрешения на фактическую поставку⁵⁰.

Таким образом, Россия поддерживает и развивает дружеские отношения с Палестинской автономией, однако действует деликатно, стараясь не нарушать сложившиеся в этом сложном регионе правила.

ШИИТСКИЕ ГОСУДАРСТВА: СДЕЛКИ ПОД АМЕРИКАНСКИМ ДАВЛЕНИЕМ

Ирак. После смены власти в Багдаде в 2003 г. России пока удавалось поставить Ираку только несколько многоцелевых вертолетов *Ми-17*. Безусловно, лидерство на иракском рынке вооружений Ирака принадлежит американцам, которые осуществляют порядка 85% всего импорта ВиВТ в эту страну⁵¹.

Однако с середины 2012 г. ситуация несколько изменилась. Это произошло после того, как Россия и Ирак согласовали портфель заказа на поставки вооружений на 4,2 млрд долл. Речь идет о закупке 48 боевых машин зенитного ракетно-пушечного комплекса *Панцирь С-1* (2,2 млрд долл.), 36 вертолетов *Ми-28НЭ* (2 млрд долл.) и некоторого количества военного оборудования. Появлялись также сообщения о возможной покупке Багдадом в ближайшей перспективе истребителей *МиГ-29М/М2*⁵².

Подписание Россией и Ираком одного из крупнейших контрактов в области ВТС за всю новейшую историю с политической точки зрения было расценено, как свидетельство того, что шиитское правительство этой страны начинает проводить более не зависимую от Вашингтона политику. Однако сразу же после подписания контракта стали появляться взаимоисключающие мнения о реальности этой сделки, в том числе со стороны некоторых должностных лиц Ирака, которые предлагают пересмотреть договоры ввиду их возможной коррупционности. В итоге до сих пор нет ясности относительно того, когда и в каком объеме начнется реализация этих соглашений. К тому же активное противодействие окончательному решению со стороны Ирака оказывают США, которые совсем не заинтересованы в упрочении позиций России в этом регионе.

Если все-таки соглашение между Россией и Ираком будет выполняться в полной мере, несмотря на политическое давление США, то на ближайшую перспективу в рейтинге поставщиков ВиВТ для Багдада Россия займет второе место, а объем ее поставок составит около 30% от поставок американских (12,3 млрд долл.⁵³). Третье место среди продавцов оружия Ираку может занять Украина, которая в последние годы наращивает свое взаимодействие с этим государством и объемы поставок которой могут превысить 2 млрд долл.

Иран. В настоящее время находящийся в значительной мере в международной изоляции Иран делает ставку в основном на самообеспечение в военной сфере. Сотрудничество Ирана с Россией было достаточно активным в период реализации пакета соглашений 1989–1991 гг., по которым в Иран были поставлены самолеты *МиГ-29* и *Су-24МК*, ЗРК *С-200ВЭ*, три подводные лодки проекта *877ЭКМ*, организована локальная сборка танков *Т-72С* и *БМП-2*.

Объем торговли ВиВТ России в первой половине 1990-х гг. оценивался в сумму около 500 млн долл. в год. Однако 30 июня 1995 г. под давлением США был подписан меморандум Комиссии Гор–Черномырдин, в соответствии с которым Москва обязалась не заключать новых контрактов на поставки обычных вооружений в Иран, а исполнение уже заключенных контрактов завершить к концу 1999 г. В обмен США обещали способствовать продвижению российской высокотехнологической продукции, включая вооружения, на мировые рынки. Россия не успела реализовать в полном объеме уже подписанные контракты с Ираном до указанной в меморандуме даты — 31 декабря 1999 г., да к тому же была вынуждена отказаться от поставок Ирану запчастей к ранее проданной военной технике. В результате Россия недополучила примерно 2 млрд долл.

В июне 2000 г. в Москве была обнародована Концепция внешней политики РФ, в которой подчеркивалась важность развития отношений с Ираном. К этому времени Иран, с которым долгое время не взаимодействовала ни одна крупная держава, был крайне заинтересован в модернизации своих вооруженных сил. В ноябре 2000 г. Москва официально уведомила американскую администрацию об отказе с 1 декабря 2000 г. от данных в 1995 г. обязательств не поставлять в Иран обычные вооружения. Этому решению способствовали не только невыполненные обещания

США, но и тот факт, что к этому времени Россия получила контракт на строительство второго энергоблока иранской АЭС в Бушере на сумму 1 млрд долл.

После 2000 г. российско-иранское ВТС было возобновлено лишь в ограниченных объемах, и самым крупным контрактом в то время стала поставка ЗРК *Тор-М*, штурмовиков *Су-25* и вертолетов *Ми-17*. В последующие годы переговоры и контакты то возобновлялись, то снова затихали, что было обусловлено исключительно политической ситуацией вокруг ядерной программы Ирана и международной реакцией на нее.

Периодически возобновляемые поставки ВиВТ в Иран всегда сопровождалась введением со стороны США санкций в отношении российских производителей вооружений. Наиболее часто таким санкциям подвергались производители авиатехники, ракетной техники и средств ПВО, среди них *Конструкторское бюро приборостроения*, компания *Сухой* и *Рособоронэкспорт* в качестве посредника.

Очередная и кратковременная оттепель началась в конце 2007 г., когда в Тегеране состоялось заседание российско-иранской межправительственной комиссии по ВТС, главным итогом которого стало заявление российской стороны о намерении продолжать ВТС с Ираном⁵⁴. Она закончилась весной 2010 г., когда уже было ясно, что Совбез ООН против Ирана введет еще более жесткие санкции, которые России по разным причинам придется поддержать, что и случилось.

Резолюция СБ ООН № 1929 была принята 9 июня 2010 г., а 22 сентября 2010 г. был обнародован указ Президента РФ по выполнению этой резолюции⁵⁵, запрещавший передачу Ирану любых боевых танков, боевых бронированных машин, артиллерийских систем большого калибра, боевых самолетов, боевых вертолетов, военных кораблей, ракет или ракетных систем, ЗРК *С-300* либо материальных средств, связанных со всем перечисленным, включая запасные части.

В период оттепели велись переговоры о поставках 50 двигателей *РД-33*, которые Иран был намерен устанавливать на сверхзвуковые истребители-бомбардировщики собственной разработки *Azarakhsh (Молния)*, создании для Ирана модифицированной версии вертолета *Ка-32* и о серийной сборке этих вертолетов в Иране, ремонте иранских подлодок проекта *877ЭКМ*. Также обсуждалась возможность закупки истребителей *Су-30* и *МиГ-29СМТ*, оперативно-тактических ракетных комплексов *Искандер-Э*, танков *Т-90С*, буксируемого артиллерийского орудия *Нона-К* и другой техники. Военно-морские силы Ирана проявляли заинтересованность в приобретении ракетных, десантных и патрульных катеров, а также корветов. В качестве перспективных направлений ВТС обеими сторонами признавались сотрудничество в разработке космических систем связи и дистанционного зондирования земли и организация лицензионного производства в Иране ряда сухопутных и морских систем вооружений⁵⁶. Помимо переговоров, в 2007 г. Россией была реализована поставка 29 ЗРК *Тор-М1*, включая 1200 ракет для них⁵⁷.

Наиболее значимым событием в этот период было подписание контракта на поставку Ирану 5 дивизионов ЗРС *С-300ПМУ-1* предположительной стоимостью около 800 млн долл. Однако поддержка Россией эмбарго в отношении Ирана в июне 2010 г. автоматически привела к полному отказу от выполнения этих договоренностей⁵⁸.

Иран из происходящего сделал свои выводы: обвинил Россию в непорядочности и заявил, что уже ведет самостоятельные разработки аналогичных систем ПВО. Очевидно, что в дальнейшем даже в случае снятия санкций вряд ли Иран станет закупать в России вооружения и переориентируется в этом направлении на Китай, что уже происходит⁵⁹, и других более сговорчивых поставщиков. Более того, с весны 2011 г. в Третейском суде Женевы идет разбирательство по иранскому иску на 4 млрд долл. в связи с этой ситуацией. Пока Россия вернула Ирану только аванс по неисполненному контракту в размере 166,8 млн долл. и пока безрезультатно прилагает усилия, чтобы Иран отозвал свой иск.

Общие потери России в результате отказа от ВТС с Ираном оцениваются в 11–13 млрд долл. Этот объем включает как отказ от поставок вооружений по уже

А
Н
А
Л
И
З

подписанным контрактам, так и упущенную выгоду от сворачивания программ по перспективным проектам⁶⁰. Сегодня сотрудничество с Ираном ведется вяло, по ограниченной номенклатуре вооружений, которые не запрещены резолюцией СБ ООН. Судя по некоторым отрывочным сведениям, речь может идти о модернизации ранее поставленных самолетов *Су-24МК* и ремонте иранских подводных лодок. Прогнозируемый объем российского экспорта в Иран до 2015 гг. составит порядка 60 млн долл. по сравнению с 1,68 млрд долл. в 2004–2007 гг. и 410 млн долл. в 2008–2011 гг.⁶¹.

В ближайшие годы в условиях сложной политической обстановки на Ближнем Востоке непосредственно вокруг Ирана и иранской ядерной программы Россия вряд ли решится на подписание с иранской стороной новых значительных оружейных контрактов, так что можно признать ВТС с Ираном полностью замороженным без каких-либо перспектив к его возобновлению в ближайшем будущем.

ТУРЦИЯ: ТОРГ С УЛЫБКОЙ И С ОГЛЯДКОЙ

Интенсивное развитие Турции в последнее десятилетие определяет наращивание ею военно-экономической мощи и превращение в страну, которая могла бы играть доминирующую роль при решении военно-политических проблем в южноевропейском регионе и в Восточном Средиземноморье. В то же время этой стране пока не удается урегулировать отношения с Грецией и решить проблему курдов.

Военные расходы Турции постоянно растут, в 2012 г. превысив 18 млрд долл., что делает ее армию второй по численности и боевой мощи в НАТО. Ежегодные объемы продаж на турецком рынке вооружений составляют 3–5 млрд долл., а ведущие позиции на турецком рынке вооружений традиционно занимают США, Англия, Франция, Германия. В последние годы также отмечается активность китайских, болгарских, румынских и украинских компаний.

Объемы закупок ВиВТ в 2004–2011 гг. составили 12,813 млрд долл., таким образом, на Ближнем Востоке Турция занимает 4-е место по импорту вооружений, уступая Саудовской Аравии, ОАЭ и Египту. По прогнозу, до 2015 г. Турция закупит вооружений еще на 11,36 млрд долл.⁶².

Российско-турецкое военно-техническое сотрудничество имеет давнюю историю. В новейшее время оно возобновилось с 1992 г., в частности на вооружение турецких пограничных и жандармских бригад были поставлены бронетранспортеры российского производства *БТР-60* и *БТР-80*, многоцелевые вертолеты *Ми-8МТШ/Ми-17*, автоматы и пулеметы Калашникова, снайперские винтовки Драгунова, 40-миллиметровые ручные противотанковые гранатометы *РПГ-7*, реактивные системы залпового огня и другое вооружение.

В 1994 г. было подписано межправительственное Соглашение о сотрудничестве по военно-техническим вопросам и в области оборонной промышленности, в мае 2001 г. была создана Смешанная российско-турецкая комиссия по ВТС. В декабре 2004 г. были подписаны межправительственное Соглашение о взаимной охране интеллектуальной собственности в сфере ВТС и межправительственное Соглашение о взаимной защите секретной информации в области ВТС.

Однако, несмотря на обширную договорно-правовую базу в области ВТС, реальность и перспективы этого сотрудничества имеют объективные ограничители. К основным из них можно отнести применение в Турции стандартов НАТО на все виды вооружений и весьма жесткую конкуренцию со стороны США и других западных государств, располагающих прочными позициями в военных и политических кругах Турции. В свое время Турции предлагалось лицензионное производство российских танков *Т-80/Т-90* с адаптированным по стандартам НАТО орудием, бронетранспортеров *БТР-80/БТР-90* и броневедомостей *Тигр*. Также Россия готова была поставлять в Турцию противотанковые ракетные комплексы малой и средней дальности, совместно выпускать поисково-спасательные суда, интегрировать ЗРК *Стрелец* с аналогичной турецкой системой *Aselsan*, осуществлять совместные космические

проекты военного назначения⁶³. На сегодняшний день эти предложения не реализованы и вряд ли в дальнейшем по ним будет какое-то продвижение.

Российский экспорт вооружений в Турцию в последние пять лет носит весьма ограниченный характер: были поставлены 80 противотанковых комплексов *Корнет-Э* стоимостью 70 млн долл. и заключен контракт на ремонт ранее приобретенных для турецкой полиции 5 многоцелевых вертолетов *Ми-17ТВ-1* на сумму 5 млн долл. (выполнение контракта завершено в 2011 г.). С 2008 г. ведутся переговоры о закупке не менее 12 ударных вертолетов *Ми-28*, которые до настоящего времени не завершены.

В ближайшее время возможность конкретных договоренностей не просматривается, хотя попытки как-то закрепиться на рынке Турции продолжаются. В частности Россия участвует в тендере на поставку систем ПВО большой дальности со своим ЗРК *С-300*, однако вероятность выигрыша ничтожна, учитывая, что средства ПВО стран НАТО должны быть совместимыми⁶⁴. Мешают шансам России и политические расхождения вокруг сирийской проблемы. Россию, в свою очередь, беспокоит активность Турции по вовлечению в сферу своих интересов Азербайджана и Казахстана, с которыми сотрудничество в военно-технической сфере постоянно расширяется.

ВЫВОДЫ

В целом, по идентифицированным контрактам в первую десятку покупателей российских вооружений из стран БСВ до 2015 г. войдут Ирак (при условии выполнения пакета заказов) и, возможно, Сирия, заняв в общем рейтинге покупателей 5-е или 6-е место. Но если даже предположить, что Башару Асаду удастся удержать власть и полностью нормализовать ситуацию, дальнейшая способность Сирии оплачивать военные контракты с Россией из-за огромных экономических потерь и разрушения промышленной инфраструктуры вызывает большие сомнения. Во вторую десятку покупателей, возможно, войдет Египет.

Соответственно, при самом благоприятном раскладе Россия в рейтинге мировых поставщиков ВивТ на Ближний Восток займет только 5-е место, уступив США, Великобритании, Франции и Германии, причем итоговый результат, разумеется, может оказаться еще меньшим.

При самых общих подсчетах упущенная выгода России в торговле вооружениями со странами может составить более 24 млрд долл.⁶⁵ Кроме того, из-за обострения ситуации вокруг Сирии по политическим мотивам под вопрос поставлены возможные перспективные программы России с Турцией. Аналогичная ситуация будет иметь место в отношении военного экспорта России в страны Северной Африки. В 2013–2016 гг. доля стран этой группы в общем объеме российского военного экспорта может сократиться до 5% и менее против 12,5% в предыдущие четыре года⁶⁶.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

В результате американской военной операции в Ираке динамика военных расходов и оружейных закупок региона Ближний и Средний Восток в целом будет находиться под воздействием двух противоположных тенденций: с одной стороны, тенденции к увеличению в результате прямого военно-политического влияния вооруженного конфликта в регионе, и с другой — тенденции к уменьшению из-за финансово-экономических ограничений в результате опосредованного влияния конфликта на нефтяной рынок. В то же время соотношение этих тенденций и их влияние на страны региона будет различным. По всей видимости, такие страны, как Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, Египет и Оман, несколько снизят или же стабилизируют свои военные расходы и закупки на уровне более низком, чем в 1990-е гг. Израиль и Турция будут продолжать наращивать свои объемы как военных расходов, так и военного импорта.

Марат Кенжетаев, ВТС России
со странами Ближнего и Среднего
Востока, *Ядерный Контроль*, № 1 (71),
Весна 2004, С. 157

Подробнее с материалами по Ближнему Востоку Вы можете ознакомиться в разделе «Россия и государства Ближнего Востока: продвигая стратегические интересы» на сайте ПИР-Центра по адресу: middle-east.pircenter.org

Безусловно, приведенные цифры являются ориентировочными, поскольку не все перспективные программы даже при благоприятном развитии ситуации в итоге привели бы к заключению твердых контрактов (в первую очередь это касается Ирана и Саудовской Аравии). Тем не менее проблема *недобора* со странами Ближнего Востока и Северной Африки реально существует, и вряд ли она пройдет для России бесследно. Она,

безусловно, отразится на общем замедлении динамики экспорта российских ВВТ.

Для обеспечения своих геополитических интересов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки России необходимо сохранить в сфере своего влияния, как минимум, Сирию и Алжир, закрепиться на рынке Ирака, по максимуму пытаться сохранить отношения с Ираном и усилить свои позиции в Афганистане после вывода оттуда в 2014 г. американских войск.

Имеются возможности расширения сотрудничества с Иорданией, Египтом и Йеменом при использовании льготных схем кредитования, офсетных сделок и других привлекательных механизмов расчета за поставленную технику и сохранении присутствия на рынках ОАЭ, Катара и Кувейта. Правда, значительное расширение уже имеющегося уровня ВТС с монархиями стран Персидского залива в обозримом будущем вряд ли возможно.

Сдвиги в мировой экономике и политике, внутреннее развитие на БСВ, действия или бездействие великих держав делают дальнейшее погружение региона в конфликты практически неизбежным. Регион вступил в эпоху фундаментальных и необратимых изменений, итог которых не известен сегодня никому.

Продолжающаяся гонка вооружений на БСВ, сопровождающаяся его исламизацией, может поставить Россию перед серьезными вызовами, особенно в районе ее южных границ. В целом же дестабилизация обстановки вблизи Южного Кавказа актуализирует угрозы для России со стороны Ближнего Востока и должна побуждать ее к более активным действиям, в том числе к пересмотру политики экспорта оружия в этот регион. 🇷🇺

Примечания

¹ Первую статью читайте в журнале *Индекс Безопасности*. Осень 2013. Т. 19. № 3 (106). С. 43–62.

² Полные данные за 2004–2011 гг. имеются в Ежегоднике ЦАМТО–2012: статистика и анализ мировой торговли оружием. Гл. 3. Мировой экспорт ВВТ в 2004–2011 гг. <http://armstrade.org/pages/main/magazines/yearly/report/3/index.shtml> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

³ Максимальный долевого объем Ирана в общем балансе российского военного экспорта пришелся на 2006 г. — 16,2%. Для сравнения: в 2004 г. доля Ирана составляла 4,2%, в 2005 г. — 0,8%, в 2006 г. — 16,2%, в 2007 г. — 9,4%, в 2008 г. — 0,8%, в 2009. — 3,2%, в 2010 г. — 2,3% и в 2011 г. — 0,1%.

⁴ В 2004–2006 гг. идентифицированных поставок не было. В 2007 г. — 1,5%, в 2008 г. — 8,9% (максимальный долевого объем), в 2009 г. — 5,0%, в 2010 г. — 4,5% и в 2011 г. — 3,0%.

⁵ В 2004–2005 гг. идентифицированных поставок не было. В 2006 г. — 5,1%, в 2007 г. — 8,2% (максимальный долевого объем), в 2008 г. — 2,3%, в 2009. — 1,5%, в 2010 г. — 1,3% и в 2011 г. — 3,7%.

⁶ В 2004–2007 гг. идентифицированных поставок не было. В 2008 г. доля ОАЭ составила 0,8%, в 2009 г. — 2,6%, в 2010 г. — 4,9% (максимальный долевого объем) и в 2011 г. — 3,4%.

⁷ Россия будет улучшать послепродажное обслуживание оружия — Минпромторг. 2013, 17 февраля. *РИА Новости*. http://ria.ru/defense_safety/20130217/923361895.html#ixzz2RID3vjfe (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

⁸ В целом в перечень заказчиков в 2012 г. вошли следующие страны (перечислены в порядке уменьшения объемов заказов): Индия, Ирак, Китай, Афганистан, категория «неизвестный», Нигерия, Индонезия, Алжир, Вьетнам, Эквадор, Казахстан, Беларусь, Аргентина, Гана, Малайзия, Экваториальная Гвинея и Азербайджан. См.: В 2012 г. Россия заключила контракты на сумму свыше 18 млрд долларов, практически догнав по этому показателю США. ЦАМТО. 2012, 24 декабря. <http://armstrade.org/includes/periodics/news/2012/1224/180516360/detail.shtml> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

⁹ Более подробно см.: а) Россия теряет традиционные мировые рынки оружия. *Newsland*. 2012, 19 апреля. <http://newsland.com/news/detail/id/940802/> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.);

б) РФ приобретает новые рынки оружия, но теряет старые — ФСВТС. РИА Новости. 2013, 5 февраля. <http://news.mail.ru/politics/11863911/> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.);

в) Россия наращивает поставки оружия на мировые рынки. *Финансовая Лента*. 2013, 13 февраля. <http://finlenta.mirtesen.ru/blog/43208708460/Rossiya-naraschivaet-postavki-oruzhiya-na-mirovyye-ryinki> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.);

г) Саудовская Аравия взяла тайм-аут в переговорах о покупке оружия из РФ. РИА Новости. 2013, 18 февраля. http://ria.ru/defense_safety/20130218/923526671.html (последнее посещение — 4 октября 2013 г.);

д) Н. Новичков. Эмиратские ворота российской оборонки. *Военно-Техническое Сотрудничество*. 2013, № 13. С. 64–75.

¹⁰ О вооружениях Бахрейна более подробно см.: *Мировая торговля оружием*. 2011, № 1. С. 5–13. URL: http://www.armstrade.org/files/monthly_01_2010.pdf (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

¹¹ Более подробно см.: а) Положение основных поставщиков на рынке вооружений Катара, программы закупки ПВН в 2011 году. ЦАМТО.

<http://www.armstrade.org/includes/periodics/analytics/2012/0314/163412013/detail.shtml> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.); б) Катар в структуре мирового импорта/экспорта вооружений. ЦАМТО. 2012, 14 марта. <http://www.armstrade.org/includes/periodics/news/2012/0314/175512014/detail.shtml> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

¹² Россия заключила контракт с Кувейтом на поставку эмирату двух десантных катеров на воздушной подушке типа *Мурена*. ИТАР-ТАСС. 2010, 30 марта. http://vpk.name/news/38005_rossiya_zaklyuchila_kontrakt_s_kuveitom_na_postavku_emiratu_dvuh_desantnyih_katerov_na_vozdushnoi_podushke_tipa_murena.html (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

¹³ РСЗО *Смерч* в количестве 18 единиц были поставлены в Кувейт в 1995 г. Государственным научно-производственным предприятием *Слав*, причем Кувейт был первой страной, куда были экспортированы эти реактивные системы залпового огня.

¹⁴ Россия успешно завершает модернизацию РСЗО *Смерч* в Кувейте и начала модернизацию БМП-3 в этой стране. АРМС-ТАСС. 2013, 20 февраля. <http://www.armstass.su/?page=article&aid=115415&cid=43> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

¹⁵ См.: Полный отчет по мировому импорту вооружений в 2008–2011 гг. и прогноз на 2012–2015 гг. *Мировая торговля оружием*. 2012, № 7–8.

¹⁶ Владимир Путин подкрепил арабскую оборону: Часть российского долга ОАЭ будет погашена военными поставками. *Коммерсантъ*. 2007, № 164 (3740).

¹⁷ См.: Ежегодник ЦАМТО–2012. Глава 3. Раздел 3.6. Детализированная структура военного экспорта России по конкретным странам-импортерам в 2004–2011 гг. и 2012–2015 гг. <http://armstrade.org/pages/main/magazines/yearly/report/3/index.shtml> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

¹⁸ Выставка IDEX–2011 уступила по стоимости подписанных контрактов результату 2009 г. ЦАМТО. 2011, 25 февраля. <http://www.armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2011/0225/09467326/detail.shtml> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

¹⁹ Стоимость контрактов, заключенных Вооруженными силами Объединенных Арабских Эмиратов в ходе работы 11-й международной выставки IDEX–2013, возросла до 14,1 млрд дирхамов (3,84 млрд дол). ЦАМТО. 2013, 22 февраля. <http://www.armstrade.org/includes/>

Э
И
Л
А
Н
А

periodics/mainnews/2013/0222/095717229/detail.shtml (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

²⁰ См.: а) Алиев. Р. Характеристика рынка вооружений Омана. *Экспорт Вооружений*. 2008, март–апрель. С. 6–13. <http://www.cast.ru/files/subscribe/Oman.pdf> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.); б) Гельман З. Защита «страны мирры и ладана». *Независимое Военное Обозрение*. 2010, 30 июля. http://nvo.ng.ru/forces/2010-07-30/1_oman.html (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

²¹ Хазбиев А. Оружейная перестройка. *Эксперт*. 2005, 05 декабря.

²² Сафронов И. «Тунгуски» вместо масла. *Коммерсантъ*. 2005, 15 февраля.

²³ Российское оружие принесло \$15,13 млрд. *Коммерсантъ*. 2013, 22 января. <http://www.kommersant.ru/Doc/2110179> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

²⁴ В 2012–2015 гг. доля США на рынке вооружений Саудовской Аравии возрастет до 60%. *ЦАМТО*. 2012, 16 августа. <http://www.armstrade.org/includes/periodics/news/2012/0816/102514335/detail.shtml> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

²⁵ См.: Полный отчет по мировому импорту вооружений в 2008–2011 гг. и прогноз на 2012–2015 гг. *Мировая торговля оружием*. 2012, № 7–8.

²⁶ Саудовская Аравия прицеливается к российскому оружию: На противоречиях Эр-Рияда и Вашингтона Москва может заработать \$4 млрд. *Коммерсантъ*. 2007, 23 ноября. № 216 (3792).

²⁷ РФ не стоит надеяться на развитие ВТС с Саудовской Аравией. *Военные Новости России*. 2012, 11 марта. <http://voennovosti.ru/2012/03/korotchenko-ff-ne-stoit-nadeyatsya-na-razvitiie-vts-s-saudovskoj-araviej/> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

²⁸ Египет занимает второе место по объему получаемой военной помощи США (ежегодно Каир получает от Вашингтона примерно 1,3–1,5 млн долл., которые тратятся на поддержание и улучшение уже закупленной американской техники), тогда как Израиль, занимающей первое место, получает 2,2 млрд долл.

²⁹ Документ ГА ООН А/67/212/Add.2 от 30 января 2013 г.

³⁰ См.: Ежегодник ЦАМТО-2012. Глава 3. Раздел 3.6. Детализированная структура военного экспорта России по конкретным странам-импортерам в 2004–2011 и 2012–2015 гг.

³¹ Рыбас А. Л. Военно-техническое сотрудничество России с зарубежными государствами. Анализ рынков. М.: Наука, 2008. С. 52–53.

³² а) Президент Йемена рассчитывает на расширение связей с Россией в сфере военно-технического сотрудничества. *АРМС-ТАСС*. 2009, 25 февраля. <http://armstass.su/?page=article&aid=67169&cid=25> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.); б) Поставки оружия из России в Йемен могут превысить \$1 млрд. *РИА Новости*. 2010, 01 июля. http://ria.ru/defense_safety/20100701/251547575.html (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

³³ США вооружат Йемен до зубов. *Военно-Промышленный Курьер*. 2010, 03 сентября. http://vpk.name/news/43987_ssha_voorzhat_ymen_do_zubov.html (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

³⁴ Военно-техническое сотрудничество. *АРМС-ТАСС*. 2013, 01–07 апреля. № 14 (862). С. 10.

³⁵ См.: Международная конференция по Сирии, о проведении которой договорились Россия и США, становится все менее реальной. *Газета.Ру*. 2013, 25 мая. http://www.gazeta.ru/politics/2013/05/24_a_5335305.shtml (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

³⁶ Контракт на поставку 36 учебно-боевых самолетов *Як-130УБС* был подписан в конце 2011 г., сумма сделки составляет 550 млн долл., но его исполнение, ввиду продолжающегося кризиса, вряд ли осуществимо в намеченные сроки. Подробнее см.: Сирия приобрела учебные самолеты *Як-130*. *Оружие России*. 2012, 23 января. <http://www.arms-expro.ru/049051124050054053051049.html> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

³⁷ Известно, к примеру, что Россия в 2012 г. завершила ремонт и модернизацию 20 сирийских ударных вертолетов *Ми-25*, но задерживала их возвращение Дамаску из-за гражданской войны. Подробнее см.: Сроки поставки *Ми-25* в Сирию сдвинуты. *Оружие России*. 2012, 21 июля. <http://www.arms-expro.ru/049051124050056050055050.html> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

³⁸ К примеру, в октябре 2012 г. Турция принудила к посадке самолет с 35 пассажирами, следовавший из Москвы в Дамаск, из-за подозрения в перевозке военного груза, который был ею конфискован (12 контейнеров продукции Тульского конструкторского бюро приборостроения — радиотехнические элементы, которые подпадают под понятие продукция двойного назначения). В то же время позиция России сводилась к тому, что поставки продукции двойного назначения международными конвенциями не запрещены. Подробнее см.: Турция принудила к посадке армянский самолет. *Взгляд*. 2012, 15 октября. <http://vz.ru/news/2012/10/15/602585.html> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

³⁹ См.: Ежегодник ЦАМТО–2012. Глава 3. Раздел 3.6. Детализированная структура военного экспорта России по конкретным странам-импортерам в 2004–2011 и 2012–2015 гг.

⁴⁰ Попытки ограничить ВТС между Россией и Сирией предпринимались и раньше, якобы потому, что поставленные вооружения попадают в руки террористических организаций, в частности *Хезболлы*, либо незаконно переправляются Ирану. Особенно резкую критику США и Израиля вызвала закупка Сирией сверхзвуковых крылатых ракет *П-800 Яхонт* в составе *ПБРК Бастион*, от поставок которых Россия официально, насколько можно судить, не отказалась.

⁴¹ Россия официально не отказывалась от выполнения заключенных ранее контрактов на поставку Сирии систем ПВО. В конце мая 2013 г. появились даже сообщения о совершившейся поставке Россией Дамаску ЗРК *С-300*, однако были поставлены только отдельные компоненты, но полный импорт этих систем ПВО в Сирию приостановлен. См.: С-300 Сирию не спасут. *Ведомости*. 2013, 05 сентября. № 162 (3424). <http://www.vedomosti.ru/politics/news/15986151/s-300-siryu-ne-spasut> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

⁴² Израиль не будет передавать России передовые военные технологии. *ЦАМТО*. 2012, 6 апреля. <http://armstrade.org/includes/periodics/news/2012/0406/125512363/detail.shtml> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

⁴³ *РПГ-32 Хашим* является мультикалиберным ручным гранатометом и получил свое название по имени прадеда пророка Магомета благодетеля Мекки Хашима ибн Абд ад-Дара, от которого ведет свое происхождение королевская семья Иордании.

⁴⁴ Российско-иорданский завод выпустит десятки тысяч гранатометов. *Военно-Промышленный Курьер*. 2013, 23 февраля. <http://vpk-news.ru/news/14523> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

⁴⁵ Более подробно см.: SOFEX-2012. IX Международная выставка сил специального назначения. *ЦАМТО*, 2012. <http://www.armstrade.org/files/analytics/138.pdf> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

⁴⁶ Россия поставит Ливану боевые вертолеты *Ми-24*. МГИМО Университет. 2010, 26 февраля. <http://www.mgimo.ru/news/press/document144326.phtml> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

⁴⁷ Ливан получит бесплатные российские истребители в 2010 году. *Lenta.Ru*. 2009, 18 декабря. <http://lenta.ru/news/2009/12/18/mig29/> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

⁴⁸ РФ заинтересована в военно-техническом сотрудничестве с Ливаном. *РИА Новости*. 2013, 23 января. <http://ria.ru/world/20130123/919422562.html/23.01.2013> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

⁴⁹ Палестина бесплатно получила 50 российских БТР-70 в качестве грузовиков. *Рамблер Новости*. 2010, 20 июля. <http://news.rambler.ru/7026430/18434071/> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

⁵⁰ Российские БТР как фактор мирного диалога: Израиль готов пропустить технику в ПА. *NEWSru*. 2010, 23 июля. <http://www.newsru.co.il/mideast/23jul2010/btr8003.html> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

⁵¹ См.: Полный отчет по мировому импорту вооружений в 2008–2011 гг. и прогноз на 2012–2015 гг. *Мировая торговля оружием*. 2012, № 7–8.

⁵² В структуре военного импорта Ирака в 2012–2015 гг. существенно возрастет доля Украины. *ЦАМТО*. 2012, 17 августа. <http://www.armstrade.org/includes/periodics/news/2012/0817/134014357/detail.shtml> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

⁵³ США–Ирак: прочные связи. *Военно-Промышленный Курьер*. 2012, 17 октября. <http://www.vpk-news.ru/articles/12786>. (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).

- ⁵⁴ Для России ВТС с Ираном имеет еще и оборонное значение, учитывая наличие латентных конфликтов на Северном и Южном Кавказе.
- ⁵⁵ Указ Президента РФ от 22 сентября 2010 г. № 1154 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1929 от 9 июня 2010 г.».
- ⁵⁶ Лукоянов А. Иран как региональная держава. *Pro et Contra*. 2008. № 4, июль-август.
- ⁵⁷ Сажин В. И. Иран: февраль–2009. Военно-политическая ситуация. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2009.
- ⁵⁸ См.: Пухов Р. ПВО преткновения. Еще раз к вопросу о передаче Ирану ЗРС С-300. *Независимая Газета*. 2010, 2 июля. http://nvo.ng.ru/armament/2010-07-02/9_iran.html (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).
- ⁵⁹ В 2007 г. было подписано соглашение с Китаем о поставках двух эскадрилий истребителей *J-10* (24 машины) в течение 2008–2010 гг. Тем самым Иран с их помощью сможет не только выполнять полеты над всем Персидским заливом, но и теоретически даже предпринимать рейды до Израиля с возвращением затем на свои базы. До сих пор истребителями с наибольшей дальностью у Ирана были российские *МиГ-29*. См.: а) Лантратов К. Иран покупает израильские истребители. *Коммерсантъ*. 2007, 3 октября <http://www.kommersant.ru/doc/817904> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.); б) Ройбен Ф. Джонсон. Связи Ирана с Китаем включают поставку ядерного оружия и ракет. *ИносМИ*. 2010, 17 марта. <http://www.inosmi.ru/asia/20100318/158666346.html> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).
- ⁶⁰ Известно, что Иран с 2001 г. приступил к реализации 25-летней программы перевооружения национальных вооруженных сил, которая предусматривала в основном ориентацию на закупку ВиВТ российского производства. Общий объем финансирования программы перевооружения оценивается в 25 млрд долл., из которых оборонно-промышленный комплекс РФ в период 2010–2025 гг. мог рассчитывать как минимум на половину этой суммы. См.: Россия может потерять до \$13 млрд из-за отказа от ВТС с Ираном. *РИА Новости*. 2010, 7 октября. http://ria.ru/defense_safety/20101007/283231206.html (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).
- ⁶¹ См.: Ежегодник ЦАМТО–2012. Глава 3. Раздел 3.6. Детализированная структура военного экспорта России по конкретным странам-импортерам в 2004–2011 и 2012–2015 гг.
- ⁶² См.: Турция в структуре мирового экспорта/импорта вооружений. IDEF 2013: 11-я Международная выставка оборонной промышленности. Стамбул, Турция 7–10 мая 2013 г. ЦАМТО, 2013. <http://www.armstrade.org/files/analytics/149.pdf> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).
- ⁶³ Подробнее см.: а) Фатих Озбай. Турецко-российские военно-технические отношения: история и эволюция. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2004; б) Задонский С.М. Состояние и перспективы военно-технического сотрудничества России и Турции. Институт Ближнего Востока. 2005, 15 сентября. <http://www.iimes.ru/?p=3810> (последнее посещение — 4 октября 2013 г.); в) Перспективы российско-турецкого военно-технического сотрудничества. *Armenia Today*. 2013, 09 мая. http://armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=88268 (последнее посещение — 4 октября 2013 г.).
- ⁶⁴ В турецком тендере в настоящее время принимают участие американские компании *Raytheon* и *Lockheed Martin* с комплексом *PAC-3 Patriot*, *Рособоронэкспорт* с *С-300*, китайская *СРМИЕС* с *HQ-9* (измененная копия российской системы *С-300 В*) и европейский консорциум *Eurosam* с *SAMP/T Aster 30*.
- ⁶⁵ Этот *недобор* составляет почти половину от имеющегося на текущий момент общего портфеля заказов России на экспорт вооружений, составляющий около 46 млрд долл.
- ⁶⁶ ВТС со странами Северной Африки в настоящем обзоре предметно не рассматриваются, но в целом военно-политическая ситуация в ряде из них является не менее проблемной, чем на Ближнем Востоке. Для справки заметим, что среди стран Северной Африки наиболее крупные потери в сфере ВТС Россия понесла в Ливии — они составляют 4 млрд долл.

Юрий Федоров

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ВООРУЖЕНИЙ–2020: ВЛАСТЬ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

*Хорошая армия есть там,
где существует хороший политический строй.
Николо Макиавелли¹*

Уже в 2012 г. Военно-промышленная комиссия РФ начала разработку новой программы вооружения на 2016–2025 гг.². В июле 2015 г. ее планируется представить российскому президенту. Официальные лица утверждают, что нынешняя Государственная программа вооружений до 2020 г. (ГПВ–2020) будет выполнена и ее вторая половина войдет в новую программу. Так, утвержденный в июне 2013 г. План деятельности Министерства обороны России предполагает, что перевооружение армии и флота будет осуществляться в соответствии с контрольными показателями ГПВ–2020³. Однако провалы двух предыдущих программ вооружения, ГПВ–2006 и ГПВ–2015, показывают: примерно через пять лет после принятия их признавали невыполнимыми и заменяли новыми. Соответственно, встает вопрос о возможности выполнения сегодняшних планов, что, в свою очередь, во многом определит боеспособность российских вооруженных сил к концу нынешнего десятилетия.

А
Н
А
Л
И
З

КЛЮЧЕВЫЕ УСТАНОВКИ ГПВ–2020

Разработка ГПВ–2020 началась в 2009 г, а утверждена она была 31 декабря 2010 г. По оценкам Минобороны России, отмечала в редакционной статье *Красная звезда*, выполнение ГПВ–2020 «позволит Вооруженным силам нейтрализовать любые военные угрозы Российской Федерации и стать реальным государственным инструментом активной политики в зонах ее приоритетных интересов»⁴.

Похоже, речь идет о подготовке к использованию военной силы в районах, прилегающих к российским границам, где, если судить по высказываниям российских политиков, сосредоточены приоритетные интересы страны.

Главная цель ГПВ–2020 — довести долю современных вооружений и военной техники (ВиВТ) в российских войсках к 2020 г. до 70%. Для этого предполагается выделить 20,7 трлн руб, из них 19 трлн рублей предназначены для переоснащения армии, военно-воздушных сил (ВВС) и флота. Примерно 70% из них пойдут на закупки ВиВТ, а оставшиеся 30% будут поделены приблизительно поровну между НИОКР и ремонтом имеющегося оружия. Еще 3 трлн рублей выделены для обновления технической оснащенности предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК).

Оснащение российских армии и флота новым оружием — одно из ключевых условий их боеспособности. В начале нынешнего десятилетия к современным вооружениям относилось не более 10% имевшихся в наличии ВиВТ⁵. Правда, четких критериев того, что относится к *современным* ВиВТ, российские военные и руководство ВПК не называют, подчеркивая лишь, что они не должны уступать «по своим техническим характеристикам современным образцам мировых держав»⁶.

Такой подход, видимо, не случаен. Неясность с определением данного термина позволяет гибко оценивать результаты выполнения ГПВ–2020. Вызывает также вопросы заявление бывшего заместителя министра обороны и бывшего главы Роскосмоса В. Поповкина, согласно которому в армиях ведущих западных государств доля современных вооружений составляет 30–50%⁷. Если это так, то российское военное командование собирается к концу нынешнего десятилетия не только догнать, но и перегнать эти страны (хотя в них тоже реализуются программы перевооружения), в том числе США, по качественным показателям ВиВТ. Задача эта вряд ли выполнима.

В самом общем виде ключевые установки ГПВ–2020 определены в указе президента России № 603 от 07.05.2012⁸. К ним, помимо доведения доли современных вооружений к 2015 г. до 30%, а к 2020 г. — до 70%, относятся:

- приоритетное развитие сил ядерного сдерживания, средств воздушно-космической обороны (ВКО), систем связи, разведки и управления, радиоэлектронной борьбы, беспилотных летательных аппаратов, роботизированных ударных комплексов, современной транспортной авиации, высокоточного оружия и средств борьбы с ним, системы индивидуальной защиты военнослужащих;
- развитие военно-морского флота, прежде всего в Арктике и на Дальнем Востоке.

Иными словами, декларируемые цели ГПВ–2020 включают создание вооружений, предназначенных для бесконтактных войн, а также повышение мобильности сил общего назначения. Наиболее вероятная географическая зона, где такие войны возможны — это все те же районы *приоритетных интересов* России по периметру ее границ. А приоритет развития сил ядерного сдерживания имеет смысл, если в Москве расценивают как высокую вероятность жесткого военно-политического противостояния с США и НАТО на западном театре и с Китаем на восточном.

Открытые данные о конкретных системах, разрабатываемых в рамках ГПВ–2020, и финансировании ее компонентов являются неполными, постоянно меняются. Но в целом основные задачи ГПВ–2020 выглядят следующим образом.

Таблица 1. Цели ГПВ–2020 (неполные данные)⁹

Вид войск	Трлн руб.	%	Предполагается закупить или разработать
Сухопутные войска	2,6	14	2300 танков, 2000 артиллерийских систем, 10 бригадных комплектов оперативно-тактических ракет <i>Искандер-М</i> (160 спаренных ПУ, 320 ракет), 9 бригадных комплектов армейской ПВО <i>С-300В4</i> , более 30 тысяч единиц автомобильной техники. Поставки в войска новых танков, САУ и ББМ планируется начать в 2015 г.
Военно-морской флот	4,5–5	26	8 ПЛАРБ <i>Борей</i> и 120–130 БРПЛ <i>Булава</i> для их оснащения, 8 многоцелевых АПЛ <i>Ясень</i> , 8 неатомных подлодок; 51 надводный корабль, в том числе 14–15 фрегатов и до 25 корветов

Вид войск	Трлн руб.	%	Предполагается закупить или разработать
Военно-воздушные силы	4–5	21	600 самолетов, 1000–1100 вертолетов
РВСН	1	6	270–280 МБР <i>Ярс</i> , разработка новой твердотопливной МБР (проект <i>Рубеж</i> , возможно, на основе <i>Булавы</i>) и новой жидкостной тяжелой МБР
Войска космической обороны	3,4–4	17	56 дивизионов <i>С-400</i> (448 ПУ и 1798 ЗУР), 38 дивизионов <i>С-500</i> (300–460 ПУ и 1220–1820 ЗУР), интегрированная система управления ВКО, 4 РЛС <i>Воронеж</i> , 100 космических аппаратов. Принятие на вооружение <i>С-500</i> запланировано на конец 2016 г.
Другое	2,7	14	Новые системы связи, управления, разведки, комплексы индивидуальной экипировки военнослужащих и т. д.
Всего	18–19	100	

Эти цели весьма амбициозны. В случае их выполнения будут, например, практически полностью обновлены танковый парк существующих сегодня 31 мотострелковой бригады и 4 танковых бригад сухопутных войск, а также значительная часть вертолетов армейской авиации. Развертывание 10 бригад ОТР *Искандер* позволит снять с вооружения около 100 имеющихся устаревших ОТР *Точка-У* и увеличить общее количество оперативно-тактических ракет примерно в 3 раза.

Правда, характеристики упомянутых вооружений, за исключением ядерных стратегических систем, показывают, что речь идет о вооружениях, предназначенных не столько для бесконтактных войн, сколько для региональных войн традиционного типа, о чем могут косвенно свидетельствовать и проведенные в июле 2013 г. учения на Дальнем Востоке. Кроме того, большая часть из них была разработана в 1970–1980-х гг. Например, *Су-34*, считающийся единственным российским современным ударным истребителем-бомбардировщиком, был создан еще в советский период¹⁰. Оперативно-тактический комплекс *Искандер*, которым в последние годы оснащаются российские сухопутные войска, представляет несколько модернизированный вариант ОТР *Ока*, уничтоженной по Договору РСМД¹¹.

Однако реализация ГПВ–2020 сталкивается с серьезными трудностями. Одним из признаков этого стала достигнутая в июне 2013 г. договоренность Минфина и Минобороны о переносе части бюджетных расходов по ГПВ–2020 с 2014–2016 гг. на 2017–2018 гг. Это означает, что некоторые закупки новых ВиВТ, прежде всего в рамках долгосрочных проектов, могут быть перенесены в ГПВ–2025. СМИ сообщали, что в первую очередь это коснется строительства новых подводных ракетно-носцев класса *Борей*.

АППЕТИТЫ ВИДОВ И РОДОВ ВОЙСК

Сухопутные войска. В феврале 2012 г. тогдашнее руководство Министерства обороны отказалось от закупок бронетанковой техники, производимой российскими заводами, в том числе бронетранспортеров *БТР-90* и танков *Т-90*. Было решено дождаться серийного производства вооружений для сухопутных войск на основе унифицированных платформ — тяжелой гусеничной платформы *Армата*, разрабатываемой на *Уралвагонзаводе*, средней колесной платформы *Бумеранг* и гусеничной платформы *Курганец-25*. Начало серийного производства вооружений на базе этих платформ намечено не позднее 2015 г.

Следовательно, за 2016–2020 гг. должны быть произведены и поставлены в войска до 2000 танков, 2000 артиллерийских систем и несколько тысяч единиц другой бронированной техники на новых универсальных платформах. Как и в других случаях, это предполагает резкое, в несколько раз, увеличение годового производства бронетехники, что вызывает серьезные сомнения. Каких-либо сведений относительно тактико-технических характеристик вооружений на новых унифицированных платформах не опубликовано.

Военно-морской флот. Строительство советского ВМФ основывалось на принятой в конце 1950-х гг. концепции, предполагающей противоборство с США и проецирование силы во всей акватории Мирового океана. Главной силой флота стали атомные стратегические ракетноносцы и подводные лодки, оснащенные крылатыми ракетами для ударов по береговым целям и уничтожения американских авианосных групп. В 1970-е гг. в дополнение к подводным силам в СССР началось строительство авианосцев. К 1991 г. в СССР было построено примерно в 3,8 раза больше подводных лодок и в 1,35 раза больше больших надводных кораблей, чем в США. Создание корабельного состава ВМФ СССР обошлось в 1,5 раза дороже, чем строительство корабельного состава, состоящего из кораблей традиционных классов и типов¹² (табл. 2).

Таблица 2. Основные боевые корабли СССР/России в строю, 1990 и 2011 гг.¹³

Вид корабля	1990	2011
Атомные подводные лодки с баллистическими ракетами (ПЛАРБ)	62	12
Атомные подводные лодки с крылатыми ракетами (ПЛАРК)	135	28
Атомные подводные лодки специального назначения	1	8
Неатомные подводные лодки	160	21
Все подводные лодки	358	69
Авианесущие крейсера	4	1
Десантные корабли	112	21
Крейсера	40	6
Эсминцы	57	18
Фрегаты	32	5
Корветы	193	49
Все основные надводные боевые корабли	438	100
Все основные боевые корабли	796	169

После распада СССР оставшийся флот сократился в 4–5 раз, а средства для поддержания имеющихся и строительства новых кораблей отсутствовали. В военно-морских кругах и руководстве судостроительной промышленности существовало единое мнение о важности сохранения морских стратегических ядерных сил (МСЯС), но были различные взгляды относительно задач других компонентов ВМФ. Политическое руководство страны, в свою очередь, вплоть до начала 2000-х гг. отвергало концепцию «противостояния России и НАТО, закладываемой военачальниками в планы развития ВМФ»¹⁴.

Разработка ГПВ–2020 заставила Министерство обороны утвердить стратегические задачи флота и, соответственно, приоритеты его развития. На первом месте оста-

ются морские стратегические ядерные силы, затем следует развитие группировки неядерного сдерживания на основе многоцелевых атомных подводных лодок с крылатыми ракетами, следующий приоритет — развитие сбалансированных систем связи, целеуказания, обеспечения, которые позволят эффективно применять эти силы, и замыкает перечень развитие системы позиционирования ВМФ¹⁵.

На момент утверждения ГПВ–2020 был закрыт вопрос о создании флота океанской зоны и глобальном проецировании военно-морской мощи — строительство авианосцев, крейсеров и эсминцев в рамках ГПВ–2020 не планируется. Однако создание авианосцев до сих пор лоббируется влиятельными фигурами в командовании ВМФ и промышленности, несмотря на отсутствие финансовых ресурсов и производственных мощностей, необходимых для их строительства¹⁶.

Особое значение в рамках ГПВ–2020 придается оснащению флота 8 атомными подводными ракетносцами *Борей* и 8 новыми атомными многоцелевыми подводными лодками *Ясень*, способными наносить удары по целям на суше и море крылатыми ракетами большой дальности.

Во Франции закуплены два десантных корабля-вертолетоносца *Мистраль*, которые будут размещены на Тихом океане. Предполагается приобрести до 25 корветов, 14–15 фрегатов, несколько неатомных подлодок и 10–15 кораблей прибрежной зоны. Такая структура корабельного состава означает, что, помимо сохранения морского компонента СЯС и обеспечения его устойчивости, российский ВМФ предназначен для противодействия десантным операциям вероятного противника, нанесения ударов по прибрежным зонам и военно-морским силам соседних с Россией государств и высадки там десантов, а также для борьбы с флотами государств, вмешивающихся в конфликты России с соседними странами.

Однако эти планы, скорее всего, не будут выполнены. Провал ГПВ–2020 применительно к переоснащению военно-морского флота очевиден. По словам главнокомандующего ВМФ В. Чиркова: «Ни один корабль сегодня своевременно из ремонта не выходит, так же как своевременно не передаются корабли, которые строятся на [верфях Объединенной судостроительной корпорации]». В срыве сроков руководство традиционно обвиняет прежде всего предприятия-смежников, особенно это касается оснащения уже готовых кораблей вооружением¹⁷.

В мае 2013 г. Д. О. Рогозин признал, что существуют прямые угрозы срыва планов, связанных «с реализацией государственной программы вооружения в части судостроения и судоремонта»¹⁸. Незадолго до этого было сменено руководство Объединенной судостроительной корпорации (ОСК), которое обвинили в заключении контрактов на строительство атомных подводных лодок по заведомо заниженным ценам. В конце июля 2013 г. президент В. В. Путин констатировал, что «создание и проведение испытаний ряда надводных и подводных кораблей, а также необходимого для них вооружения [...] затягиваются». Задерживается развитие береговой инфраструктуры, без которой новые корабли не могут функционировать¹⁹.

Планы принять на вооружение в 2013–2020 гг. в дополнение к уже переданному флоту стратегическому подводному крейсеру *Юрий Долгорукий* еще 7 новых аналогичных подлодок класса *Борей* и 8 многоцелевых атомных подводных лодок класса *Ясень* невыполнимы. Для этого необходимо возродить темпы и масштабы производства, характерные для лучших лет советского ВПК: в 1980–1988 гг. в Северодвинске было построено 18 атомных подводных лодок, причем строительство каждой из них продолжалось 4,5–5 лет.

Между тем от начала строительства *Юрия Долгорукого* до его принятия на вооружение прошло 16 лет. У подлодок этого же класса *Александр Невский* и *Владимир Мономах*, причем ни одна из них пока не принята на вооружение, с момента закладки до спуска на воду прошло 6 лет. Более того, неудачный пуск БРПЛ *Булава* из первой серийной партии в сентябре 2013 г. привел к остановке испытаний этих двух ракетносцев, а их сдача перенесена на 2014 г.²⁰. В свою очередь ПЛАРК *Северодвинск* строилась около 20 лет и до сих пор не принята на вооружение.

Таблица 3. Состояние строительства подводных лодок *Борей* и *Ясень*²¹

Название	Заложен	Спуск на воду	Состояние
ПЛАРБ проекта <i>Борей</i>			
<i>Юрий Долгорукий</i>	11/1996	02/2006	В январе 2013 г. вошел в боевой состав
<i>Александр Невский</i>	03/2004	12/2010	Проходит ходовые испытания
<i>Владимир Мономах</i>	03/2006	12/2012	Проходит швартовые испытания
<i>Князь Владимир</i>	07/2012		Строится
<i>Александр Суворов</i>			Планируется к закладке до конца 2013 г.
<i>Михаил Кутузов</i>			Планируется к закладке до конца 2013 г.
ПЛАРК проекта <i>Ясень</i>			
<i>Северодвинск</i>	1993	2010	На испытаниях
<i>Казань</i>	2009		Спуск на воду планируется в 2015 г.
<i>Новосибирск</i>	2013		Строится
Заключены контракты на строительство еще трех АПЛ класса <i>Ясень</i> , а по четвертой принято решение о строительстве.			

Не лучше обстоят дела со строительством корветов и фрегатов. К 2020 г. планируется иметь в составе ВМФ до 25 корветов проектов № 20380 и № 20385. В начале 2013 г. в строй было 3 корабля проекта № 20380, еще 3 строились, был подписан контракт на строительство 1 корабля. Программа строительства корветов проекта № 20385 свернута из-за слишком высокой стоимости. По-видимому, будет достроен только 1 корабль этого типа, а остальные планируется заменить более дешевым проектом, сроки разработки которого не известны.

Из фрегатов проектов № 22350 и № 11356Р/М на завершающей стадии строительства в 2013 г. находилось по одному кораблю. Иными словами, для того чтобы выполнить ГПВ–2020 по фрегатам и корветам, до 2020 г. необходимо построить и принять на вооружение дополнительно к имеющимся и строящимся еще 27–28 кораблей, что невозможно.

Обычно длительные сроки постройки боевых кораблей объясняют недостаточным финансированием и утверждают, что увеличение средств, выделенных на перевооружение флота, позволит выполнить намеченные планы. Однако главную роль играет неспособность промышленности произвести в необходимом количестве комплектующие и оборудование, которым они оснащаются. С учетом этого можно предположить, что к 2020 г. российский ВМФ получит не более 4-х ПЛАРБ проекта *Борей*, 3–4 многоцелевых АПЛ проекта *Ясень*, до 8 корветов и 4–5 фрегатов. Другими словами, ГПВ–2020 применительно к ВМФ будет выполнена менее чем наполовину.

Военно-воздушные силы. На первый взгляд, применительно к этому виду ВС ГПВ–2020 выполняется лучше, чем в военно-морском флоте. К середине 2013 г. заключены или подготовлены к заключению контракты на поставки примерно 320 боевых и военно-транспортных самолетов, 55 учебных самолетов, почти 300 ударных и 100 транспортно-боевых (штурмовых) вертолетов.

Таблица 4. Приблизительный состав авиации военно-воздушных сил и противовоздушной обороны России в 2012 и 2020 гг. (без самолетов дальней, учебной и специальной авиации)²²

Вид самолета	2012	Планируется на 2020 г. с учетом ГПВ–2020	
		всего	в том числе новые и модернизированные ^{а)}
Истребители	679	825–885	Новые: 48 Су-35С; 60 Су-30СМ; 12 Су-27; 24 МиГ-29КУБ; Модернизированные: 60 МиГ-31
Фронтовые бомбардировщики	343	170–190	Новые: 124–140 Су-34
Штурмовики	200	200	Модернизированные: 36 Су-25
Транспортные	210	352	Новые: 39 Ил-76МД90А
Ударные вертолеты	374	576	Новые: 140 Ка-52; 96 Ми-28Н; 48 Ми-35Н
Транспортно-боевые вертолеты	519	978	Новые: 100 Ка-60

^{а)} Согласно контрактам, заключенным или близким к заключению в середине 2013 г.

Однако выполнение ГПВ–2020 предполагает резкое увеличение производства авиационной техники. В 2010 г. ВВС России без учета прототипов получили от российской промышленности 21 самолет и 57 вертолетов²³. В 2011 г. ВВС России было поставлено по одним данным 28, а по другим — 30 новых боевых самолетов²⁴, а в 2012 г. — 35 самолетов и 118 вертолетов различного назначения²⁵. Планировалось, однако, что в 2012 г. ВВС получат 58 самолетов и 124 вертолета²⁶. В 2013 г. российские ВВС надеются получить 66 самолетов и более 100 вертолетов, а в 2014 г. — уже около 90 самолетов²⁷. Другими словами, к 2015 г. производство авиационной техники должно возрасти по сравнению с 2010–2011 гг. в 4–5 раз. Возможность этого вызывает серьезные сомнения не столько из-за ограниченных производственных мощностей самолетостроительных предприятий, сколько из-за проблем с поставками компонентов и оборудования надлежащего качества от предприятий-смежников.

О трудностях выполнения авиационной части ГПВ–2020 свидетельствует, в частности, перенос на несколько лет закупки 37 истребителей МиГ-35 (контракт на сумму около 37 млрд рублей должен быть подписан до конца 2013 г.)²⁸. Кроме того, за исключением перспективного авиационного комплекса фронтовой авиации (ПАК ФА) Т-50, который является самолетом 5-го поколения (хотя разработка двигателей соответствующего поколения и авионики для него будет завершена в лучшем случае к 2015 г.²⁹), все остальные закупаемые самолеты являются более или менее глубокими модернизациями техники советского периода. При этом объявленные планы поступления в войска первых ПАК ФА в 2015 г. и закупки 60 таких машин до 2020 г. являются абсолютно не реализуемыми.

Ракетные войска стратегического назначения. За два года, прошедшие после вступления в силу нового Договора СНВ, российский стратегический арсенал незначительно сократился, но по основным показателям (количеству развернутых носителей и боезарядов на них) Россия находится ниже установленных этим договором уровней.

Таблица 5. Стратегические носители и боезаряды РФ в 2011–2013 гг.³⁰

Вид носителя	Потолок ДСНВ	2011 г.	2013 г.
Развернутые носители	700	516	492
Боезаряды на развернутых носителях	1550	1566	1480
Развернутые и неразвернутые носители	800	871	900

При этом до конца десятилетия России придется снять с вооружения около 200 имеющихся сегодня МБР *Тополь (РС-12М)*, *УР-100НУТТХ (РС-18А)* и *Р-36М2 (РС-20Б)*, на которых находится примерно 1170 боезарядов. Гарантийные сроки этих ракет несколько раз продлевались и сохранить их в РВСН после 2020 г. практически невозможно³¹. Судя по всему, из имевшихся в 2012 г. МБР к 2019–2020 гг. останется менее 200 единиц с учетом оставшихся ракет *Тополь-М* шахтного и мобильного базирования, несущих одну боеголовку, и ракет *Ярс*, оснащенных тремя боевыми блоками. В ВМФ, скорее всего, останется 6 ракетоносцев *667БРДМ Дельфин*, оснащенных 96 ракетами, и, как отмечалось ранее, к 2020 г. будут приняты на вооружение вряд ли более 4 ПЛАРБ класса *Борей*, на которых могут находиться до 64 БРПЛ *Булава*. Кроме того, к указанному сроку у России сохранится не более 60–65 стратегических бомбардировщиков *Ту-160* и *Ту-95* последних модификаций³².

Таким образом, из развернутых в 2013 г. 492 носителей к 2020 г. останется примерно 400 единиц. Как видно, количество развернутых носителей окажется примерно в 1,75 ниже разрешенных ДСНВ уровней. Хотя, возможно, у России получится находиться вблизи договорного потолка по развернутым боезарядам за счет увеличения числа боевых блоков на строящихся ракетах.

Однако для достижения этих показателей парк МБР и БРПЛ должен обновиться едва ли не на три четверти. В общей сложности с учетом *Булавы* в 2013–2020 гг. должно быть произведено около 300 новых ракет. В ГПВ–2020 план производства на 2011–2020 гг. зафиксирован на уровне 400 новых баллистических ракет. Но для этого общее среднегодовое производство ракет на Воткинском и Красноярском машиностроительном заводах должно достичь 40 единиц, т. е. увеличено в 1,5–2 раза по сравнению с текущими показателями.

Войска воздушно-космической обороны. На переоснащение войск ВКО выделяется до 4 трлн рублей, по масштабам финансирования это второй после ВМФ компонент ГПВ–2020. Особое внимание, уделяемое созданию воздушно-космической обороны, свидетельствует о том, что российское военно-политическое руководство, несмотря на приоритетное внимание конфликтам в ближней зоне, продолжает исходить из возможности вооруженного конфликта с ведущими западными странами, в первую очередь с США. И такой конфликт предполагает нанесение массированных ракетно-бомбовых ударов по ключевым центрам политического управления, командным пунктам и другим важнейшим военным объектам, в противном случае выделение огромных средств и усилий на совершенствование и расширение системы ВКО было бы просто бессмысленным.

Не затрагивая крайне спорный вопрос о целесообразности создания единой интегрированной системы ВКО, способной бороться с аэродинамическими и баллистическими целями в космосе и атмосфере, важно сосредоточиться на ключевом элементе ГПВ–2020 в данной области: поставках в войска зенитно-ракетных комплексов *С-400* и *С-500*.

Первый дивизион ЗРК *С-400* (8 пусковых установок, на каждой размещены 4 ракеты) был поставлен на боевое дежурство в 2007 г., а к началу 2013 г. на вооружении находилось 9 дивизионов *С-400*³³. Таким образом, ежегодно в среднем развертывалось 1,5 дивизиона. Для того чтобы выполнить имеющиеся планы и довести к 2020 г. количество дивизионов *С-400* до 56 (28 полков), необходимо еже-

годно развертывать 6,5–7 дивизионов. Следовательно, их производство должно быть увеличено в 4 раза. С этой целью было решено построить 3 новых завода, 2 из них — в Кирове и Нижнем Новгороде — общей стоимостью около 80 млрд рублей уже строятся. Однако возникают большие сомнения в том, что эти предприятия могут быть обеспечены рабочей силой необходимой квалификации.

Кроме того, планируется поставить в войска 38 дивизионов *C-500*. Об этой системе известно мало. По некоторым данным, она представляет модернизированный вариант *C-400* и способна бороться с баллистическими целями, имеющими скорость до 7 км/с (первая космическая скорость). Согласно Плану деятельности Минобороны, серийное производство *C-500* должно начаться не позднее 2017 г., хотя ее первый прототип должен быть изготовлен только в нынешнем году. Соответственно, начать ее серийное производство к концу 2017 г. практически невозможно.

Важным фактором, снижающим эффективность систем *C-400* и *C-500*, является отсутствие ракеты, способной поражать цели на высотах более 30 км. Хотя об успешных испытаниях такой ракеты, известной под индексом *40Н6Е* и примерно аналогичной американской ракете *Patriot PAC-3*, было сообщено летом 2012 г., данных о ее принятии на вооружение и начале серийного производства нет³⁴.

СПОР О ПОТЕНЦИАЛЕ РОССИЙСКОГО ВПК

Выполнение ГПВ–2020 зависит от ее финансирования и эффективности использования выделенных средств, т. е. от качества управления военной промышленностью и научно-исследовательскими учреждениями, а также характера их взаимодействия с вооруженными силами. Но способность произвести ВиВТ в необходимых количествах и необходимого качества определяется не только финансированием, но и мощностями оборонных предприятий и других отраслей, производящих соответствующие материалы, компоненты, электронное и другое высокотехнологичное оснащение и оборудование.

Соответственно, реализация ГПВ–2020 зависит от состояния химической, электронной и металлургической промышленности, точного машиностроения и так далее. Также необходимы высококвалифицированные сотрудники, способные работать на современном оборудовании.

Исключительно важную роль играет обеспечение *научно-технического задела*, т. е. поддержания и развития фундаментальных и прикладных исследований, необходимых для базовых и ключевых военных и промышленных технологий, без которых невозможно создать перспективные виды ВиВТ.

Дефекты организации и управления ГПВ–2020. Трудности выполнения ГПВ–2020 во многом обусловлены тем, что она представляет совокупность малосвязанных друг с другом программ перевооружения отдельных видов вооруженных сил и родов войск. Эти программы определяются не столько стратегическим видением развития международной ситуации, реалистической оценкой экономических и технологических возможностей страны и других ключевых факторов, обуславливающих задачи и облик вооруженных сил, а также параметры их структурных частей, сколько амбициями их командования и интересами связанных с ними группировок военно-промышленного комплекса.

Над руководством российского ВПК продолжают довлеть ведомственные и групповые интересы различных группировок военного и военно-промышленного истеблишмента. В итоге вместо концентрации имеющихся ресурсов на ключевых направлениях военного строительства и обеспечения армии необходимой техникой в необходимых количествах средства распределяются пропорционально влиянию различных лоббистов в высших слоях российского правящего класса. Не случайно летом 2013 г. В. В. Путин подверг критике работу Дмитрия Rogozина на постах вице-премьера и председателя Военно-промышленной комиссии³⁵.

Недостаточная компетентность руководства военной промышленности и военного командования проявляется и в том, что в ГПВ–2020 заложены неправдоподобно короткие сроки создания новых вооружений. Например, предполагается, что между появлением первых прототипов *C-500*, унифицированных платформ *Армата* и многих других систем и началом их серийного производства проходит 2–3 года, что заведомо не выполнимо.

По мнению ряда экспертов «фактическое поступление в войска того же истребителя *T-50*, ЗРК *C-500* или перспективных платформ для сухопутных войск следует ожидать не ранее 2020 г., т. е. фактически за пределами срока действия ГПВ–2020»³⁶. Кроме того, планируется в течение 2–3-х лет резко нарастить выпуск боевой техники. Как показывает мировой опыт, подобный скачкообразный рост производства сложной высокотехнологичной продукции невозможен. «ГПВ–2020 предполагает производство и закупку вооружений и военной техники в 10–20 раз больше, чем фактически удалось сделать по программе 2006–2015 гг. за половину ее неоконченного срока. А большинство проблем и недостатков как *оборонок*, так и механизма принятия решений заказчиком, которые привели к прошлым провалам, остались не устраненными»³⁷.

Суть проблемы, однако, не столько в уровне некомпетентности фигур, возглавляющих военно-промышленный блок правительства, сколько в институциональной неспособности центральных хозяйственно-административных органов преодолеть групповые интересы, доминирующие в управлении ВПК. Эта ситуация унаследована от советского прошлого: с середины 1960-х гг. военная стратегия, военное строительство, производство вооружений и военные НИОКР определялись руководством армии и военно-промышленного комплекса³⁸.

Соответственно, они отражали не национальные интересы Советского Союза, а ведомственные интересы этих групп и их далекие от реальности представления о положении в стране и на мировой арене. Отделы аппарата ЦК КПСС, призванные осуществлять партийный контроль над армией, военной промышленностью и наукой, превратились в их лоббистов. Политбюро ЦК КПСС в подавляющем большинстве случаев *штамповало* решения, согласованные военным командованием и руководителями оборонной промышленности.

Технологический кризис российского ВПК. Положение усугубляется тем, что основные проблемы российского ВПК не решены и перспективы их решения не просматриваются, даже в случае серьезного — в несколько раз! — увеличения его финансирования.

Российская военная промышленность состоит из 1340 промышленных предприятий, научных и научно-конструкторских организаций, из них 971 непосредственно принадлежат оборонным отраслям, в которых занято около 2 млн человек. В последние годы произошло организационное реформирование ВПК: создан 61 интегрированный холдинг, где производится более 74% общего объема военной продукции. К 2020 г. предполагается еще более укрупнить структуру комплекса на основе примерно 40 крупных научно-производственных компаний»³⁹.

Сегодня примерно 45% продукции ВПК имеет военное назначение и предназначено для внутреннего потребления, около 22% экспортируется, а оставшиеся 33% представляют продукцию гражданского назначения⁴⁰. В 2010–2012 гг. положение дел в российском ВПК несколько улучшилось по сравнению с предыдущими 20 годами: рост производства в оборонных отраслях заметно опережал рост промышленного производства в стране в целом. Так, в 2011 г. производство ВПК выросло на 5,8%, а в 2012 году — на 6,4%.

Производительность труда в эти годы возросла почти в 1,2 раза, а номинальная заработная плата в ВПК в этот период увеличилась в 1,35 раза и составила в 2012 г. около 30 тысяч рублей, что примерно на 20% выше, чем в среднем в стране, но заметно ниже, чем в добыче полезных ископаемых, энергетике и некоторых других отраслях российской экономики⁴¹.

Несмотря на рост производства военной продукции в последние годы, российская промышленность не в состоянии самостоятельно производить материалы и комплектующие необходимого качества и требуемой номенклатуры. Бывшие руководители Министерства обороны открыто говорили о низком по отношению к мировому уровню развития микроэлектроники, компьютерных и информационных технологий, создания и производства бронематериалов, технологий снижения заметности, оптико-электронных систем, а также систем, обеспечивающих применение высокоточного оружия⁴².

Эти оценки подтверждает нынешнее руководство вооруженными силами, в частности начальник Генерального штаба ВС РФ В. Герасимов писал в начале 2013 г. «... были нарушены кооперации практически всех отраслей промышленности, а это, в свою очередь, остановило все проводившиеся в тот период научные исследования и разработки. Такое состояние в полной мере не исправлено до настоящего времени. По этой причине отечественная промышленность не решила проблемы создания целого ряда высокотехнологичных наименований продукции для нужд обороны страны (автомобильные двигатели, тепловизионные приборы наведения, бортовые информационно-управляющие системы, современные боеприпасы, эффективные средства связи, элементы боевой экипировки военнослужащих и многое другое)»⁴³.

Имеющиеся в ВПК технологии во многих случаях находятся на уровне 1980–1990-х гг., а моральный и физический износ основного производственного оборудования достиг критического уровня. «Обновление оборудования на отечественных предприятиях происходит в течение 18–20 лет, в то время как у ведущих зарубежных фирм — за 5–7 лет. Относительно новое оборудование в активной части основных фондов [ВПК] (не старше 10 лет) составляет менее 20%, в то время как общий износ машин и оборудования превысил 70%»⁴⁴. Темпы обновления оборудования на оборонных предприятиях не превышает 1% в год при минимально необходимой потребности в 8–10%. В итоге затраты на устранение дефектов в ходе производства, испытания и эксплуатации военной продукции доходят до 50% от общего объема затрат на ее изготовление, тогда как в экономически развитых странах этот показатель не превышает 20%⁴⁵.

Ключевое значение для создания современных вооружений имеет микроэлектроника. Между тем российская микроэлектронная промышленность заметно отстала от передовых стран Запада и Юго-Восточной Азии. Отставание их технического уровня от зарубежных образцов составляет более 10 лет. Рост импорта микроэлектронных компонентов усиливает технологическую и информационную зависимость разработчиков и производителей ВИТ от иностранных партнеров и поставщиков⁴⁶.

Эти оценки подтверждаются и на правительственном уровне: «В настоящее время как по достигнутому технологическому уровню, так и по своим параметрам отечественные изделия микроэлектроники уступают зарубежным на два-три поколения. Так, если передовыми отечественными предприятиями осваиваются технологии микроэлектроники уровня 90 нм с изготовлением изделий на пластинах 200 мм, то за рубежом освоен уровень 22 нм на пластинах до 300 мм и проводятся работы по освоению технологий уровня 18–14 нм и переходу на пластины 450 мм». Между тем «строительством или модернизацией кремниевых фабрик обходится слишком дорого и становится экономически обоснованными только при наличии соответствующего рынка», кроме того, «практически все технологическое оборудование и электронные материалы приходится импортировать»⁴⁷.

Преодоление кризиса российского ВПК сдерживается нехваткой высококвалифицированного персонала, численность которого в оборонных отраслях сокращается на 7% в год, растет доля работников пенсионного и предпенсионного возраста⁴⁸. Но что еще важнее, усугубляется унаследованное от советского периода отставание от ведущих западных стран, прежде всего США в фундаментальных и прикладных научных исследованиях. По оценкам экспертов, близких к руководящим

кругам оборонной промышленности и науки, в настоящее время Россия способна успешно конкурировать на мировом уровне только по 7–10% критических технологий⁴⁹. Научно-технический задел, созданный в 1980-х гг. исчерпан, а «общий уровень финансирования отечественной программы развития базовых военных технологий на два порядка ниже ассигнований, выделяемых на развитие военных технологий в США»⁵⁰.

В свете этого значительную часть средств, выделенных на ГПВ–2020, нужно направлять на преодоление технологической отсталости российского ВПК, прежде всего на модернизацию тех отраслей промышленности, которые играют в нынешних условиях определяющую роль в производстве ВиВТ. К ним относятся не только предприятия, выпускающие конечную продукцию военного назначения, но и столь же важные отрасли, производящие материалы и компоненты, требующиеся для создания современных вооружений.

Модернизация ВПК и оборонных НИИ, необходимая для вывода их из кризиса, включает подготовку кадров высокой квалификации и закрепление их в соответствующих отраслях промышленности и науки. Это предполагает не только повышение зарплат до уровня, сопоставимого с зарплатами в добывающей промышленности, но и решение всего комплекса социальных вопросов в провинциальных, особенно закрытых городах, где сосредоточена основная часть российской оборонной промышленности.

В таком случае в начале будущего десятилетия в России могли бы сформироваться оборонно-промышленный и военно-научный комплексы, способные конкурировать с аналогичными образованиями ведущих западных стран. Однако ГПВ–2020 предусматривает, что на закупку новых, ремонт и модернизацию старых вооружений должно быть истрачено 70–80% ассигнованных средств. В итоге даже если ГПВ–2020 будет успешно выполнена и российские вооруженные силы получат новые, хотя и не всегда соответствующие уровню начала будущего десятилетия ВиВТ, технологическая отсталость российского ВПК сохранится и даже, возможно, усугубится.

Финансовые аспекты выполнения ГПВ–2020. Вплоть до осени 2011 г. в российском руководстве шли острые дебаты относительно масштабов финансирования ГПВ–2020. Изначально было сказано, что на эти цели будет выделено 13 трлн рублей, или 1,3 трлн рублей в год. Министерство обороны заявило, что этой суммы достаточно только для поддержания стратегических ядерных сил и развития ПВО и авиации. Военные потребовали выделить, как минимум, 28 трлн рублей, а для финансирования вооруженных сил *в полном объеме*, по их заявлениям, требовалось 36 трлн рублей, причем только на оплату государственного оборонного заказа, без учета расходов на содержание и боевую подготовку войск⁵¹.

Это вызвало сопротивление Министерства финансов, осознающего, что военные расходы такого масштаба попросту не под силу для отечественной экономики. В мае 2011 г. ведомство предложило отказаться от увеличения численности офицеров и контрактников, сократить за три года армию на 15% при одновременном сокращении государственного оборонного заказа на 100 млрд рублей ежегодно⁵². Эти предложения обосновывались, во-первых, тяжелыми экономическими последствиями роста военных расходов и, во-вторых, тем, что ВПК не в состоянии освоить выделенные средства.

Министерство обороны и военно-промышленное лобби, естественно, обвинили финансистов в саботировании усилий по обеспечению безопасности страны. До критического уровня обострились отношения между тогдашним министром финансов А. Кудриным и ориентирующимися на него кругами бюрократии с *силовиками* в российском руководстве, ставшими одной из основных причин его отставки. Стало очевидно, что главным лоббистом интересов военного командования и ВПК, *проталкивавшим* выделение средств на военные цели являлся

и является Д. Медведев⁵³. Можно предположить, что таким образом он пытался укрепить свои отношения с военным командованием.

В конечном итоге в 2011 г. была утверждена цифра в 20,7 трлн рублей (без учета средств, выделенных на модернизацию ВПК). В результате ежегодные военные расходы должны быть увеличены более чем в 2 раза, достигнув во второй половине нынешнего десятилетия планки в 170–190 млрд долл. в год (в ценах 2011 г. по паритету покупательной способности (ППС)). В 2013 г. расходы по статье *национальная оборона* возросли на 26%, а в 2014 г. — вырастут еще на 17,5%⁵⁴.

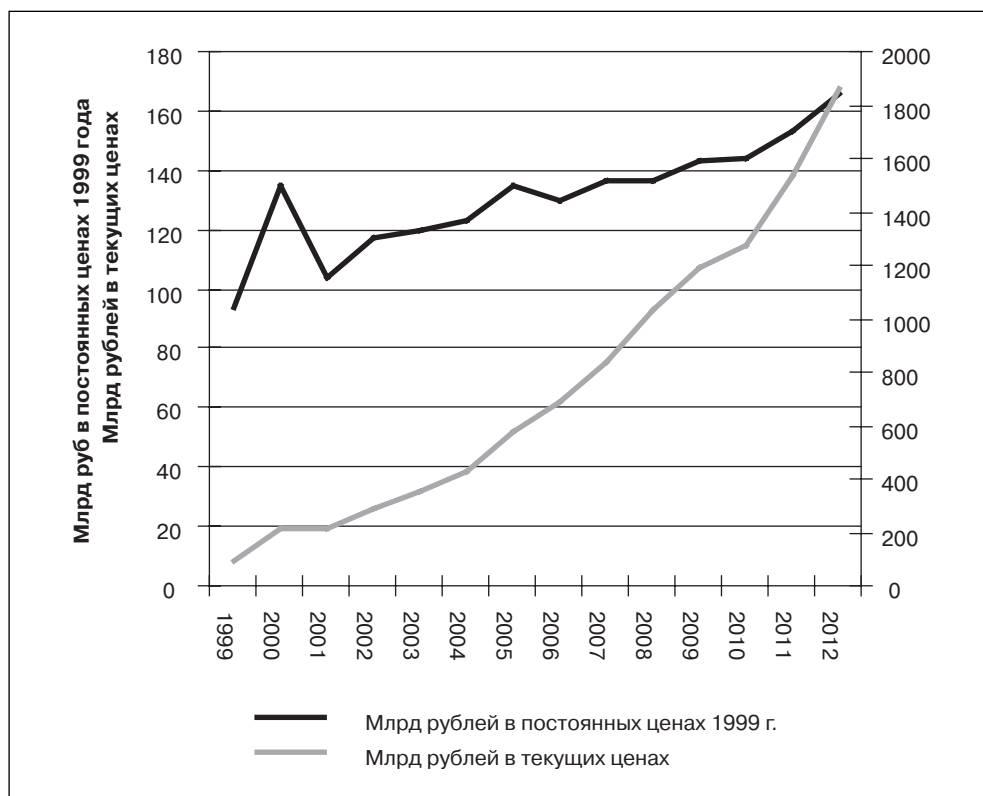
Средства, запланированные для реализации ГПВ–2020, в пересчете по ППС в ценах 2011 г. составляют примерно 1 трлн долл., что намного превосходит затраты на закупку ВиВТ в 1992–2010 гг. На первый взгляд, это позволит перевооружить российские армию и флот, однако общий объем финансовых ресурсов, выделенных на реализацию ГПВ–2020, в постоянных ценах намного меньше.

Их можно приблизительно оценить, имея в виду, что в 1999–2012 гг. расходы бюджета РФ на оборону в текущих ценах выросли примерно в 20 раз, но в постоянных ценах, по расчетам Института им. Е. Т. Гайдара — всего в 1,6 раза. Если эта тенденция сохранится, а оснований предполагать, что финансово-экономическая ситуация в России улучшится по сравнению с 2000 г. нет, реальные ресурсы, которые могут быть выделены на ГПВ–2020 в год ее завершения, лишь в 1,3–1,35 раза превысят те, что были израсходованы на эти цели в 2011 и 2012 гг.

Это связано прежде всего с быстрым ростом цен на ВиВТ. Так, в 2000 г. серийный танк стоил 17 млн рублей, а через 10 лет — почти 118 млн рублей. Другой при-

Рисунок 1. Расходы бюджета РФ по разделу *Национальная оборона*⁵⁵

мер — первая ПЛАРК *Ясень* стоила 47 млрд рублей, а за вторую было запрошено 112 млрд рублей. Удорожание ВиВТ обусловлено рядом системных факторов. Среди них рост издержек производства и, соответственно, себестоимости единицы продукции, мелкосерийность оборонного заказа, притом что большинство предприятий ВПК рассчитано на массовое производство, монополизм конечного производителя и многих поставщиков комплектующих, необходимость содержания мобилизационных мощностей и ресурсов, нормативы на которые были установлены в 1940-х гг., срывы сроков оплаты государственного оборонного заказа и т. д.

Положение дел осложняется нерешенностью проблемы ценообразования. Руководство ВПК постоянно жалуется (скорее всего, не без оснований), что Министерство обороны не учитывает реальный уровень инфляции, рост цен на сырье, материалы, комплектующие и энергоносители, а это ведет к значительному сокращению прибыли и, соответственно, замедлению технологической модернизации. «Заложенные в бюджет дефляторы оказываются меньше реального роста инфляции и роста стоимости материалов и комплектующих, — отмечается, например, в докладе Совета Федерации РФ. — В итоге все программы вооружений через 3–5 лет оказываются разбалансированными, объем недополученных денег и, следовательно, не поступившей в войска техники достигает 30–50%»⁵⁶.

В результате только 36% стратегических предприятий финансово здоровы, а 25% находятся на грани банкротства⁵⁷. Наконец, согласно ГПВ–2020, как и предыдущей программы вооружений, запланированные объемы ассигнований распределены крайне неравномерно: 31% средств предусмотрены на 2011–2015 гг., а 69% — на 2016–2020 гг.⁵⁸

К тому же ухудшение экономического положения страны, ставшее очевидным в 2013 г., заставляет сокращать бюджетные, в том числе военные расходы. Так, в 2016 г., помимо сокращения всех бюджетных расходов на 5% каждые три года, предполагается провести дополнительное сокращение на 3% государственных закупок, госпрограммы вооружений и инвестиций, в том числе в 2014 г. отказаться от индексации зарплат бюджетников и военнослужащих⁵⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Скорее всего, ГПВ–2020 будет выполнена не более чем наполовину. При этом ориентация на массированные закупки ВиВТ и соответствующее распределение средств в рамках этой программы не позволят провести надлежащую модернизацию военной промышленности и оборонных НИОКР. В итоге, отставание России по обычным вооружениям от ведущих в военном отношении держав, возможно, даже увеличится.

Таким образом, к началу следующего десятилетия Россия будет иметь обычные вооруженные силы, численно превосходящие войска ведущих европейских стран, но заметно хуже оснащенные. В то же время Россия, безусловно, сохранит преобладающее качественное и количественное превосходство в военной силе над государствами, возникшими на месте бывшего СССР.

Российский стратегический ядерный потенциал будет несколько уступать американскому по основным количественным показателям, но останется достаточным для стратегического сдерживания. В области тактического ядерного оружия Россия будет иметь превосходство над силами НАТО в Европе и силами Китая и США на Дальнем Востоке.

Следовательно, к началу будущего десятилетия оснащение вооруженных сил позволит России вести успешные локальные и региональные войны по периметру ее западных и южных границ, используя стратегическое и тактическое ядерное оружие для сдерживания возможного вмешательства ведущих западных держав в такие конфликты.

При этом Россия не сможет обеспечить достаточное качественное превосходство в вооружениях над китайской армией и флотом, способное компенсировать численное превосходство Китая. Единственным средством сдерживания возможной китайской экспансии на Дальнем Востоке и Восточной Сибири останется ядерное оружие.

В целом выполнение ГПВ–2020 является для России серьезным внутривнутриполитическим вопросом, от результатов решения которого во многом будет зависеть поведение России во внешнем мире. 🗨️

Примечания

¹ Dove è buona milizia, conviene che sia buono ordine. In: Niccolò di Bernardo dei Machiavelli. *Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio*. Libra primo. Capitolo IV.

² Военно-промышленная комиссия приступает к разработке новой программы вооружения на 2016–2025 годы. ИТАР-ТАСС. 2012, 7 сентября. <http://www.itar-tass.com/c96/514630.html> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

³ План деятельности на 2013–2020 гг. Военное строительство. Оснащение современными образцами ВВСТ. Министерство обороны РФ. http://mil.ru/mod_activity_plan/constr/vvst/plan.htm (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

⁴ Государственная программа вооружения. *Красная Звезда*. 2010, 29 декабря. http://old.redstar.ru/2010/12/29_12/2_01.html (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

⁵ В марте 2011 г. тогдашний заместитель министра обороны В. Поповкин заявил: «Доля современных средств в имеющемся парке составляет около 20% по стратегическим ядерным силам и не превышает 10% по силам общего назначения». См.: В новой Государственной программе вооружения приоритет отдан высокотехнологичным образцам. *Национальная Оборона*. 2011, № 3. <http://oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2011/0314/21345724/detail.shtml> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

⁶ Заместитель министра обороны Ю. Борисов. Выступление на пресс-конференции. 2012, 26 декабря. http://stat.function.mil.ru/for_media/press_conferences/detail.html (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

⁷ «Для сравнения, в армиях ведущих зарубежных государств эта доля составляет 30–50%». См.: В новой Государственной программе вооружения приоритет отдан высокотехнологичным образцам...

⁸ О реализации планов (программ) строительства и развития Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов и модернизации оборонно-промышленного комплекса. Указ Президента РФ № 603 от 07.05.2012. <http://президент.рф/acts/15242> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

⁹ Составлено по данным: 1) Болезни роста и курс на Цусиму. *Независимое Военное Обозрение*. 2013, 14 июня. http://nvo.ng.ru/concepts/2013-06-14/1_tsusima.html (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

2) Алексей Арбатов. Противоракетная философия. Стратегические дилеммы и возможности ВКО. *Независимое Военное Обозрение*. 2013, 31 мая. http://nvo.ng.ru/concepts/2013-05-31/1_contr_rockets.html (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

3) Алексей Арбатов. Вооружаться рачительно и с умом. Как превратить ГПВ–2020 и оборонку в двигатель российской экономики. *Военно-Промышленный Курьер*. 2013, 10 апреля. <http://vpk-news.ru/articles/15337> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

4) Примерный количественный состав ВВС РФ к 2020 году. *Военное Обозрение*. 2013, 12 марта. http://vpk.name/news/85870_primernyy_kolichestvennyy_sostav_vvs_rf_k_2020_godu.html (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

5) Михаил Барабанов. По самолетам планы грандиозные. *Военно-Промышленный Курьер*. 2013, 16 января. <http://vpk-news.ru/articles/13976> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

6) Программа вооружения РФ до 2020 г. решит проблему ПРО США — Минобороны. *РИА Новости*. 2012, 7 октября. http://ria.ru/defense_safety/20121007/768567589.html (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

7) Константин Богданов. Госпрограмма вооружений: перезагрузка. *Национальная Оборона*. 2011, № 12. <http://oborona.ru/includes/periodics/armament/2011/1212/14237820/detail.shtml> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

8) Гособоронзаказ в авиации: каким ему быть? Интервью первого заместителя Председателя Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации Иван Харченко. *Военное Обозрение*. 2013, 1 марта. <http://topwar.ru/24901-gosoboronzakaz-v-aviacii-kakim-emu-byt.html> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

9) ВМФ России в 2012 году пополнится тремя новыми подлодками. *Lenta.ru*. 2012, 19 марта. <http://lenta.ru/news/2012/03/19/three/> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

¹⁰ Александр Храмчихин. Опасность самообольщения. Тенденции военного строительства в Российской Федерации. *Новый Мир*. 2009, № 1. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/1/ (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

¹¹ Конструктор *Оки* и *Искандера* Сергей Непобедимый так описывает принятие решения о разработке *Искандера*: « [...] из конфиденциального разговора с высокопоставленным работником ЦК КПСС я знал, что проекту создания нового ОТРК на базе «Оки» противится не кто иной, как Шеварднадзе, который под разными предложениями не рассматривает и не подписывает проект постановления Политбюро ЦК КПСС по данному вопросу». Встретившись с М. Горбачевым на одном из приемов в конце 1988 г. С. Непобедимый «[...] высказал свое мнение Горбачеву», который «сказал, что примет решение в самые ближайшие дни. Через некоторое время было подготовлены и приняты соответствующие распоряжения о поручении Коломенскому конструкторскому бюро машиностроения, как главному предприятию, провести работы по созданию оперативно-тактического ракетного комплекса *Искандер*». См.: Сергей Непобедимый. Русское оружие. Из записок генерального конструктора ракетных комплексов. *Наш Современник*. 2011, № 09. <http://lib.rus.ec/b/337125> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

¹² Кузин В. П., Никольский В. И. Военно-морской флот СССР 1945–1991 гг. Историческое морское общество. СПб., 1996. С. 458.

¹³ Николай Новичков, Владимир Никольский. ВМФ России: состоится ли возрождение — часть I. *Военно-Промышленный Курьер*. 2012, 11 июля. <http://www.vpk-news.ru/articles/9036> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

¹⁴ «По неофициальным данным, президент Ельцин тогда сказал примерно следующее: «Под советскую идеологию развития флота денег не дам. Представьте новую концепцию и денег получите столько, сколько потребуется». Там же.

¹⁵ Интервью контр-адмирала Василий Ляшока, начальника Управления планирования развития ВМФ, заместителя начальника Главного штаба ВМФ. *Радио Эхо Москвы*. 2012, 13 октября. <http://www.echo.msk.ru/programs/voensovnet/939889-echo/#element-text> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

¹⁶ Так, летом 2013 г. Д. О. Рогозин в очередной раз заявил, что «новая госпрограмма может включить и строительство авианосцев для ВМФ». По словам начальника управления ракетно-артиллерийского вооружения ВМФ Апанасенко: «Если следовать заявлению президента в Северодвинске, то есть если мы ставим задачу борьбы за ресурсы, то авианосцы нам необходимы». См.: Жанна Ульянова. Авианосцы амбиций. *Газета.Ru*. 2013, 29 августа. http://www.gazeta.ru/politics/2013/07/29_a_5530417.shtml (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

¹⁷ Главком ВМФ РФ упрекнул в задержках с поставкой кораблей смежников ОСК. *РИА Новости*. 2013, 24 мая. http://ria.ru/defense_safety/20130524/939220462.html (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

¹⁸ Дмитрий Рогозин заявил об угрозе срыва программы вооружения по части судостроения. *Коммерсантъ*. 2013, 24 мая. <http://www.kommersant.ru/doc/2195935> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

¹⁹ Совещание о ходе выполнения гособоронзаказа для военно-морского флота. 2013, 29 июля. <http://www.president.kremlin.ru/news/18970> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

- ²⁰ Иван Сафронов. *Булава повела себя несерьезно. Коммерсантъ*. 2013, 9 сентября. <http://www.kommersant.ru/doc/2274784> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- ²¹ См.: 1) В Северодвинске начались испытания *Владимира Мономаха*. *Lenta.ru*. 2013, 18 января. <http://lenta.ru/news/2013/01/18/trials/> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- 2) Первая серийная АПЛ проекта *Борей* приступила к ходовым испытаниям. *Lenta.ru*. 2011, 24 октября. <http://lenta.ru/news/2011/10/24/borealis> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- 3) *Владимир Мономах* сойдет со стапеля. Севмаш. 2012, 26 декабря. <http://www.sevmash.ru/rus/index.php> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- 4) В Северодвинске заложили четвертую подлодку проекта *Борей*. *Lenta.ru*. 2012, 30 июля. <http://lenta.ru/news/2012/07/30/vladimir/> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- 5) Подлодка *Северодвинск* вышла в море на испытания. *KM.Ru*. 2011, 12 сентября. <http://www.km.ru/v-rossii/2011/09/12/ministerstvo-oborony-rf/podlodka-severodvinsk-vyshla-v-more-na-ispytaniya> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- 6) АПЛ *Казань* войдет в боевой состав ВМФ России в 2015 г. *Росстройэкспо*. 2011, 1 февраля. <http://www.rosstroyexpo.ru/news/novie/2011/02/apl-kazan-voynet-v-boeovoy-sostau-vmf-rossii-v-2015-godu.aspx> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- 7) Третья многоцелевая АПЛ проекта *885 Ясень* заложена на Севмаше. *Flotprom*. 2013, 26 июля. http://flotprom.ru/news/?ELEMENT_ID=149399 (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- ²² См.: 1) Примерный количественный состав ВВС РФ к 2020 г. *Военное Обозрение*. 2013, 12 марта. http://vpk.name/news/85870_primernyy_kolichestvennyy_sostav_vvs_rf_k_2020_godu.html (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- 2) Михаил Барабанов. По самолетам планы грандиозные. *Военно-Промышленный Курьер*. 2013, 16 января. vpk-news.ru/articles/13976 (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- 3) Андрей Фролов, Михаил Барабанов. Тысяча боевых самолетов к 2020 г. *Военно-Промышленный Курьер*. 2012, 24 октября. <http://vpk-news.ru/articles/12848> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- ²³ Михаил Барабанов. ВВС России получают пополнение. Началось давно обещанное перевооружение авиации. *Независимое Военное Обозрение*. 2012, 18 марта. http://nvo.ng.ru/armament/2011-03-18/7_vvs.html (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- ²⁴ См.: 1) Поставки новых боевых самолетов ВВС РФ впервые превысили уровень 1994 г. *Око Планеты*. 2012, 9 сентября. <http://oko-planet.su/politik/politikarm/137091-postavki-novyh-boevyh-samoletov-vvs-rf-vpervye-prevysili-uroven-1994-goda.html> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- 2) Военно-воздушные силы России — итоги 2011 г. *Информационный центр Aftershock*. 2012, 21 января. <http://aftershock.su/?q=node/603> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- ²⁵ Гособоронзаказ в авиации: каким ему быть? Интервью первого заместителя председателя Военно-промышленной комиссии при правительстве Российской Федерации Ивана Харченко. *Военное Обозрение*. 2013, 1 марта. <http://topwar.ru/24901-gosoboronzakaz-v-aviacii-kakim-emu-byt.html> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- ²⁶ Российская экономика в 2012 г.: тенденции и перспективы. Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара. М., 2013. С. 609.
- ²⁷ Михаил Погосян. Перспективы отечественного самолетостроения. *Радио Эхо Москвы*. 2013, 5 августа. <http://www.echo.msk.ru/programs/arsenal/1129376-echo/#element-text> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- ²⁸ Минобороны РФ отложило подписание контракта на покупку *МиГ-35*. *Lenta.Ru*. 2013, 17 августа. <http://lenta.ru/news/2013/08/17/postpond> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).
- ²⁹ *Изделие 129* для ПАК ФА создадут раньше срока. *Lenta.Ru*. 2011, 13 апреля. <http://lenta.ru/news/2011/04/13/pakfa/> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

³⁰ См.: 1) New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms. Fact Sheet. Bureau of Arms Control, Verification and Compliance. U. S. Department of State. 2011, 25 October. <http://www.state.gov/t/avc/rls/176096.htm> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms. Fact Sheet. Bureau of Arms Control, Verification and Compliance. U. S. Department of State. 2013, 1 July 1. <http://www.state.gov/t/avc/rls/211454.htm> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

³¹ См., например: Ракетные войска стратегического назначения. Стратегическое ядерное вооружение России. 2013, 06 февраля. <http://russianforces.org/rus/missiles/> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

³² См.: Стратегическая авиация. Стратегическое ядерное вооружение России. 2012, 15 ноября. <http://russianforces.org/rus/aviation/> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

³³ См.: 1) Основой воздушно-космической обороны России станет ЗРС С-400. Оружие России. <http://www.arms-expo.ru/049057054048124054054056049.html> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

2) SA-21 GROWLER/S400 Triumph Long Range TABM/SAM. WARFARE.BE: Russian military analysis. <http://warfare.be/db/catid/264/linkid/1699/> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

³⁴ Проблемная ракета для С-400 прошла испытания. Ведомости. 2012, 28 июня. http://www.vedomosti.ru/tech/news/2227509/dalnyaya_raketa_dlya_s400_proshla_ispytaniya#ixzz2eTXmDJJj (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

³⁵ Константин Ремчуков. Феномен Навального и экономико-политические вызовы Владимиру Путину. Независимая Газета. 2013, 31 июля. <http://www.ng.ru/politics/2013-07-31/1-moment.html> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

³⁶ М. Барабанов. Контрактная армия важнее контрактов на закупку техники. Ведомости. 2013, 26 февраля.

³⁷ Алексей Арбатов, Владимир Дворкин. Новая военная реформа России. Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. 2011, № 2. С. 40.

³⁸ «У нас в государстве, — вспоминал бывший заместитель заведующего Оборонным отделом ЦК КПСС Виталий Катаев, — издавна существовал такой перекокс: вся военная политика находилась практически в руках военных, и мнение военных было императивом в военной политике». Интервью с заместителем руководителя Отдела по вопросам обороны и безопасности государства при Президенте СССР в 1990–1991 гг. В.Л. Катаевым. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. М.: Весь мир, 2010. С. 306.

³⁹ Игорь Караваев. Основные итоги реализации государственной политики в ОПК России в 2012 г. и задачи на ближайшую перспективу: Федеральный справочник. Оборонно-промышленный комплекс России. 2013, Т. 9. С. 205.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 206.

⁴² Виктор Литовкин. Узкое место гособоронзаказа. Независимая Газета. 2012, 3 февраля. http://www.ng.ru/realty/2012-02-03/1_gosoboronzakaz.html (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

⁴³ Валерий Герасимов. Актуальные проблемы и основные направления оснащения вооруженных сил Российской Федерации вооружением и военной техникой в современных условиях: Федеральный справочник. Оборонно-промышленный комплекс России. 2013, Т. 9. С. 93.

⁴⁴ Анатолий Гуляев. Научно-технические и производственно-технологические возможности ОПК по развитию системы вооружения РФ: Федеральный справочник. Оборонно-промышленный комплекс России. 2013, Т. 9. С. 342.

⁴⁵ Доклад о состоянии законодательства, регулирующего деятельность оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. Экспертный совет по проблемам законодательного обеспечения развития оборонно-промышленного комплекса при председателе

Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Совет Федерации РФ. М., 2012. С. 10.

⁴⁶ Виктор Литовкин. Узкое место гособоронзаказа. *Независимая газета*...

⁴⁷ Александр Якунин. Отечественная микроэлектроника — современное состояние и перспективы развития: Федеральный справочник. Оборонно-промышленный комплекс России. 2013, Т. 9. С. 222, 225.

⁴⁸ Доклад о состоянии законодательства, регулирующего деятельность оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. Аналитическое управление аппарата Совета Федерации РФ. Совет Федерации РФ. М., 2010. С. 57.

⁴⁹ Там же. С. 19.

⁵⁰ Юрий Борисов. Роль научно-технического задела в инновационных процессах создания перспективного вооружения: проблемы и пути решения: Федеральный справочник. Оборонно-промышленный комплекс России. 2013, Т. 9. С. 99.

⁵¹ Илья Крамник. Дорогостоящая экономия на будущем. *Военно-Промышленный Курьер*. 2010, 16–22 июня. http://vpk-news.ru/sites/default/files/pdf/issue_339.pdf (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

⁵² Кудрин предложил сократить расходы Минобороны. *Newsland*. 2010, 25 мая. <http://newsland.com/news/detail/id/707065/> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

⁵³ Это подтверждается высказываниями самого Медведева. Так, выступая 27 сентября 2011 г., он заявил, что «Мы не можем обойтись без расходов на оборону, причем расходов, достойных Российской Федерации. Не какой-то там банановой республики, а именно Российской Федерации — очень крупной страны, постоянного члена Совета Безопасности, обладающей ядерным оружием. Поэтому у нас, как это может быть ни печально для бюджета, всегда будут очень высокими расходы на поддержание обороны и безопасности». См.: Медведев на учениях добил Кудрина и сочувствующих: кто не согласен с расходами на оборону — ищите другую работу. *NEWSru.com*. 2011, 27 августа. http://www.newsru.com/russia/27_sep2011/medvedev_uchenia.html (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

⁵⁴ Расходы на национальную оборону в 2012 г. составят 1 трлн 853 млрд рублей. *ИТАР-ТАСС*. 2012, 21 февраля. <http://www.itar-tass.com/c9/348442.html> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

⁵⁵ Российская экономика в 2012 г.: тенденции и перспективы... С. 620.

⁵⁶ Доклад о состоянии законодательства, регулирующего деятельность оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации... С. 11.

⁵⁷ Там же. С. 9.

⁵⁸ Там же. С. 18.

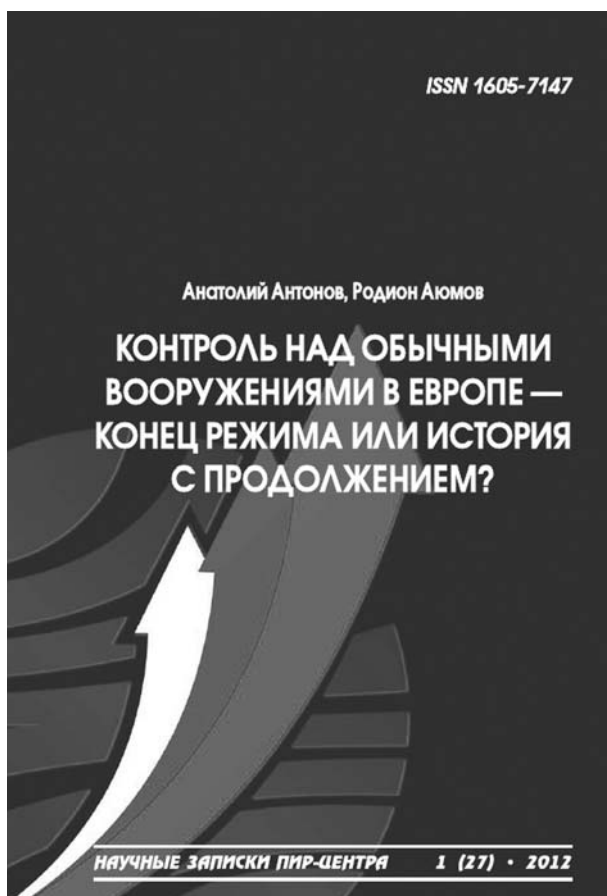
⁵⁹ Петр Нетреба. Режим чрезвычайного сокращения. *Коммерсантъ*. 2013, 12 сентября. <http://www.kommersant.ru/doc/2276810> (последнее посещение — 11 октября 2013 г.).

Э
И
Л
А
Н
А

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ ПИР-ЦЕНТРА

- Нужен ли России режим контроля над обычными вооружениями в Европе?
- А если нужен, то в каком виде?
- Что мешает достижению консенсуса на континенте?

«Знакомство с представленной работой, авторы которой непосредственно, на высоком уровне вовлечены в процесс поиска выхода из сложившейся ситуации с контролем над обычными вооружениями в Европе, несомненно, поможет читателям понять всю сложность и неоднозначность данного вопроса для России»

*Евгений Бужинский, генерал-лейтенант (запаса)
Старший вице-президент ПИР-Центра*

Евгений Корендясов

БИТВА ЗА УРАН В САХАРЕ И САХЕЛЕ

В последние годы геополитическая и геоэкономическая роль Сахаро-Сахельского региона¹ резко возросла. Он служит *подбрюшьем* Северной Африки — важного центра мировой политики, граничит с Западной Африкой, влияние которой и в Африке, и в мире увеличивается. Особую значимость Сахаро-Сахельскому региону придает его насыщенность стратегическими сырьевыми ресурсами: углеводородами и ураном. Сегодня в этом регионе пересекаются экономические и политические интересы США, Франции, Европейского Союза и Китая.

Битвы за ресурсы стали ведущим фактором постколониальной истории африканских стран. Почти все внутренние и межгосударственные конфликты на просторах независимой Африки были связаны с борьбой за обладание сырьевыми богатствами: за нефть — в Анголе, Экваториальной Гвинее, Кот д'Ивуаре, Судане, Республике Конго и др.; за алмазы — в Анголе, Гвинее, Либерии, Демократической Республике Конго, Сьерра-Леоне, за драгоценные металлы, воду, уран — в ЮАР, Намибии, Нигере, Мали, Судане, Египте и т. д.

На рубеже XX–XXI веков в фокусе внимания зарубежных инвесторов оказались открытые и прогнозируемые месторождения минерального и углеводородного сырья сахельских стран, в частности золота (прогнозные запасы — 800 т), бокситов (1,2 млрд т), марганца (100 млн т), фосфатов (20 млн т). Мали занимает третье место в Африке по добыче золота, Нигер третье-четвертое место в мировом производстве урана².

АФРИКАНСКИЙ УРАН НА МИРОВЫХ РЫНКАХ

В 2000-х гг. атомная энергетика обрела *второе дыхание*. Память о последствиях Чернобыльской катастрофы стала стираться. Взлет цен на углеводороды подстегнул интерес к мирному атому. Производство урана в мире выросло с 44 тыс. т в 2008 г. до 57 тыс. т в 2011 г.³ и до 58,34 тыс. т в 2012 г.⁴. Тем не менее производство урана отстает от спроса (68 тыс. т) на 8–10 тыс. т⁵, причем прогнозируется увеличение спроса на уран до 78 тыс. т в 2020 г. и до 86 тыс. т в 2025 г.⁶. При этом в 2000–2013 гг. цены на уран поднялись в несколько раз — с 7 до 43 долл. за фунт. При этом пик роста цен составлял в 99 долл. в 2007 г., а накануне аварии на японской АЭС *Фукусима* цена достигала 73 долл.⁷. И в дальнейшем следует ожидать роста цены урана.

Так, в мире возобновилось строительство АЭС, и можно говорить о преодолении *синдрома Фукусимы*. Сегодня функционирует 440 коммерческих реакторов, 67 строятся, а около 1000 проектов находится в стадии рассмотрения. В одном только Китае запланировано строительство 24–30 реакторов⁸. В этих условиях

А
Н
А
Л
И
З

и возникла новая волна жестких конкурентных схваток на урановом рынке, захватившая Африканский континент.

Впервые урановый потенциал Африки был осознан еще в начале 1940-х гг., когда американцы бросились на поиски сотен килограмм урана, необходимых для изготовления первой атомной бомбы, и получили их из Катанги в бывшем бельгийском Конго. В недрах африканских стран скрываются внушительные запасы уранового сырья. Всего оно обнаружено в 35 государствах континента: Алжире, Анголе, Ботсване, Буркина-Фасо, Бурунди, Габоне, Гамбии, Гане, Гвинее, Демократической Республике Конго, Египте, Замбии, Зимбабве, Камеруне, Ливии, Мадагаскаре, Мавритании, Малави, Мали, Марокко, Мозамбике, Намибии, Нигере, Нигерии, Республике Конго, Сенегале, Сомали, Судане, Сьерра-Леоне, Танзании, Того, Уганде, ЦАР, Чаде, ЮАР. Подтвержденные запасы составляют 18–20% мировых, а прогнозные — 14–15%⁹.

Эти цифры не отражают реального положения вещей, поскольку количество проведенных геологических исследований остается низким. Расходы на геологоразведочные работы на уран до 2004 г. составили 700 млн долл., а за 2004–2010 гг. — до 1,4 млрд долл.¹⁰. При этом основные запасы урана концентрируются в Мали, Нигере, Намибии, ЮАР. Всего же на долю стран Африки приходится 16–18% мирового производства урана.

Подлинной урановой жемчужиной Африки, бесспорно, является Республика Нигер. Она занимает 4–5-е место в мире по доказанным запасам — 445 тыс. т урана (8% мировых) и 4 место по объему его производства (4350 т) после Казахстана, Австралии и Канады¹¹. В связи с намечающимся вводом в эксплуатацию новых месторождений в ближайшие годы ожидается рост уранового производства в 2–3 раза¹².

ФРАНЦИЯ НА СТРАЖЕ СВОИХ УРАНОВЫХ ИНТЕРЕСОВ

В ночь с 10 на 11 января 2013 г. Франция начала военную операцию *Сервал* в Мали в ответ на захват значительной части территории этого государства сначала туарегами, а затем радикальными исламистами, вступившими с туарегами в конфликт. Однако ничего экстраординарного для африканской политики Парижа в этом шаге нет, напротив, у французов имеется солидный опыт ограниченного силового вмешательства в те *горячие точки* на континенте, где у них есть серьезные интересы. Так, в Чаде в 1998 г. была проведена операция *Эпервье*, в Кот-д'Ивуаре в 2011 г. проведена операция *Ликорн*, в том же году Франция осуществила операцию *Харматтан* в Ливии.

Официальные представители заявили, что целью акции является «борьба против терроризма, исламистско-джихадских группировок». Специально подчеркивалось, что у Франции «нет материальных интересов» в Мали. Однако на деле в этой стране располагаются 50 филиалов французских компаний с общим числом занятых в 2000 человек, да и в соседних с Мали государствах французские компании, в том числе флагман атомной промышленности *Areva*, тоже присутствуют¹³.

Реальный интерес Франции, конечно, заключается в том, что Сахара всегда занимала особое положение в ее африканской политике, а когда возникла угроза ослабления позиций Парижа в Мали перед лицом Соединенных Штатов, Китая и Ирана¹⁴, военное вмешательство стало практически predetermined.

Еще в 1957 г., учитывая насыщенность этой области минерально-сырьевыми ресурсами, была предпринята попытка создать автономное административно-территориальное образование — *Общую организацию сахарских районов*, простиравшихся от Алжира до Чада и включавшую нигерские и малийские земли. Когда этот маневр не удался, французы навязали своим бывшим колониям соглашения об обороне, в соответствии с которыми африканцы предоставляли бывшей метрополии приоритетные права на разведку и эксплуатацию полезных ископаемых.

Так, в соответствии с соглашением, подписанным 24 апреля 1961 г., стороны брали на себя обязательство сотрудничать в области стратегических ресурсов. К первой категории таковых были отнесены жидкие углеводороды и газ, ко второй — уран, торий, литий, бериллий. Африканцы обязывались согласовывать свою политику в области использования месторождений этих минералов и предоставлять приоритет в разработке и реализации их Французской Республике после удовлетворения своих внутренних потребностей. Заложенный еще в те годы политический подход сохраняет свою актуальность для Парижа и сегодня¹⁵. Его суть в том, что африканцы не могут предпринимать какие-либо шаги в области добычи нефти, газа, урана без согласия бывшей метрополии.

В рамках оборонительных соглашений Франция создала в регионе сеть действующих до настоящего времени военных баз: в Дакаре (400 чел.), Чаде (950 чел.), в Кот-д'Ивуаре (450 чел.). Кроме того, в последние годы подразделения командования специальных операций были направлены в Нигер, Буркина-Фасо и Мавританию¹⁶.

Особое значение в этом контексте имеет нигерийский уран — ключевой компонент французской энергетической стратегии, нацеленной на стратегическое сохранение энергетической независимости. Она стала составной частью политического курса Франции еще во времена президентства Шарля де Голля, добивавшегося дистанцирования от США и усиления независимой роли Франции на международной арене.

Именно по инициативе де Голля были расширены работы в области ядерной энергетики, установлена государственная монополия в сфере создания и использования национального ядерного потенциала. Он всячески содействовал созданию национальной технологической базы в атомной энергетике, основным элементом которой должны были стать реакторы на природном уране. Впоследствии его преемник Жорж Помпиду способствовал переходу Пятой Республики на водородные реакторы, а после *нефтяного шока* 1973 г. Франция стала наращивать долю атомных электростанций в своем энергобалансе, поэтому доступ к урану в отсутствие запасов угля, нефти и газа (в отличие от соседних Великобритании и Германии) окончательно стал ключевым вопросом политической стратегии¹⁷. Это тем более очевидно, если учесть, что к началу 1970-х гг. французская промышленность и население на 80% зависели от импорта энергоресурсов, причем 75% из них составляла нефть¹⁸.

Дополнительным фактором, способствовавшим жесткому французскому курсу на независимое обеспечение своих урановых потребностей, стала политика Соединенных Штатов по выстраиванию в конце 1960-х гг. сотрудничества в атомной сфере с Францией¹⁹. Она вселила во французское руководство неуверенность и желание полностью гарантировать свои экономические и политические позиции здесь в силу явного *манипулятивного* характера такой политики со стороны американцев.

Сегодня 80% вырабатываемой во Франции электроэнергии производится на АЭС, а одна треть необходимого для 58 коммерческих реакторов уранового топлива поступает из рудников Нигера²⁰. Уран в Нигере впервые был обнаружен в 1957 г., и с тех пор в стране произведено свыше 114 тыс. т уранового концентрата, в том числе открытым способом — 52 тыс. т²¹.

Большинство из 15 открытых урановых месторождений в Нигере находится в эксплуатации или на стадии освоения. Вплоть до 2007 г. единственным оператором в урановом бизнесе оставалась Франция в лице государственной корпорации *COGEMA*, ставшая с 2007 г. частью корпорации *Areva*. Добычу руды и производство уранового концентрата в Нигере эта компания осуществляет силами двух своих филиалов:

- *SOMAIR* — компания, созданная в 1968 г.²². Акционерный капитал компании распределяется в следующих пропорциях: 63,4% принадлежат *Areva* и 36,6% нигерской государственной компании *Société du patrimoine des mines du Niger*. *SOMAIR* ведет добычу урана на семи рудниках открытым

способом, добыв в 2012 г. 3065 т урана, а общие запасы оцениваются в 14 тыс. т урана;

- **COMINAK** — компания, созданная в 1974 г.²³. Ее акционерный капитал на 34% принадлежит *Areva* и на 31% правительству Нигера. Добыча ведется шахтным способом, ее объемы в 2012 г. составили 1506 т.

Эти две компании до недавнего времени осуществляли весь объем добычи, а их акционеры определяли закупочные цены продукции, по которым велись расчеты с правительством Нигера в пропорциях его участия в акционерном капитале. Однако в 2014 г. будет запущена добыча на новом, одном из крупнейших урановых месторождений в мире — Имурарен²⁴. В это месторождение было инвестировано более 1,9 млрд долл., а планируемый годовой объем производства составляет до 5 тыс. т при общих запасах в 80 тыс. т.

Компания *Areva* проводит активную линию на получение контрактов на строительство АЭС по всему миру: такие соглашения уже подписаны с Индией, Китаем и ЮАР. Обязательным пунктом таких контрактов является обязательство страны — поставщика оборудования снабжать построенные АЭС урановым топливом. В этом контексте уран из Нигера приобретает еще более важную роль в развитии французской атомной промышленности. Ставки в борьбе за этот уран, таким образом, становятся столь высоки, что ради выигрыша позволительны самые решительные действия.

Французы стремятся удержать доминирующие позиции в освоении нигерского урана, однако сохранить свою монополию на прежнем уровне и в прежних формах становится все труднее, а *покушения* на нее все более эффективны. Предотвратить появление на урановых месторождениях в Сахаре и Сахеле новых агрессивных игроков не удалось.

УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ США В САХЕЛЕ

Следует признать, что времена монопольного влияния Франции на решение политических проблем и определение экономических перспектив развития своих бывших колоний миновали или стремительно уходят. Сегодня Соединенные Штаты являются для Франции трудным, но неизбежным партнером на Африканском континенте, причем лидирующую роль в этом партнерстве все более очевидно играют американцы.

Деятельность Вашингтона в Африке существенно активизировалась в связи с углубляющимся в американском истеблишменте осознанием возрастающей роли этого континента в мировой политике и экономике. Американцы все реже смотрят на Африку как на пациента, нуждающегося в лечении, и в гораздо большей степени рассматривают его как источник экономического роста развитых стран. Здесь речь идет не только о его огромных минерально-сырьевых запасах, но и о его потенциале в качестве потребительского рынка, учитывая стремительно растущую численность африканского населения, несмотря на бедность, войны и эпидемии.

Пространство Сахары и Сахеля в самом начале 2000-х гг. попало в фокус пристального внимания американских стратегов. Их привлекают, помимо энергетических и минеральных ресурсов, возможности необходимого влияния на процессы в странах Магриба и Западной Африки, обеспечения безопасных условий транзита сырья к Средиземному морю, Гвинейскому заливу и Красному морю. Для этого, безусловно, американцам нужны прочные военные и политические позиции в ключевых районах континента²⁵. Важным организационным шагом на этом направлении стало создание в октябре 2008 г. Африканского командования США (АФРИКОМ), в задачи которого входит организация военного сотрудничества с африканскими странами и межгосударственными институтами, а также борьба с региональными угрозами.

Под эгидой АФРИКОМа реализуются программа *Транссахарское партнерство в борьбе против терроризма* (ТСПБ), проект государственного департамента *Транс-*

сахарская антитеррористическая программа (ТСАТП) и другие инициативы. В рамках этих проектов осуществляется подготовка военных кадров, поставки средств связи, военной техники и регулярно проводятся совместные военные учения.

В Бамако, Гао, Тимбукту и Атаре дислоцируются американские подразделения специального назначения²⁶, кроме того, американская администрация потратила 600 млн долл. на переподготовку армий стран Сахеля²⁷. Соединенные Штаты стремятся оставаться в числе основных архитекторов механизма предупреждения и урегулирования конфликтов как на уровне ООН, так и на уровне континента и африканских субрегиональных интеграционных группировок.

Американцы пытаются расширять свое присутствие в гуманитарной сфере сахельского региона — в основном это происходит через оказание продовольственной помощи местным жителям. В 2013 г. США выделили на эти цели свыше 220 млн долл.²⁸.

Однако сегодня также обсуждаются идеи создания некоего *Сахельского фонда свободы (Sahel Freedom Fund)*, который мог бы координировать американскую гуманитарную деятельность по нескольким направлениям²⁹. И хотя перспективы создания такого фонда в ближайшее время туманны, направление мысли вполне очевидное: обеспечение лояльности местного населения американской политической линии в регионе через гуманитарное содействие.

Что касается сахельского урана, американский интерес здесь существенно отличается от французского. Если Франции стратегически необходим доступ к урановым месторождениям в регионе, то Соединенные Штаты стремятся сдерживать стремительную экспансию Китая, арабских ортодоксальных исламских государств (действующих через радикальных исламистов)³⁰ и Ирана. И *болевыми точками* здесь являются Нигер³¹ и Мали³². К тому же действия этнических группировок³³ и исламистов³⁴ могут нарушить цепочки добычи и поставок урана основным потребителям за пределами Африки.

Таким образом, стратегическая внешнеполитическая линия Вашингтона в регионе направлена на контроль доступа к урану со стороны других игроков при сохранении существующих позиций Парижа. Важно учитывать, что американцы рассматривают урановые месторождения в Сахеле не только в контексте экономической конкуренции с указанными странами, но и в контексте общей безопасности и стабильности континента, которую ставят под угрозу экономические и стратегические интересы других игроков, а также в контексте ядерного нераспространения.

НОВЫЕ ИГРОКИ

К концу 2000-х гг. в Нигере обосновались примерно 40 крупных иностранных компаний³⁵. И хотя, безусловно, далеко не все из них имеют отношение к атомной сфере, они так или иначе являются проводниками интересов своих государств. Кроме того, в последние годы само правительство Нигера предоставило иностранцам 160 лицензий на геологоразведочные работы по урану³⁶, а наиболее серьезное беспокойство у французов вызывает деятельность Китая.

Китай. В 2007 г. китайская национальная ядерная корпорация *Sino-U* совместно с нигерским правительством создала горнодобывающую компанию *SOMINA (Société des mines d'Azelic-Somina)*, 62% капитала которой принадлежит китайским компаниям, 33% государству Нигер и 5% южнокорейскому инвестору. В декабре 2010 г. эта компания отгрузила в Китай первую партию урана в объеме 600 т. Намечается, что к 2015 г. производство урана на этом предприятии будет доведено до 2500 т³⁷.

Китайцы строят в Нигере электростанцию на базе местного каменного угля в целях переработки урановой руды, к тому же они выиграли более десятка лицензий на геологическую разведку урана. Кроме того, они создали в стране венчурную компанию с австралийской фирмой.

Подробнее с материалами по атомной энергетике Вы можете ознакомиться в разделе «Перспективы экспорта атомной отрасли России» на сайте ПИР-Центра по адресу: atom.pircenter.org

Индия. Индийская компания *Taurian Resources Pvt Ltd* получила исключительное право вести разведку урана на территории 300 км² и на освоение обнаруженных месторождений, предполагаемые запасы которых — 30 тыс. т³⁸. Компания *Earthstone Uranium FZE* получила лицензию на ведение разведочных работ на пяти участках площадью 200 км².

Россия. В 2010 г. российский Газпромбанк получил лицензию на ведение геологоразведки на уран в районе Агадес на севере Нигера. По заявлению правительства этой страны, банк намерен вложить в данный проект 5 млн долл.³⁹.

В соответствии с принятой российским правительством энергетической стратегией, Россия планирует к 2020 г. увеличить долю атомных станций в общем объеме производства электроэнергии с 16 до 20–25%. В этом случае потребности в уране вырастут с 17 тыс. т в 2010 г. до 20,5 тыс. т в 2020 г.

Между тем в самой России действует лишь одно предприятие по переработке урана (примерно на 3–3,5 тыс. т), что создает определенные трудности в обеспечении национальных потребителей урана, а добыча природного урана составляет около 20% от потребностей. Дефицит покрывается за счет складских запасов, накопленных в советское время и составляющих, по косвенным данным, свыше 100 тыс. т.⁴⁰.

Прочие игроки. Геологоразведку также ведут канадская компания *Global Atomic Fuel Corporation* с прогнозом производства урана от 385 до 769 т урана в год. Японская *Goviex Uranium Inc* совместно с *Toshiba Corporation* заканчивают разработку технико-экономического обоснования строительства предприятия по добыче урана, его пуск в эксплуатацию намечается на 2018 г. Также в Нигере развернули свою деятельность филиалы ведущих мировых горнодобывающих гигантов — *Rio Tinto* и *BHP*.

Таким образом, вторжение новых игроков на урановые месторождения Нигера создает угрозу для Франции и обостряет международную конкуренцию в регионе Сахеля. Вместе с тем стоит признать, что пока масштабы обозначенной экспансии не достигли того уровня, когда можно было бы говорить о подрыве господствующих позиций бывшей метрополии, тем более *Areva* отнюдь не собирается складывать оружие, наоборот, она увеличивает инвестиции в урановую отрасль Нигера, наращивает активы в Намибии, ЮАР и ЦАР, а также пользуется абсолютной поддержкой французского правительства, готового использовать инструменты военно-политического влияния на ситуацию в регионе в случае дальнейшего ухудшения ситуации.

КОНТРАСТУПЛЕНИЕ АФРИКАНЦЕВ

Используя сложившуюся на рубеже 1990–2000-х гг. благоприятную конъюнктуру на мировых рынках углеводородного и минерального сырья, африканские государства стали решительнее и последовательнее отстаивать свои суверенные права на природные ресурсы, требовать более справедливого раздела природной ренты в целях увеличения финансирования программ развития.

Возникающие в этой связи угрозы представляются французам едва ли не более опасными, чем деятельность корпораций из других западных стран и Восточной Азии. Так, Нигер уже добился того, чтобы не менее 30% акционерного капитала уранодобывающих компаний принадлежало национальному правительству и соответствующая часть производимой ими продукции передавалась в его распоряжение. Дочерние фирмы *Areva* передали Нигеру в 2010 г. 1160 т урана, в 2011 г. — 1300 т, в 2012 г. — 1400 т.⁴¹

Однако французы продолжают настаивать на сохранении исключительного права закупки производимой их компаниями продукции по фиксируемым ими же закупочным ценам, которые формально устанавливаются акционерами *Areva*. До недавнего времени эти цены были в 3–4 раза ниже цен на мировом спотовом рынке. В результате, по некоторым подсчетам, Нигер недополучил за 50 лет независимого существования от 14 до 20 млрд долл.

Первый президент Нигера Х. Диори в 1973 г., ссылаясь на последствия многолетней засухи в стране, потребовал от Франции установить более справедливые цены на уран. Он собирался изложить свои позиции на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Однако в июле 1974 г. в результате военного переворота президент был свергнут.

Долгие годы цены на нигерский уран удерживались французами на уровне около 43 долл. за килограмм. В 2007 г. тогдашний президент Франции Н. Саркози вынужден был уступить и согласился на повышение цен в 2 раза — до 86 долл. Президент Нигера М. Танжа попытался вновь нажать на французов и даже пробовал *заигрывать* с китайцами по вопросу добычи урана. В 2010 г. он тоже был свергнут. Однако нынешние власти Нигера продолжают давить на Париж, чтобы отстоять свои интересы. В настоящее время цены закупочные установлены на уровне примерно 150 долл. за килограмм.

Нигер активно добивается права и на самостоятельную реализацию на мировом рынке причитающейся ему доли производимого урана. Таким образом, видно, что наступление африканцев на унаследованные от колониальных времен привилегии французских партнеров в сфере доступа к природным ресурсам будет продолжаться. И не слишком рискуя, мы можем предполагать, что в западных столицах настроения *приструнить* африканских партнеров усиливаются.

ВЫВОДЫ И ПРОГНОЗ

Соперничество за контроль над урановыми ресурсами играет одну из основных ролей во внешнеполитической деятельности развитых стран Запада и Востока в регионах Сахары и Сахеля, и развернувшиеся здесь в последние два года события представляют лишь ее очередной эпизод.

Пока что можно не сомневаться, что Франция и французские компании в обмен на свою *бескорыстную помощь* в борьбе с терроризмом в Мали получают новые возможности для упрочения своих позиций.

Борьба за контроль над ресурсами представляет сложное переплетение военно-политических, этноконфессиональных и других интересов и противоречий. Ее главное направление определяется стремлением стратегически гарантировать поставки урана для нужд существующих и строящихся атомных электростанций. Проблема в том, что внешнеполитическое поведение ведущих держав вкупе с внутренней нестабильностью государств региона приводит к ослаблению, если не к урезанию суверенитета африканских государств в части распоряжения ими своими природными ресурсами, а то и к появлению квазигосударственных территориальных образований.

По сути, мы наблюдаем фактическую *балканизацию* Сахеля, интенсивность которой находится в прямой зависимости от насыщенности природными ресурсами той или иной территории внутри региона. Яркими свидетельствами этого процесса служат попытки создания *независимых* Катанги, Биафры, события в Судане, Огадене, в восточных провинциях Демократической Республики Конго.

В западных СМИ активно продвигаются тезисы об *особости* этого региона, о признании его права на особую юридически оформленную автономию. Не скрывается поддержка сепаратистских формирований туарегов. Их руководители вхожи

в штаб-квартиры политических партий и в кабинеты официальных учреждений в западных странах.

Во внешнеполитических ведомствах многих стран и международных организаций создаются специальные службы по сахеле-сахарским делам. Такие административно-мониторинговые органы созданы в ООН. В 2011 г. Европейский Союз опубликовал свою *Стратегию развития отношений со странами Сахельского региона*. Северные границы Сахеля рассматриваются Брюсселем как *новые южные границы ЕС*. На нужды развития указанных территорий выделены средства на общую сумму более 150 млн евро⁴².

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) создала специальную комиссию по делам Сахеля и Западной Африки, подчеркнув тем самым стратегическую важность региона, «где суверенитет государств существенно подорван»⁴³.

У нас недостаточно оснований предполагать, что текущий эпизод *урановой битвы* может завершиться появлением какого-либо условного *сахелестана*, но мы можем прогнозировать следующее.

Во-первых, с высокой долей вероятности будет происходить более или менее существенное сужение суверенных прав сахельских государств на разработку, использование и экспорт своих природных ресурсов.

Во-вторых, будут предприниматься серьезные попытки для усиления влияния Франции в Западной Африке и, следовательно, позиций французских горнодобывающих компаний в борьбе за сахельский уран и другие виды стратегического минерального сырья.

В-третьих, оживление сепаратистских настроений и движений на богатых сырьем территориях африканских государств продолжится.

В-четвертых, в повестке дня появится необходимость разработки международной программы (концепции, стратегии) преодоления угрозы глобального дефицита минерально-сырьевых и других природных ресурсов, а также *международного кодекса добычи*, распределения природной ренты и торговли природными ресурсами. В основу подробных документов могла бы лечь идея обеспечения стабильности развития всех мировых регионов, в частности потребностей развивающихся стран в финансировании своего экономического роста и увеличении его темпов роста.

В целом сегодня можно сказать, что сахара-сахельский кризис миновал свою пиковую отметку. Однако нет однозначного ответа на вопрос, сумеют ли страны НАТО реализовать план создания в этом регионе своего мощного форпоста, а африканские страны противостоять новым покушениям на их суверенитет. Ясно только одно: минерально-сырьевые ставки в Сахара-Сахельском регионе достаточно высоки, и мы можем утверждать, что новые схватки за уран (а следом, хоть и в меньших масштабах, за нефть, золото, железо, бокситы и т. д.) неизбежны.

Примечания

¹ В широком понимании Сахара-Сахельский регион определяется как довольно широкая полоса к югу от Сахары, простирающаяся от Атлантического океана на Западе до Красного моря на Востоке и включающая территории Мавритании, Мали, Алжира, Буркина-Фасо, Чада, Судана, Эфиопии. В узком понимании Сахельский (или Сахара-Сахельский) регион включает Мавританию, Мали, юг Алжира, северную территорию Буркина-Фасо, Нигера и Чада. Эта дефиниция официально принята Европейским союзом. Именно этого определения придерживается втор статья, причем, термины *Сахельский* и *Сахара-Сахельский регион* используется как синонимы (если нет оговорок).

² 1) Mines d'uranium: «la France n'a pas intérêt à ce que le conflit malien s'étende au Niger». *Le Monde*. 2013, 30 Janvier. http://www.lemonde.fr/afrique/article/2013/01/30/mines-d-uranium-la-france-n-a-pas-interet-a-ce-que-le-conflit-malien-s-etende-au-niger_1825026_3212.html (последнее посещение — 8 октября 2013 г.). 2) Une guerre au Mali et de l'uranium au Niger: des islamistes très utiles au pouvoir français. Observatoire du nucléaire — Communiqué du lundi.

2013, 14 janvier. <http://observ.nucleaire.free.fr/guerre-mali-uranium-niger.htm> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

³ Uranium 2011: Resources, Production and Demand. Faint Report by the Nuclear Energy Agency and the International Atomic Energy Agency. — Red Book.

⁴ Uranium Markets. World Nuclear Association. 2013, June. <http://www.world-nuclear.org/info/Nuclear-Fuel-Cycle/Uranium-Resources/Uranium-Markets/#.UJLEoINSPGg> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

⁵ Uranium 2011: Resources, Production and Demand. A Joint Report by the OECD Nuclear Energy Agency and the International Atomic Energy Agency. OECD, Paris, 2012. P. 59.

⁶ Ibid. P. 99.

⁷ Мировой рынок урана в начале 2013 г. *Металлургический Бюллетень*. 2013, 26 февраля. <http://www.metabulletin.ru/publications/3973/> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

⁸ Uranium 2011: Resources, Production and Demand... P. 84.

⁹ Ibid. P. 15.

¹⁰ Ibid. P. 42.

¹¹ World Uranium Mining Production. World Nuclear Association. 2013, June. <http://www.world-nuclear.org/info/Nuclear-Fuel-Cycle/Mining-of-Uranium/World-Uranium-Mining-Production/#.UJLPFFNSPGg> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

¹² Uranium Mining and Milling. WISE Uranium Project. <http://www.wise-uranium.org/indexu.html> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

¹³ La France a-t-elle un intérêt économique à intervenir au Mali? *L'Express*. 2013, 15 janvier. http://lexpansion.lexpress.fr/economie/la-france-a-t-elle-un-interet-economique-a-intervenir-au-mali_368659.html?xtmc=Mali&xtcr=2 (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

¹⁴ Василий Филиппов. Путч в Мали: причины и последствия. Российский совет по международным делам. 2012, 05 июня. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=453#top (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

¹⁵ Sarkozy, Kadhafi, l'uranium et le Niger. *Agora Vox*. 2007, 6 aout. <http://www.agoravox.fr/actualites/international/article/sarkozy-kadhafi-l-uranium-et-le-27610> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

¹⁶ Rapport d'information de l'Assemblée Nationale sur la situation sécuritaire dans les pays de la zone sahélienne. 6 mars 2012. <http://www.assemblee-nationale.fr/13/rap-info/1443/.asp.r.p.69-72/> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

¹⁷ The National Center for Scientific Research — Nuclear Energy. http://www.cnrs.fr/cw/dossiers/dosnucleaireE/contenu/alternative/alter_etape2.html (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

¹⁸ Julien Teil. L'uranium nigérien: Au croisement des affrontements stratégiques. Centre de recherche sur la mondialisation. 2013, 17 janvier. <http://www.mondialisation.ca/luranium-nigerien-au-croisement-des-affrontements-strategiques/5319365> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

¹⁹ William Burr. U. S. Secret Assistance to the French Nuclear Program, 1969–1975: From «Fourth Country» to Strategic Partner. Wilson Center. <http://www.wilsoncenter.org/publication/us-secret-assistance-to-the-french-nuclear-program-1969-1975-fourth-country-to-strategic> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

²⁰ Areva's Facilities in Niger. Areva in Niger. <http://niger.areva.com/EN/niger-198/areva-s-facilities-in-niger-cominak-somar-imouraren.html> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

²¹ Uranium 2011: Resources, Production and Demand. A Joint Report by the OECD Nuclear Energy Agency and the International Atomic Energy Agency. P. 63.

²² SOMAIR. Areva in Niger. http://niger.areva.com/niger/liblocal/docs/SOMAIR_VA.pdf (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

²³ COMINAK. Areva in Niger. http://niger.areva.com/niger/liblocal/docs/COMINAK_VA.pdf (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

А
Н
А
Л
И
З

- ²⁴ The Imouraren Project. Areva in Niger. http://niger.areva.com/niger/liblocal/docs/Projet_IMOURAREN_VA.pdf (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).
- ²⁵ См.: Richard Joseph, Mwangi S. Kimenyi. President Obama's Africa Policy: Just Right or Not Enough? The Chicago Council on Global Affairs. 2012–2013. http://www.thechicagocouncil.org/files/Event/FY13/02_February_13/President_Obama_s_Africa_Policy__Just_Right_or_Not_Enough_.aspx (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).
- ²⁶ Cartographie du rôle des puissances étrangères en Afrique de l'Ouest et au Sahel. *Realpolitik.tv*. 2010, 27 juillet. <http://www.realpolitik.tv/2010/07/cartographie-du-role-des-puissances-etrangees-en-afrique-de-louest-et-au-sahel/> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).
- ²⁷ Leon Panetta Says U.S. Has Pledged to Help France in Mali. *The New York Times*. 2013, 14 January. http://www.nytimes.com/2013/01/15/world/africa/leon-panetta-says-us-has-pledged-to-help-france-in-mali.html?_r=0 (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).
- ²⁸ Sahel — Food Insecurity and Complex Emergency. USAID. 2013, August 30. http://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1866/sahel_08302013.pdf (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).
- ²⁹ West Africa: Call for U.S. to Back 'Sahel Freedom Fund'. *allAfrica.com*. 2013, 27 June. <http://allafrica.com/stories/201306271626.html> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).
- ³⁰ Lakhdar Ghettas. The New Gold Rush in the Sub-Saharan Sahel. *Ideas Today*. London School of Economics. 2010, April. http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/ideasToday/03_GoldRush.pdf (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).
- ³¹ Peter Tinti. As Security Focus on Niger Grows, U.S.-France Tensions Brew: Part I. *World Politics Review*. 2013, 09 September. <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/13201/as-security-focus-on-niger-grows-u-s-france-tensions-brew-part-i> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).
- ³² L. Signe, A. Neill. Supporting Security and Economic Development in the Sahel. *Atlantic-Community.Org*. 2013, 14 March. <http://www.atlantic-community.org/-/supporting-security-and-economic-development-in-the-sahel> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).
- ³³ Security in the Sahel: Regional Initiatives in Pursuit of Long-Term Stability. *Atlantic-Community.Org*. 2013, 09 April. <http://www.atlantic-community.org/-/security-in-the-sahel-regional-initiatives-in-pursuit-of-long-term-stability> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).
- ³⁴ Yahia H. Zoubir. The United States and Maghreb–Sahel security. The Chatham House. 2009. http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/International%20Affairs/2009/85_5zoubir.pdf (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).
- ³⁵ New Uranium Mining Projects — Niger. The WISE Uranium Project. <http://www.wise-uranium.org/upne.html> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).
- ³⁶ Uranium 2011: Resources, Production and Demand. A Joint Report by the OECD Nuclear Energy Agency and the International Atomic Energy Agency. P. 337.
- ³⁷ New Uranium Mining Projects — Niger. The WISE Uranium Project.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Uranium 2011: Resources, Production and Demand. A Joint Report by the OECD Nuclear Energy Agency and the International Atomic Energy Agency. P. 338.
- ⁴⁰ Запасы урана в России существенно превышают 1 млн тонн. Кириенко. *Новости ВПК*. 2007, 25 октября. http://vpk.name/news/10944_zapasyi_urana_v_rossii_sushestvenno_prevyishayut_1 mln_tonn_kirienko.html (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).
- ⁴¹ Niger in Talks With Areva for Uranium Mines to Give More Funds. *Bloomberg*. 2013, 05 February. <http://www.bloomberg.com/news/2013-02-05/niger-in-talks-with-areva-for-uranium-mines-to-give-more-funds.html> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).
- ⁴² DGPE de l'UE. Une stratégie cohérente de l'UE pour le Sahel. Mai 2012. PE 433.778.
- ⁴³ Crise au Mali: Faire des affaires au Sahel. *Afrique Expansion*. 2013, 23 janvier. <http://www.afriqueexpansion.com/crise-au-mali/7022-crise-au-mali-faire-des-affaires-au-sahel.html> (последнее посещение — 8 октября 2013 г.).

Дмитрий Мосяков

НА ГРАНИ ФОЛА: ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

Конфликт в Южно-Китайском море, о котором еще несколько лет знали лишь те, кто интересовался международной политикой на Востоке, сегодня буквально на наших глазах превращается в конфликт глобальный, от исхода которого зависит не только стабильность в Юго-Восточной Азии и в Азии в целом, но и во всем мире. Можно выделить несколько основных причин такой трансформации: это и очевидная неспособность стран-участников конфликта найти взаимоприемлемый компромисс, и растущее ожесточение их отношений в условиях, когда ни одна из сторон не идет ни на какие уступки.

УЧАСТНИКИ И ПРИТЯЗАНИЯ

Первоначально этот конфликт начинался как вялотекущее противостояние, в котором главную роль играли вьетнамо-китайские противоречия относительно принадлежности островов Парасельских и Спратли, расположенных в Южно-Китайском море. Постепенно этот конфликт обострялся, по мере того как выяснялось, что под водой находятся значительные запасы нефти и газа.

По мере роста возможностей флота Китай все более расширял свои претензии и в конечном счете в 2009 г. объявил примерно 80% всей акватории Южно-Китайского моря своей суверенной территорией. Это решение резко обострило конфликт; против китайской экспансии выступили Вьетнам, Филиппины, которые аналогично событиям вокруг рифа Мисчиф в 1995 г. обнаружили китайские суда буквально в километрах от своего побережья, Малайзия и даже Индонезия, твердо заявившая о своих правах на острова Натуна, ограничив китайскую экспансию с запада.

Углубление противоречий между всеми сторонами конфликта в Южно-Китайском море происходит параллельно с постоянным ростом цены вопроса для всех его участников. И дело даже не в том, что многочисленные исследования ученых-геологов говорят о наличии под морским дном все новых и новых месторождений нефти и газа, способных на годы вперед обеспечить процветание своим хозяевам. На первый план сейчас выдвигаются обстоятельства иного порядка.

Китайское правительство объявило с 1 января 2013 г. о праве полиции провинции Хайнань «высаживаться, осматривать и брать под свой контроль иностранные суда, которые *незаконно*, по мнению китайских властей, вошли в китайские воды

А
Н
А
Л
И
З

Южно-Китайского моря»¹. Тем самым было создано новое поле противостояния, цена которого может быть даже выше цены нефти и газа.

Через акваторию Южно-Китайского моря проходят ключевые морские торговые пути, ежегодный оборот которых, по словам главы Тихоокеанского командования США адмирала Вилларда, «составляет 5 трлн долл., в том числе 1,2 трлн за счет торговли с США»². То государство, которое приобретает контроль над этими путями, автоматически получает возможность влиять на глобальные экономические и политические процессы, не говоря уже о том, что сможет диктовать выгодные для себя условия странам Юго-Восточной Азии.

Как и следовало ожидать, данное решение властей КНР встретило жесткую критику в Юго-Восточной Азии³. В свою очередь, оправдывая это решение, МИД КНР попытался подать события так, как будто ничего серьезного не произошло и на свободе мореплавания это решение не отразится⁴. Однако до обнародования новых китайских правил свобода мореплавания в Южно-Китайском море подразумевалась сама собой, теперь же получилось, что эта свобода зависит уже от доброй воли властей Китая.

Но есть и еще одна причина обострения в Южно-Китайском море: между спорящими сторонами полным ходом идет настоящая гонка вооружений. В этой гонке также участвует большинство стран Юго-Восточной Азии и даже США, которые объявили о *возвращении в регион* и последовательно увеличивают свои военные возможности в АТР. По расчетам эксперта Центра анализа стратегий и технологий С. Денисенцева, «на страны АТР приходится примерно треть мирового импорта вооружений, здесь находится половина из 10 крупнейших мировых стран — импортеров оружия. Объем поставок вооружений в страны АТР в 2007–2011 гг. вырос по сравнению с 2002–2006 гг. на 21,5% — с 62,2 до 75,6 млрд долл.»⁵. Нарастание арсенала современных вооружений буквально *разгоняет* противоречия, усиливая реально существующее недоверие между соседями.

С гонкой вооружений тесно связан и феномен меняющейся роли Китая, могущество которого неуклонно возрастает и параллельно с этим увеличиваются и его внешнеполитические амбиции. В августе 2010 г. в акватории Южно-Китайского моря прошли масштабные учения китайских военно-морских и военно-воздушных сил, включавшие запуск управляемых противокорабельных ракет и систем противовоздушной обороны. По их итогам контр-адмирал Чжан Хуачэнь заявил, что китайская стратегия на море меняется, «мы переходим от береговой обороны к обороне в открытом море»⁶. В ноябре 2010 г. последовали очередные военные тренировки китайских моряков в Южно-Китайском море. На этот раз репетировались амфибийные операции — сценарии высадки подразделений с моря на берег, в которых приняло участие, по меньшей мере, 100 китайских кораблей.

Проводя откровенно пугающие своих соседей военные маневры, Китай продолжает активнее всех других сторон территориального спора наращивать свою военно-морскую составляющую в Южно-Китайском море — на только что построенной базе ВМС на острове Хайнань вблизи города Санья, по сообщению японского информационного агентства *Киодо*, размещены новейшие ударные атомные подлодки класса *Шан*⁷.

Нарастание военного потенциала КНР, особенно флота и десантных частей, оказалось настолько значительным, что среди региональных аналитиков стало складываться убеждение: «В перспективе Пекин уготовил Южно-Китайскому морю с его морскими путями, протянувшимися до Малаккского пролива, ту же судьбу, что постигла Тибет [...] и что китайские приготовления в АТР могут заткнуть за пояс нынешнее американское влияние»⁸.

На основе растущей военной мощи все более очевидным становится и то, что Китай не просто хочет контролировать примерно 80% акватории Южно-Китайского

моря, как он указал в известном письме в ООН в 2009 г., но и вообще не скрывает желания экономически и политически доминировать в регионе Юго-Восточной Азии.

Явные амбиции Китая вынуждают некоторые страны ЮВА, в первую очередь Филиппины и в меньшей степени Вьетнам, обращаться к США в поисках поддержки и средств сохранения баланса. Втягивание Вашингтона в этот конфликт не только ведет к его еще большему обострению, но и резко расширяет его масштабы, ставя на уровень наиболее острых американско-китайских противоречий, которые давно уже приобрели глобальный характер.

Для того чтобы лучше понимать историю событий в Южно-Китайском море и современное положение в его акватории, следует хотя бы в общих чертах представить вокруг чего собственно и происходит *большая игра*, чреватая самыми серьезными последствиями.

С точки зрения физической географии, Южно-Китайское море является одним из полузамкнутых морей бассейна Тихого океана, омывающих берега Китая и ряда стран Юго-Восточной Азии, — оно частично окружено материком и отделено от океана островами. Согласно данным международных океанографических экспедиций с участием ученых Китая, Франции, Германии, в начале 1990-х гг. средняя глубина вод этого моря составляла 1140 м, но наибольшее значение в юго-западной части Манильского разлома достигает 5337 м. Из 3500 млн кв. км общей площади моря на континентальный шельф приходится 48% акватории (1 680 000 км²), на донные склоны — 36% (1 260 000 км²) и 16% (550 000 км²) — на подводные пропасти средней глубиной в 4000 м.

Рисунок 1. Карта Южно-Китайского моря. Территориальные споры⁹

Парасельский архипелаг расположен между 15°46' и 16°8' с.ш. и между 111°11' и 112°54' в.д. Китайцы называют его Сиша, вьетнамцы — Хоангша (по имени одного из островов). Архипелаг протянулся с запада на восток на 180 км, с севера на юг — на 170 км и состоит из 15 островов общей площадью 3 км², но вместе с рифами и отмелями общая площадь его суши может увеличиваться почти до 10 км². Эти островные образования разбросаны на акватории в 15 тысяч км². Парасельские острова делятся на две группы — Амфитрит и Круассан (вьетнамские названия соответственно Анвинь и Льюйльем). В восточную группу Амфитрит входят наиболее крупные острова архипелага — Линкольн площадью около 2 км² и Буазе (Вуди-Айленд) площадью 1,85 км², а также ряд мелких островов, рифов и отмелей. Вблизи острова Линкольн проходит основная судоходная трасса, связывающая Тихий океан с Индийским. Группа Круассан находится на западе архипелага, довольно далеко от группы Амфитрит. Крупнейший остров — Патль, вьетнамцы называют его Хоангша.

Геологически Парасельские острова являются конечной частью континентального шельфа, который подводными террасами продолжает вьетнамские Кордильеры от Клауд-пасс между городами Хюе и Данангом. Вследствие этого на западе архипелага глубины не превышают 1400 м, в то время как на востоке они доходят до 5000 и даже более метров. Это открытие было сделано по результатам научного обследования островов в 1926 г. Оно служит важным основанием для выдвижения вьетнамцами своих претензий на Парасельские острова.

Архипелаг Спратли (по-китайски Наньша, по-вьетнамски Чыонгша) расположен почти в 500 км южнее Парасельского — между 4° и 11°30' с.ш. и между 109°30' и 117°50' в.д. Он занимает 160–180 тысяч км² акватории Южно-Китайского моря. Однако общая площадь суши оценивается примерно в 5 км², а включая временно появляющиеся над поверхностью моря островные образования — 10 км², т.е. по территории суши Спратли примерно равен Парасельскому.

В состав архипелага входят более 100 островов, рифов, скал и отмелей, разбросанных по огромной дуге длиной свыше 1 тысячи км по южной кромке Южно-Китайского моря. Многие из них появляются над водой только во время отливов. Тогда их общее число увеличивается до 400.

В иной ситуации столкновения вокруг этих крохотных островков и рифов, а то и просто камней, выступающих в момент отлива из-под воды, газеты печатали бы в рубрике курьезов. И если бы участники готовы были бы к взаимоприемлемому компромиссу, вполне вероятно, что все эти неразделенные рифы, скалы отмели и крохотные острова уже давно можно было поделить, и мир бы забыл об их существовании. Но искомого компромисса не наблюдается, и до сих пор *большая игра* в Южно-Китайском море идет по формуле *все или ничего*, когда ни одна из конфликтующих сторон, прежде всего Китай, не готова хоть в чем-то поступиться из своих требований и притязаний.

ИСТОКИ КОНФЛИКТА

В 1950-е гг. конфликт в Южно-Китайском море развивался главным образом как противостояние Китая и Вьетнама и охватывал по большей части акватории вокруг Парасельских островов. В 1956 г. войска коммунистического Китая высадились на пустынных островах на группе островов Амфитрит. На группе островов Круассан вместо покинувших Индокитай французов расположились войска южновьетнамского режима, возглавляемого Нго Динь Зиемом.

В феврале 1959 г. китайцы безуспешно пытались утвердиться на этих островах. Тогда пять китайских рыболовных судов высадили на них больше 80 *рыбаков*, которые немедленно из привезенных стройматериалов стали возводить различные сооружения, чтобы создать впечатление фактической хозяйственной освоенности и занятости островов. По завершении работ над островом Дрюмон на высоком шесте был поднят флаг КНР.

Такие действия привлекли внимание южновьетнамских пограничников, которые немедленно арестовали китайские суда и их экипажи за нарушение вьетнамского суверенитета. В начале марта 1959 г. сайгонские власти освободили задержанных, но те повторили действия на острове Дрюмон, за что были снова выдворены за пределы территориальных вод Вьетнама. В заявлении МИД КНР от 5 апреля 1959 г. задержание и арест китайских рыбаков было расценено как незаконное вторжение вьетнамцев на китайскую территорию. Однако дальше гневных тирад китайцы пойти не решились, так как опасались столкновения с превосходящими силами США.

Китай долго ждал шанса захватить все Параселы, и этот шанс появился в январе 1974 г. В то время американцы после подписания Парижского соглашения по мирному урегулированию конфликта в Индокитае стали выводить свои войска из Сайгона и других ключевых районов Южного Вьетнама. Этот шаг привел к тому, что конфигурация приграничного конфликта на Парасельских островах резко изменилась. Теперь китайским войскам стали противостоять относительно слабые в военном отношении южновьетнамские ВМС. Возможности Китая к возобновлению территориальной экспансии резко возросли еще и в силу начавшейся нормализации китайско-американских отношений.

В 1971 г. госсекретарь США Генри Киссинджер побывал в Пекине, а в 1972 г. КНР и США подписали Шанхайское совместное коммюнике, которое открыло эпоху сотрудничества двух стран в противостоянии *советской угрозе*. Американцы увидели в Китае союзника в холодной войне против СССР, а для Пекина новые отношения с США не только открывали возможность выхода из международной изоляции и массу других преимуществ, но и обеспечивали как военное, так и политическое прикрытие для силового решения конфликта на Парасельских островах. Подготавливая новый *бросок на юг*, китайцы еще в 1971 г. начали работы по строительству гавани и причала на наиболее крупном в их части архипелага острова Вуди, которые могли использоваться морскими судами среднего размера.

Общая обстановка в регионе благоприятствовала проведению военной операции, тем более что руководство Северного Вьетнама, готовившееся к финальному наступлению на Южный Вьетнам, было тесно связано многообразными политическими и экономическими отношениями с КНР и не могло выступить против китайских планов.

Убедившись, что основные препятствия для броска на юг в целом устранены, в Пекине искали только удобный повод, чтобы начать агрессию. Нашелся он, когда правительство Южного Вьетнама в сентябре 1973 г. приняло решение о том, чтобы включить острова Спратли в состав провинции Фьюктуй. Следует отметить, что в ходе четырехмесячной подготовки военной операции внешнеполитическое ведомство КНР молчало и только после завершения приготовлений в Пекине вспомнило о решении Южного Вьетнама, выступив с официальным протестом.

Уже 15 января 1974 г. на острова Робер, Мани, Дункан и Дрюмон группы Круассан Парасельского архипелага по апробированному в 1959 г. сценарию высадились китайские *рыбаки*.

Южновьетнамские власти в ответ, несмотря на очевидную слабость своих сил, так же как и в 1959 г., попытались дать отпор, и 16–17 января *рыбаки* были без применения оружия выдворены с островов Мани и Робер южновьетнамской морской охраной. Китайские боевые корабли с десантом, заранее сосредоточенные на военной базе на острове Вуди, вышли в район конфликта.

В ходе вооруженного столкновения южные вьетнамцы были вытеснены со всех островов группы Круассан. Попытки Сайгона найти поддержку у американского военного и политического руководства завершились неудачей. К вечеру 20 января 1974 г. Пекин установил полный контроль над всем Парасельским архипелагом.

Захват Парасел открыл Китаю прямую дорогу дальше на юг к островам Спратли. Именно они теперь стали новой целью китайских внешнеполитических и военных усилий. В июле 1977 г. министр иностранных дел КНР Хуан Хуа на перегово-

рах филиппинским представителям заявил: «Китайская территория простирается на юг до мели Джеймс около Саравака (Малайзия). [...] Вы можете вести разведку полезных ископаемых, как пожелаете. Однако когда придет время, мы отберем эти острова. Тогда не будет нужды вести переговоры, поскольку эти острова уже давно принадлежат Китаю...»¹⁰.

Для оправдания своих военных акций и дипломатической подготовки нового рывка на юг, к островам Спратли, Китай в начале 1980 г. распространил в ООН заявление МИД «Неоспоримый суверенитет Китая над островами Сиша и Наньша». В нем утверждалось, что единственным законным обладателем этих островов является Китай и он собирается вернуть под свой контроль все ранее принадлежавшие ему территории. Сделать это Пекин попытался в конце 1980-х гг., когда там убедились, что СССР, заново налаживавший контакты с китайцами, не будет вмешиваться в дела Южно-Китайского моря.

На Спратли были отправлены военные корабли, которые после нескольких столкновений с вьетнамскими судами захватили целый ряд островов и рифов. Пытаясь захватить еще больше, в начале 1995 г. китайские моряки высадились на рифе Мисчиф, расположенном вблизи филиппинского побережья. Там они по хорошо отработанной программе немедленно приступили к сооружению *рыбачьих укрытий*.

В ответ Манила обвинила китайцев в том, что под видом *укрытий* они сооружают военные объекты на рифе Мисчиф. В начале февраля 1995 г. подозрения филиппинских властей, казалось бы, полностью подтвердились, так как на этом затопляемом водой рифе, находящемся в группе островов Калаян и известном под названием Панганибан, обнаружили бетонные строения и даже пограничный столб с надписью о том, что эта территория находится под суверенитетом Китая и называется Мэйцзицзяо. Было зафиксировано усиление патрулирования прилегающего района китайскими военными кораблями.

Не имея возможности предпринять силовые действия по защите своих интересов, власти Филиппин развернули информационную кампанию, апеллируя к международному общественному мнению. Пекин попал в сложную ситуацию, так как в планы китайских руководителей явно не входило оказаться в центре внимания мировых СМИ из-за захвата отдаленного рифа. Правительство Филиппин, наоборот, почувствовав за собой моральную силу, ободренное негласной поддержкой со стороны США (специальный посланник американского президента в беседе с президентом Филиппин Фиделем Рамосом «в категоричной форме выразил поддержку попыткам Филиппин остановить китайское проникновение»¹¹), стало действовать в наступательной манере.

Сначала филиппинские пограничники задержали и предъявили обвинения в браконьерстве и незаконном вторжении 62 китайским рыбакам, потом обстреляли китайское судно по подозрению в незаконном проникновении в филиппинские воды, после чего в район рифа Мисчиф были направлены военные подразделения, которые стали уничтожить китайские пограничные знаки. Под прицелом международной прессы применить в ответ на действия филиппинцев военную силу в Пекине не решились — ущерб имиджу КНР в результате всех перипетий, развернувшихся вокруг крохотного рифа, и без того оказался очень весомым.

Неудачей для Китая закончились и его попытки завязать вскоре пограничный спор с Индонезией. Китай неожиданно для Джакарты заявил, что необходимо урегулировать с Индонезией проблему демаркации границы в районе группы островов Натуна с прилегающими островками и акваториями¹².

Министр иностранных дел Индонезии Али Алатас, пытаясь избежать втягивания страны в территориальный спор с КНР, в ответ сказал журналистам, что Индонезии нет необходимости вести какие-либо переговоры с Китаем о демаркации в Южно-Китайском море, поскольку у двух этих стран «общей границы нет»¹³.

Такого резкого и однозначного ответа индонезийской стороны в Пекине явно не ожидали. Немедленно направить военный флот или *рыбаков* на острова Натуна, чтобы доказать индонезийским властям, что такая проблема все-таки есть, китайские власти не рискнули. Причина этого, по всей видимости, связана была с тем, что шумиха вокруг захвата китайцами рифа Мисчиф еще не улеглась, да и военное столкновение с крупнейшей страной Юго-Восточной Азии вряд ли входило в то время в китайские планы.

Не добившись существенных успехов на филиппинском и индонезийском направлениях, китайские власти вновь вернулись к попыткам приобретения новых территорий в зоне вьетнамского контроля на островах Спратли. Но и здесь их ждала неудача: вьетнамские сторожевые корабли пресекли попытки проникновения китайских судов в контролируемый район. Китай в ответ не стал посылать свои военные суда в зону конфликта. В Пекине вынуждены были признать бесперспективность политики силового давления на страны ЮВА в ситуации, когда к этим действиям было приковано внимание всего мира.

Китайским властям стало ясно, что цена дальнейшей военной экспансии на островах Спратли слишком высока и грозит создать в мире устойчивое представление о КНР как об агрессивной державе. В связи с этим новые шаги по захвату и освоению еще незанятых атоллов и рифов пришлось отложить на будущее.

Другого выхода у китайских властей в сложившейся ситуации в общем-то не было, так как решительный отпор со стороны Вьетнама, Филиппин, Индонезии показал, что захватить все острова Спратли без масштабных военных столкновений невозможно. Серьезный военный конфликт не входил в планы Китая, поэтому в Пекине решили взять паузу и выбрать другое направление в своей политике, которое бы провозглашало расширение контактов и сотрудничества со странами ЮВА.

В спорных акваториях Южно-Китайского моря наступило временное затишье. Почти 10 лет, пока Китай активно добивался экономической и политической интеграции стран Юго-Восточной Азии в *pax sinica*, каких-либо серьезных столкновений отмечено не было. Более того, Китай и страны ЮВА даже попытались организовать совместную добычу и разведку углеводородов в спорных районах. Ничего позитивного из этого не вышло, так как весь совместный проект в конце концов оказался в руках китайских кампаний.

Практически ничем закончились и попытки политической интеграции стран ЮВА и Китая. Несмотря на огромные усилия, китайцам так и не удалось сократить американское влияние в регионе. В результате в Пекине окончательно разочаровались в возможности на основе экономической интеграции сформировать систему особых отношений со странами АСЕАН и решили вновь вернуться к политике силового давления, чтобы сделать своих партнеров более сговорчивыми. Это представлялось тем более актуальным, что те, почувствовав за собой поддержку США, довольно активно стали осваивать акватории, которые Китай рассматривал как свои.

ИГРА НА ОБОСТРЕНИЕ

В первой половине 2011 г. после долгого перерыва в Южно-Китайском море возобновились столкновения противоборствующих сторон. Инициаторами выступили китайские военно-морские силы, которые стали одновременно действовать в двух направлениях — против зон контроля Филиппин и Вьетнама. Корабли ВМС Китая вторгались в эти зоны, чтобы заставить своих противников ограничить, если не прекратить здесь свою хозяйственную деятельность, в первую очередь бурение разведочных нефтяных и газовых скважин.

Давление китайского флота на акватории, прилегающие к Филиппинскому архипелагу, стало настолько сильным, что филиппинцы вынуждены были провести экстренную встречу с руководством США. В ходе нее министр иностранных дел Филиппин Альберт дель Росарио заявил, что «силы КНР начиная с 25 февраля

9 раз вторгались в филиппинские территориальные воды, и такие действия явно становятся все более агрессивными и все более частыми»¹⁴. Получив заверения в американской поддержке филиппинской позиции по вопросу территориальной принадлежности островов Спратли¹⁵, правительство страны немедленно заявило о выделении 252 млн долл. на модернизацию своих военно-морских сил.

После этого филиппинские представители объявили, что теперь они будут вести «активную оборону своих владений»¹⁶. Примером такой обороны стал инцидент, когда в ответ на подход к берегам острова Палаван китайского патрульного судна Филиппины направили против него флагман своего флота, однако своевременный отход китайского корабля предотвратил вооруженное столкновение.

Только когда конфликт между двумя странами стал все шире обсуждаться в международной прессе и дипломатических кругах, причем с явно негативным для Китая оттенком, когда стало очевидно, что в него готовятся втянуться американцы, Пекину пришлось оправдываться, а китайские корабли покинули филиппинские воды, так собственно ничего и не добившись. Получилось, что китайцы вновь наступили на собственные *грабли* — сначала обострили ситуацию до предела, а потом, не добившись результата, стали искать пути, как бы отступить с наименьшими потерями для имиджа страны.

Не менее остро развивался в это время и конфликт между Китаем и Вьетнамом. Напряженность и недоверие в связи с бесконечными столкновениями и претензиями друг к другу относительно проведения морских границ дошли до такой степени, что в крупнейших вьетнамских городах Ханое и Хошимине прошли массовые демонстрации с протестом против политики Китая в Южно-Китайском море. Национальное собрание СРВ даже одобрило план мобилизации на случай войны, а корабли ВМС Вьетнама провели морские учения со стрельбами. В ответ на это Пекин привел армию в состояние повышенной боевой готовности, а китайское телевидение день за днем стало освещать *обычные ежегодные учения*, показывая выдвижение крупных войсковых колонн к вьетнамской границе в Гуанси-Чжуанском автономном районе¹⁷. При этом китайские представители заявляли, что войны не будет, но *исконные территории* и впредь останутся за Китаем¹⁸.

В условиях явного усиления китайского давления вьетнамцы, вслед за филиппинцами обратились к США и быстро договорились о проведении совместных учений своих военно-морских сил. Вкупе с мобилизациями и антикитайскими манифестациями это был новый и очень серьезный вызов Китаю, показывавший, что Вьетнам готов пойти на любые жертвы, даже искать поддержку своего недавно еще злейшего врага, но защитить свои права на спорных островах.

В такой ситуации Пекину ничего не оставалось, как приостановить политику силового давления, поскольку дальнейшие действия грозили очень серьезными осложнениями с совершенно не определенными последствиями для глобальных китайских интересов. При такой расстановке сил в руководстве КНР решили не рисковать и, сохраняя в целом довольно агрессивную риторику, отступить на прежние позиции.

В Пекине, по всей видимости, пришли к выводу, что ситуация в Южно-Китайском море и в ЮВА в целом еще не созрела для решительных действий, поэтому Китай в ответ на активное противодействие своими акциям ограничился словесными угрозами, а заместитель министра иностранных дел КНР заявил, что «некоторые соседи Китая играют с огнем», и предостерег США от того чтобы «не обжечься»¹⁹.

Как мы видим, попытки Китая вернуться к тактике силового давления в конфликте вокруг островов Спратли, не дали ничего позитивного для упрочения его позиций как в Южно-Китайском море, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Несмотря на немалые усилия, КНР не сумела захватить ни одного нового острова или хотя бы рифа и не смогла остановить операции своих оппонентов по хозяйственному освоению их зон контроля. Результатом нового витка напряженности стало увеличение американского военного присутствия и влияния, в частности

в австралийском Дарвине появилась новая американская военная база, явно нацеленная на противодействие военной активности Китая в ЮВА.

Заметно ужесточил свой тон в отношении КНР и президент Барак Обама, который после прибытия в Дарвин первой группы американских солдат в довольно жесткой форме высказался в отношении Пекина, призвав его играть не просто по правилам, а по американским правилам. Он заявил, что мнение о том, что «мы опасаемся Китая», ошибочно, так же как и то, что «мы пытаемся исключить Китай» из диалога²⁰.

Для того чтобы этот сигнал был более убедительным, в июне 2012 г. на ежегодной встрече министров обороны Азиатско-Тихоокеанского региона *Диалог Шангри-Ла* в Сингапуре выступил министр обороны США Леон Панетта. Он сообщил, что к 2020 г. «США намерены разместить до 60% своего военно-морского флота, в том числе до 6 авианосцев и значительное количество других военных кораблей непосредственно в АТР»²¹.

Несмотря на то что Леон Панетта особо подчеркнул, что эта концентрация сил не направлена против Китая, в государствах АСЕАН, да и в самом Пекине прекрасно поняли истинные причины и цели американских действий.

Еще одним следствием военной эскалации в Южно-Китайском море стало то, что под жестким китайским давлением Вьетнам и Филиппины ощутили общность своих интересов. Впервые они проявили совместную инициативу и выступили за созыв международной конференции по Южно-Китайскому морю. Такой шаг оппонентов вызвал резкое неприятие в Пекине, власти КНР в ответ вместо международной конференции предложили провести серию отдельных двусторонних дружеских консультаций.

Отрицательная реакция Китая на вьетнамо-филиппинское предложение была вполне предсказуема: в Пекине понимали, что на такой конференции симпатии мирового сообщества неизбежно окажутся на стороне небольших государств, которые станут рассматриваться чуть ли не как жертвы китайской агрессии. Это вполне могло бы повредить тщательно выстраиваемому имиджу Китая как миролюбивой державы.

А
Н
А
Л
И
З

КИТАЙСКИЙ МАЯТНИК

Пекин резко выступил против созыва международной конференции по Южно-Китайскому морю еще и потому, что он уже много лет жестко соблюдает принцип решать все вопросы со своими южными соседями не в многостороннем, а в двустороннем формате и не позволять им втягивать во взаимные конфликты другие государства.

Еще в 1994 г. в Пекине указали: «Китай выступает против интернационализации данной проблемы и стремится решить ее путем двусторонних переговоров с заинтересованными государствами»²². Нарушать этот принцип в пользу созыва международной конференции в Пекине в 2011 г. не стали, но теперь, отказываясь в очередной раз согласиться на международное посредничество, Китай поставил себя в более сложную, чем раньше, ситуацию.

Более того, политика Китая в конфликте в Южно-Китайском море стала самым активным образом комментироваться и в китайском научном и экспертном сообществе, причем не всегда в выгодном для правящих кругов русле. Так, директор Центра американских исследований Университета Жэньминь в Пекине Ши Иинхон высказал мысль, что «если китайское правительство умно, то ему не мешало бы подумать, почему США вдруг стали такими популярными в регионе [...] Это произошло, потому что Китай не был достаточно хорошим партнером, когда речь шла о дипломатии с соседними странами»²³.

Для того чтобы сбить поднявшуюся волну критики в свой адрес, власти КНР вынуждены были в последнее время занять в конфликте в Южно-Китайском море фактически оборонительную позицию. Они попросили Вашингтон не вмешиваться в кон-

ИЗ БЛОГА ПИР-ЦЕНТРА

В последние несколько десятилетий Китай столь успешно развивался в рамках сложившегося в Восточной Азии status quo (предполагающего, разумеется, и *стабилизирующее присутствие США*), что раскачивание этой «лодки» совсем не в его интересах. Территориальные претензии Пекина в ЮКМ остаются точно такими же, какими были полвека назад. Знаменитая «линия из девяти пунктиров», иллюстрирующая масштабы этих претензий и вызывающая сегодня столько благородного негодования, была нарисована и предъявлена миру еще в 1950-е гг. прошлого столетия. Где тут признаки *новой агрессивности*? Простите, но я их не вижу.

Сказав это, не стану отрицать очевидное: да, СМИ периодически делают в ЮКМ достаточно «резкие движения» и не стесняются в выражениях, комментируя складывающуюся там ситуацию. Но, как правило, то и другое делается не по собственной инициативе, а в ответ на действия или заявления оппонентов. Оппонентом же номер один являются, конечно, Соединенные Штаты. Они систематически и так, как будто имеют на это полное право, ведут разведывательные операции у берегов Китая, вблизи военно-морской базы на острове Хайнань, и параллельно вдохновляют ряд других участников территориального спора на жесткое противостояние китайцам.

Не секрет, что позиция по проблемам ЮКМ — важнейшая составляющая той стратегической *переориентации США* с Евроатлантики и Ближнего Востока на Восточную Азию, о которой объявила администрация Барака Обамы. Между тем на Ближнем Востоке, с которого американцы якобы уходят, все перевернуто вверх дном. Если допустить, что вместе с какими-то новыми контингентами и базами в АТР станут *переносить* еще и менталитет, сформированный ближневосточным опытом гуманитарных интервенций, смен режимов и *цветных революций*, то ничего хорошего этому региону не светит.

Виктор Сумский. США и Китай
в Юго-Восточной Азии, 16.10.2013,
www.pircenter.org/blog

фликт, и, пригласив лидеров Филиппин и Вьетнама в Пекин, предложили им отказаться от интернационализации переговоров относительно ситуации в спорных акваториях.

В качестве примирительно-го жеста в китайских газетах появилась информация о том, что в планы Китая больше не входит задача развивать туризм на Парасельских островах²⁴. Этот жест, направленный на разрядку напряженности в отношениях с Вьетнамом, как и согласие Китая совместно со странами АСЕАН участвовать в разработке кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море и публикация в сентябре 2011 г. Госсоветом КНР Белой книги *О мирном и ответственном характере внешней политики КНР*, свидетельствуют об определенном развороте китайского внешнеполитического курса.

Подтверждением этому служит также резкое смягчение в китайской прессе критики действий США. Оно, по-видимому, имеет целью возродить энтузиазм тех политических кругов в США, которые раньше активно выступали за американо-китайское взаимодействие, за совместный с Пекином контроль ситуации в ЮВА и АТР, а сегодня выступают против политики *окружения КНР* блоком союзных с США государств.

Все эти действия свидетельствуют об очередной перемене общего характера китайского внешнеполитического курса в ЮВА — от силового давления к мирному сотрудничеству и компромиссу, но, как и раньше, без каких-либо реально

значимых уступок своим оппонентам. Не вызывает сомнений, что эта мера — явно вынужденная. Китайское руководство признало, что ситуация в регионе развивается в явно не выгодном для КНР направлении — в сторону новой холодной войны, когда небольшие страны, по словам политолога Чарльза Гранта, стали «обращаться к США за поддержкой и защитой»²⁵. Многие наблюдатели в это время полагали, что в Пекине решили вновь вернуться к существовавшему ранее внешнеполитическому статус-кво, чтобы избежать углубления опасной тенденции.

Однако надежды на стабилизацию положения в Южно-Китайском море не оправдались. Смена руководства в Пекине обозначила новый подход Китая к территориальным конфликтам в морских акваториях. Резко обострилась ситуация в Восточно-Китайском море, где Китай оспаривает у Японии острова Сенкаку (Дао-юйдао), и в Южно-Китайском море, где путем наращивания своих военно-морских сил Китай стремится перевести контроль формальный в контроль реальный, когда патрульные корабли атакуют вьетнамских рыбаков или филиппинских геологоразведчиков, усиливая еще больше и без того очень напряженную обстановку. Если добавить к этому уже упоминавшееся выше решение китайских властей о том, чтобы полиция провинции Хайнань могла досматривать суда в тех акваториях Южно-Китайского моря, которые Китай объявил своими, вся обстановка в регионе становится еще более взрывоопасной.

В этой связи вполне логично выглядит решение Филиппин обратиться в международный суд ООН по морскому праву. Несмотря на то что Китай уже заявил, что не признает решения этого суда, у Филиппин и других государств — участников конфликта в регионе появились законные основания не признавать действия Китая.

Все эти события показывают, что ситуация в Южно-Китайском море находится в очевидном тупике и пока не ясно, как можно мирными путями разрешить углубляющиеся противоречия, которые несут угрозу не только региональной стабильности, но и международной безопасности.

ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

Россия все активнее присутствует в ЮВА. *Роснефть* и *Газпром* ведут разведку на нефть и газ на шельфе Южно-Китайского моря, Россия продолжает поставлять вооружения во Вьетнам и в другие страны АСЕАН, также в Москве рассматрива-

ИЗ БЛОГА ПИР-ЦЕНТРА

Стремится ли Китай к сохранению нынешнего положения дел в Юго-Восточной Азии (ЮВА) и, в более широких масштабах, по всей периферии своих границ? Если пользоваться псевдонаучным жаргоном современной политологии, является Китай *status quo power* или *revisionist power*?

Слова нет, в последние два–три десятилетия Китай не предпринимал попыток силой изменить положение дел в зонах своих интересов. На мой взгляд, изначальная причина этого — в болезненном поражении Китая в войне с Вьетнамом в начале 1979 г., которое высветило отсталость и слабость китайских вооруженных сил. Это подтолкнуло китайское руководство к пересмотру ключевых установок военного строительства и началу модернизации армии и флота.

Эта модернизация синхронизирована с осуществлением экономических реформ. В Чжуннаньхае вполне здраво рассудили, что без более или менее эффективной в технологическом отношении экономики создать боеспособные вооруженные силы невозможно. А поскольку экономическая модернизация основана на заимствовании современных технологий у ведущих западных стран, то нервировать их излишне воинственными жестами просто неразумно.

Однако Пекин отнюдь не отказался от территориальных претензий. Более того, время от времени предпринимаются кое-какие шаги для их реализации. Так, в последние два десятилетия были поглощены Гонконг и Макао. Это было сделано мирным путем, без применения военной силы и не слишком сильно изменило баланс сил в ЮВА. Но так называемое *освобождение*, а точнее — *аншлюс* Тайваня, изменит стратегическую обстановку в регионе самым серьезным образом. Между тем, поглощение Тайваня является важнейшей декларированной внешнеполитической задачей Китая, которая в случае необходимости будет решена военной силой. Это никак не вписывается в представление о данной стране, как о *status quo power*.

Юрий Федоров. Азиатские перспективы,
27.10.2013, www.pircenter.org/blog

А
Н
А
Л
И
З

Подробнее с материалами по АСЕАН Вы можете ознакомиться в разделе «Перспективы сотрудничества России и государств АСЕАН» на сайте ПИР-Центра по адресу: asean.pircenter.org

ют проект формирования с Вьетнамом зоны свободной торговли.

Все это крайне позитивные тенденции, но в то же время нельзя не признать, что так или иначе, но угроза ее вовлечения в региональный конфликт возрастает, поэтому позиция Москвы очень осторожна — ее можно сформулировать как внимательное ожидание дальнейшего развития событий.

Цели политики России в этом регионе: безопасность, стабильность и экономическое сотрудничество — вполне определенные, политические симпатии и тесные контакты с Вьетнамом общеизвестны, поэтому смысл усилий России может состоять в том, чтобы на новом витке конфликта постараться все-таки не допустить эскалации событий и подвинуть противостоящие стороны к переговорам и компромиссам.

Думается, что и более тесные отношения с Китаем, свидетельством которых стал и визит в Москву нового китайского лидера Си Цзиньпина в 2013 г., и совместные военные учения на российской территории, и активизация сотрудничества в сфере экономики могут дать шанс на успех российским усилиям в этом направлении.

И здесь есть некоторые принципы, которые российская дипломатия должна неукоснительно придерживаться, чтобы продолжать оставаться над схваткой, твердо следуя собственным национальным интересам:

1. Ни в коем случае не признавать произвольно проведенную Китаем так называемую *многопунктирную* линию в Южно-Китайском море. Россия должна целиком и полностью полагаться на Конвенцию по морскому праву от 1982 г. Многие считают это соглашение несовершенным и устаревшим, но другого нет, и пока не предвидится. Следуя этому оглашению, Россия имеет все возможности оставаться на принципиальной позиции, понятной как противостоящим сторонам, так и остальному миру.
2. Продолжать процесс развития сотрудничества с Вьетнамом на шельфе ЮКМ, несмотря даже на то, что такое сотрудничество вызывает неприятие, причем вполне открытое в Китае. Дело в том, что если Москва под давление Пекина откажется от такого сотрудничества, это будет означать *потерю лица*, что в Азии является крайне позорным событием. Тогда о самостоятельной политической позиции в Азии можно успешно забыть, и Россия станет еще более тесно привязана к китайским интересам.
3. При формировании политики России следует тщательно выдерживать баланс отношений в треугольнике Ханой–Пекин–Москва. Глобальной задачей здесь может стать постепенное движение к примирению Китая и Вьетнама (в принципе этот процесс происходит сегодня буквально на наших глазах), и после этого вполне вероятно формирование нового политического союза, потенциально очень перспективного для России, с точки зрения политики и с точки зрения экономики.

Примечания

¹ Chinese police plan to board vessels in disputed seas. *The Straits Times*. 2012, 29 November. <http://www.straitstimes.com/the-big-story/asia-report/china/story/chinese-police-plan-board-vessels-disputed-seas-20121129> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

² <http://flot.com/news/navy/index.php> 26.09.2011 (Центральный Военно-морской портал)

³ Asean chief says China plan on disputed seas escalates tension. *The Straits Times*. 2012, 30 November. <http://www.straitstimes.com/breaking-news/se-asia/story/asean-chief-says-china-plan-disputed-seas-escalates-tension-20121130> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

⁴ Chinasays «boardandsearch»searuleslimitedtoHainancoast. *The Straits Times*. 2012, 31 December. <http://www.straitstimes.com/breaking-news/asia/story/china-says-board-and-search-sea-rules-limited-hainan-coast-20121231> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

⁵ Сергей Денисенцев. Рынок вооружений стран Азиатско-Тихоокеанского региона. *РСМД*. 2012, 30 мая. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=440#top (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

⁶ Robert Maginnis. Winning the New Cold War. *Human Events*. 2010, 08 June. <http://www.humanevents.com/2010/08/06/winning-the-new-cold-war/> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

⁷ Китай разместил новейшие атомные подлодки на острове Хайнань. *Взгляд*. 2010, 20 октября. <http://vz.ru/news/2010/10/20/441046.html> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

⁸ A recipe for trouble in China's backyard. *The Financial Times*. 2010, 29 September. <http://www.ft.com/cms/s/0/8dda2188-cbf5-11df-bd28-00144feab49a.html> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

⁹ Используется карта, опубликованная в материале: Миньсинь Лэй. Спор Китая и Вьетнама: на чьей стороне США? *ВВС Русская Служба*. 2011, 15 июня. http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/06/110610_vietnam_china_usa_analysis.shtml (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

¹⁰ The Hoang Sa and Truong Sa Archipelagoes and International Law. Ministry of Foreign Affairs. Socialist Republic of Vietnam. Hanoi, 1988. P. 21.

¹¹ ИТАР-ТАСС. 1995, 3 апреля.

¹² ИТАР-ТАСС. 1995, 29 июня.

¹³ ИТАР-ТАСС. 1995, 29 июня.

¹⁴ США отразят китайский удар по Филиппинам. *Правда.Ру*. 2011, 27 июня. <http://www.pravda.ru/world/asia/foreast/27-06-2011/1081454-china-0/> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

¹⁵ US 'stands by Philippines' amid South China Sea tension. *BBC News*. 2011, 24 June. <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-pacific-13899465> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

¹⁶ США отразят китайский удар по Филиппинам...

¹⁷ Василий Кашин. «Если они не изменятся, они должны подготовиться к звукам пушек». *Forbes*. 2011, 27 октября. <http://www.forbes.ru/sobytiya-opinion/vlast/75677-esli-oni-ne-izmenyatsya-oni-dolzhen-prigotovitsya-k-zvukam-pushek> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

¹⁸ Спратли и Параселы — неподделенные острова. *Независимая газета*. 2011, 27 июня. http://www.ng.ru/dipkurer/2011-06-27/9_islands.html (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

¹⁹ Вьетнам и США договорились о совместных морских учениях. *Взгляд*. 2011, 23 июня. <http://vz.ru/news/2011/6/23/501884.html> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

²⁰ Pearlman J. Barack Obama to deploy 2500 Marines in Australia as he says «we do not fear China». *The Telegraph*. 2011, 16 November. <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/>

Э
И
Л
А
Н
А

barackobama/8893715/Barack-Obama-to-deploy-2500-Marines-in-Australia-as-he-says-we-do-not-fear-China.html (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

²¹ Спратли и Параселы — неподеленные острова...

²² China and Vietnam Move to Reduce Tensions in South China Sea. *The New York Times*. 2011, 12 October. <http://www.nytimes.com/2011/10/13/world/asia/china-and-vietnam-move-to-reduce-tensions-in-south-china-sea.html> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

²³ *New York Times*: Китай вытесняет США из Азии. ЦентрАзия. 2011, 16 ноября. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1321449180> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

²⁴ Китай отказался от туризма на Парасельских островах? *Телеканал NTD*. 2012, 6 апреля. <http://ntdtv.ru/news/kitai-otkazalsya-ot-turizma-na-paraselskikh-ostrovakh> (последнее посещение — 10 августа 2013 г.).

²⁵ Выступление первого директора лондонского центра европейских реформ Чарльза Гранта на конференции Центра Карнеги «Россия, Китай и проблемы глобального управления» (Москва, 12 марта 2012).

Андрей Баклицкий, Евгений Бужинский,
Олег Демидов, Павел Лузин, Владимир Орлов

БРИКС И ПЕРЕДОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

В преддверии саммита БРИКС в бразильской Форталезе в 2014 г. интерес к сотрудничеству стран БРИКС в области мягкой безопасности многократно возрос.

Эт темпов национальных экономик, а также совокупный демографический, научный и промышленный потенциал выводит БРИКС в лидеры мирового развития и привлекает к этому формату межгосударственного сотрудничества пристальное внимание других игроков на международной арене. Несмотря на активное взаимодействие в области финансов, в рамках БРИКС уделяется незаслуженно мало внимания сотрудничеству в высокотехнологичных отраслях, оказывающих ключевое воздействие как на международную безопасность, так и на экономическое развитие. Среди наиболее перспективных следует выделить три ключевые сферы высокотехнологичного сотрудничества:

- совместная борьба с киберугрозами;
- сотрудничество в безопасном развитии атомной энергетики;
- сотрудничество в мирном освоении космоса.

Неравномерность и неконтролируемость развития в этих сферах нарушают равновесие системы международных отношений и могут спровоцировать новую гонку вооружений. Отставание в сфере мирных технологий грозит экономикам стран потерей международной конкурентоспособности.

Каковы интересы России? Какие есть выходы и решения? На Академическом форуме БРИКС в Дурбане (Южная Африка) в марте 2013 г. эксперты ПИР-Центра представили доклад, выдержки из которого приводятся ниже.

Сотрудничество в области передовых технологий в формате БРИКС имеет значительный потенциал для решения ряда глобальных проблем и дальнейшей институционализации и материального наполнения самой структуры БРИКС. Активное привнесение в повестку дня БРИКС опыта России, традиционно активной в данной области, позволит поучаствовать в решении этих проблем и поспособствует укреплению позиций нашей страны в этом неформальном объединении. На сегодняшний день Россия продолжает оставаться одной из наиболее высокотехнологичных стран мира. При этом быстрое совершенствование технологий в развитых странах и значительные усилия, которые прикладываются для преодоления отставания развивающиеся, ставят позиции России под угрозу.

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ

В последние годы стала очевидной потребность в кардинальном усилении сотрудничества в рамках БРИКС в области борьбы с киберугрозами. Российский сегмент интернета является крупнейшим в Европе, китайский — крупнейшим в мире, а все пять национальных сегментов относятся к числу наиболее быстро растущих. Интернет-аудитория БРИКС составляет сегодня до половины глобальной аудитории Сети.

Дефицит эффективных механизмов борьбы с трансграничной киберпреступностью, разработкой и применением все более совершенных и разрушительных видов кибероружия оборачивается катастрофической уязвимостью критической инфраструктуры различных государств перед подобными угрозами. При сохраняющейся анонимности исполнителей и заказчиков кибератак их последствия становятся все более разрушительными, выходя за пределы киберпространства. Эта ситуация неизбежно расшатывает существующий режим международной безопасности и ведет к дестабилизации международных отношений, что представляет прямую угрозу национальной безопасности интересам Российской Федерации и ее союзников.

Среди других проблем нужно также отметить неравномерность в развитии интернет-инфраструктуры, что может замедлять дальнейшее совершенствование и внедрение интернет-технологий в развивающихся странах.

Через формат БРИКС Россия могла бы инициировать выработку доктринального документа, суммирующего общее видение и фиксирующего консенсусный подход государств БРИКС к обеспечению безопасности информационного пространства, и последующее продвижение данного подхода в рамках ключевых международных форматов, в том числе ООН и ее специализированных учреждений. Необходима выработка странами БРИКС соглашений, запрещающих кибератаки против критической инфраструктуры финансовой системы, объектов атомной энергетики, стратегических систем военного командования, а также против информационных систем ударных вооружений и ОМУ.

БРИКС мог бы выступить форматом для укрепления мер доверия и обмена информацией в области кибербезопасности между странами-участницами, в том числе для развития систем предотвращения, раннего предупреждения и информирования друг друга об инцидентах в киберпространстве, включая создание горячих линий связи и международного Центра киберугроз БРИКС с использованием механизмов международного государственно-частного партнерства.

В интересах как БРИКС в целом, так и России в частности — реализация совместных проектов развития трансконтинентальной ИКТ-инфраструктуры (оптоволоконные кабели и т. п.) с целью повышения устойчивости и надежности телекоммуникаций между странами БРИКС и расширения доступа населения стран группы к широкополосному доступу в интернет. В этот контекст хорошо вписывается обсуждаемый сегодня проект трансконтинентального подводного интернет-кабеля, который соединил бы все страны БРИКС, расположенные на трех континентах, напрямую.

Государства БРИКС обладают примерно равными стартовыми позициями, сходными проблемами и препятствиями к активному и бурному развитию *e-governance* и, говоря шире, информационного общества как такового. Создание координирующей структуры для перенимания и адаптации лучшего зарубежного опыта и разработки механизмов его под свои нужды могло бы значительно продвинуть этот процесс.

МИРНОЕ ОСВОЕНИЕ КОСМОСА

Опасность выведения оружия в космос по-прежнему остается на повестке международной безопасности. В международном космическом праве до сих пор сохра-

няются *лакуны* относительно использования государствами космического пространства в целом и ближайшего окружения Земли в частности. Они позволяют не только выводить и размещать в космосе неядерные виды вооружений, но и с их помощью применять силу *в космосе и из космоса*.

Совместный проект договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов, выдвинутый Россией и КНР в феврале 2008 г. на рассмотрение Конференции по разоружению в Женеве, так и не получил необходимой международной поддержки. Хотя к настоящему времени многие страны позитивно отреагировали на российско-китайскую инициативу, Бразилия и Индия, имеющие собственные военные космические программы, занимают по данному вопросу сдержанную позицию. Кроме Конференции по разоружению также отсутствует координация стран БРИКС в Комитете ООН по использованию космического пространства в мирных целях, как и на других международных форумах.

В то же время преимущества от активного развития мирных космических технологий частично обесцениваются дублированием разработок (системы глобальной спутниковой навигации, независимые космические программы) различными странами. Это не позволяет сконцентрировать ресурсы на решении задач принципиального улучшения спутниковой навигации и освоения межпланетного пространства. В российской космической отрасли также существует ряд сложностей, связанный с недостаточным присутствием Роскосмоса в южном полушарии (существует необходимость в дополнительных станциях коррекции и мониторинга для ГЛОНАСС; необходимы дополнительные средства наблюдения за орбитой).

Россия должна добиваться поддержки всеми членами БРИКС инициативы по невыведению оружия в космос. В первую очередь это означает работу над изменением позиции Индии и Бразилии. Необходимо комплексное определение бразильских и индийских озабоченностей в этой области и целенаправленное и последовательное их снятие. В случае решения этой задачи страны БРИКС могут выступить единым фронтом на Конференции по разоружению, в Комитете ООН по использованию космического пространства в мирных целях, в формальных и неформальных консультациях с США и другими государствами.

Россия заинтересована в заключении соглашений об использовании территорий ЮАР, Бразилии и Индии для совместного мониторинга орбиты и сопровождения научных аппаратов в дальнем космосе, а также для расширения покрытия и точности системы ГЛОНАСС. Необходимо продвижение системы ГЛОНАСС в странах БРИКС, ее совместное использование с существующими и планируемыми национальными системами спутниковой навигации Индии и Китая.

Исходя из того что в последнее время 62% орбитальных запусков совершили Россия, Китай и Индия, совместные космические инициативы БРИКС должны создать новый *полюс* в освоении космоса, альтернативный Соединенным Штатам и Европейскому союзу и более привлекательный для стран *пятерки*.

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА

На саммите БРИКС 30 марта 2012 г. в Дели лидеры стран пятерки призвали к международному сотрудничеству в вопросе развития безопасной ядерной энергетики. Главы государств БРИКС отметили необходимость совместной работы с целью «повышения доверия населения к ядерной энергии как чистому доступному безопасному и надежному источнику энергии, жизненно необходимому для удовлетворения глобальных энергетических потребностей». Важно отметить, что около 70% всех строящихся в мире АЭС приходится на страны БРИКС.

В контексте развития атомных технологий в странах БРИКС наиболее перспективным для России будет постепенный переход от строительства электростанций

Подробнее с материалами по БРИКС Вы можете ознакомиться в разделе «Место и роль России в БРИКС» на сайте ПИР-Центра по адресу: brics.pircenter.org

в этих странах к партнерству и совместным проектам, в первую очередь с Индией и Китаем. Привлечение китайских и индийских (а в перспективе бразильских и южноафриканских компаний) для участия в консорциумах по строительству АЭС как в самих странах БРИКС, так и в третьих странах будут выгодны России, потому что укрепят межгосу-

дарственные связи партнерскими отношениями между компаниями стран БРИКС. Это будет означать также более широкое привлечение кредитных средств стран пятерки для строительства АЭС в третьих странах. Участие в возведении атомных электростанций национальных компаний также может снизить недоверие к нему со стороны местного населения и помочь избежать протестов. Кроме того, взамен Россия может рассчитывать на преимущественный доступ на рынки партнеров.

Участие России в совместных с другими странами БРИКС научных разработках в ядерной сфере необходимо как для укрепления отношений с партнерами и снижения влияния третьих стран, так и для совершенствования технологий в сфере атомной энергетики. Новые технологии, разработанные странами БРИКС (например, основанные на наработках Китая и Индии в области ториевого цикла), могут внести значительные изменения в мировую энергетику.

Необходимо развитие сотрудничества в сфере атомной энергетики в БРИКС на уровне научного и экспертного сообщества. Контакты экспертов и специалистов, программы академического обмена помогут странам БРИКС повысить уровень собственной экспертизы и продемонстрировать лицам, принимающим решения, преимущества сотрудничества с российской стороной, установить необходимые связи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Совокупный потенциал стран БРИКС очень высок, что также верно для сферы высоких технологий. Тем не менее реализация данного ресурса затруднена отсутствием совместной повестки и программы действий в высокотехнологичных областях. Большая часть сотрудничества идет на двухсторонней, а не на многосторонней основе.

Использование потенциала БРИКС для наиболее эффективной конкуренции с Соединенными Штатами, Европейским Союзом, Японией и другими развитыми экономиками отвечает национальным интересам как России, так и всех стран пятерки. Чтобы добиться этого, Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР должны превратиться из финансового клуба в группу стран, объединенную широкими общими интересами и готовую отстаивать эти интересы на международной арене. При этом Россия в подобном формате должна занять место, соответствующее уровню ее технологического развития.

В интересах России перемещение вектора сотрудничества БРИКС в сторону областей, в которых страна традиционно сильна, что во многом облегчается тем, что в развитии этих отраслей заинтересованы и наши партнеры по БРИКС. Россия также естественным образом заинтересована в усилении экономического присутствия в Индии и Китае и в расширении его географии за счет подтягивания сотрудничества с Бразилией и ЮАР.

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕРНЕТОМ И БОРЬБА С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ: ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

*

~~УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕРНЕТОМ И БОРЬБА С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ: ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ~~

Международная динамика событий в сфере регулирования информационно-коммуникационных технологий и глобального управления интернетом за последнее время дает основания говорить о том, что эти вопросы превращаются в один из центральных нервов мировой политики. Особую значимость приобрел вопрос о будущих путях развития и трансформации глобальной архитектуры управления интернетом.

Как оценить итоги и каков общий дальнейший вектор трансформации архитектуры глобального управления интернетом с учетом неоднозначных итогов конференции Международного союза электросвязи в Дубае (ВКМЭ) в 2012 г.? Какие концепции отвечают интересам российского и мирового сетевого сообщества? Какие задачи в сфере ГУИ должны стать приоритетом российской повестки дня в рамках саммита G8 в Сочи и Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУИО+10) в 2015 г.? Насколько официальная повестка дня отвечает интересам иных стейкхолдеров? Эффективна ли сама нынешняя модель управления Сетью в свете разоблачений Эдварда Сноудена? Как бороться с трансграничной киберпреступностью?

Для рассмотрения этих вопросов ПИР-Центр провел в Москве¹ ряд международных экспертных обсуждений, в которых приняли участие программный директор Национального форума информационной безопасности Инфофорум Елена **Волчинская**, заместитель директора Департамента регулирования радиочастот и сетей связи Минкомсвязи РФ Георгий **Грицай**, советник по правовым вопросам посольства США в России Люк **Дембоски**, координатор программы ПИР-Центра Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом Олег **Демидов**, советник по развитию законодательства и регулирования Microsoft Russia Ульяна **Зинина**, заведующая кафедрой международного частного права Дипломатической академии МИД России Магина **Касенова**, заместитель Посла Великобритании в России Дэнис **Киф**, директор Координационного центра национального домена сети интернет Андрей **Колесников**, вице-президент ICANN по взаимодействию с заинтересованными сторонами в Российской Федерации, странах СНГ и Восточной Европе Вени **Марковски**, член Совета Координационного центра национального домена сети интернет Михаил **Медриш**, генеральный директор Group-IB Илья **Сачков**, советник Экспертной группы № 2 Сектора стандартизации электросвязи (МСЭ-Т) Международного союза электросвязи Ричард **Хилл**, председатель Совета ПИР-Центра Михаил **Якушев**.

ЯКУШЕВ: Сегодня, после ВКМЭ–2012 в Дубае, перед нами стоят вопросы управления интернетом в глобальной перспективе: произошел ли раскол интернета, стала ли конференция шагом на пути к более совершенной модели управления или же главным ее результатом стало отсутствие реальных изменений? Кроме того, речь идет о процессе формирования российской позиции в сфере глобального управления интернетом после ВКМЭ–2012. Мы попытаемся понять, в чем состоят стратегические национальные цели и определяющие ценности РФ при подготовке к ВВУИО+10 в 2015 г.

Еще один важный момент — различия в подходах России и ее западных партнеров к вопросам глобального управления интернетом. Где пролегает путь к устранению ключевых противоречий и какова возможная цена консенсуса? Наконец в рамках дискуссии невозможно обойти стороной вопрос о том, какую роль сегодня играет управление интернетом в контексте международной безопасности и глобального развития, как технологические и геополитические сдвиги в архитектуре Сети влияют на ее безопасность и устойчивость, а также на стимулы к дальнейшему развитию частного ИТ-сектора.

Надо отметить, что все эти вопросы обсуждались на площадке Рабочей группы по вопросам международной информационной безопасности и глобального управления интернетом (МИБ и ГУИ) при Экспертно-консультативном совете ПИР-Центра, однако сегодня они будут рассматриваться в рамках более широкого и представительного экспертного формата.

ИТОГИ ДУБАЯ–2012: SKYPE И ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА

ЯКУШЕВ: На конференции в Дубае и после нее периодически возникали вопросы в отношении того, кто участники процессов, составляющих *глобальное управление интернетом*. К сожалению, поведение российской делегации на встрече в Дубае и те события, которые происходили до и после Конференции, свидетельствовали о превалировании упрощенного подхода, дихотомии, в основе которой лежит противопоставление двух структур: специализированного учреждения ООН — Международного союза электросвязи (МСЭ) и организации, отвечающей за адресное пространство интернета, — Корпорации интернета по присвоению имен и адресов (*ICANN*). Вопрос ставился таким образом, что одна из этих организаций якобы должна была *победить* другую в борьбе за рычаги управления интернетом, и ключевой задачей в рамках такой логики было определение, кого должна поддержать Россия и в чем в этой связи должны заключаться российские интересы.

Этот подход представляется существенно упрощенным, потому что у каждой из этих двух организаций имеется достаточно узкое функциональное наполнение и четко очерченный круг компетенций, которые они реализуют в соответствии со своими уставными задачами. Сводить все глобальное управление интернетом к конфликту между МСЭ и *ICANN*, на мой взгляд, некорректно. Существуют другие международные организации и глобальные дискуссионные площадки. Помимо них на глобальную картину влияют интересы национальных государств, региональных и страновых организаций. В результате ландшафт и проблематика управления интернетом оказываются намного более сложными и гетерогенными, чем бинарная оппозиция двух крупных структур, как зачастую пытались представить итоги ВКМЭ–2012.

Однако в то же время нельзя не приветствовать тот факт, что российская делегация в Дубае и выступления ее представителей уже после конференции в значительной степени подчеркивают важность и значение *мультистейкхолдерского* подхода (*multistakeholder approach*). Это предполагает участие всех заинтересованных сторон, включая государственные органы, бизнес и гражданское обще-

ство, и сегодня к этому перечню все чаще добавляют научно-экспертные организации и сообщество интернет-пользователей. Возникает вопрос: насколько полно этот подход воплощается в практической деятельности российского государства, на площадках вышеупомянутых международных организаций, а также в рамках глобальных дискуссий в сфере управления интернетом.

Важное политическое значение имеет вопрос о коалиционных подходах к управлению интернетом. Позиция, которую отстаивала Россия на конференции в Дубае, не была поддержана большинством участников встречи. Тем не менее совершенно очевидно, что по многим вопросам современной повестки дня Россия не столько солирует, сколько исполняет роль лидера в рамках разнообразных внешнеполитических коалиций: как естественных, т. е. определенных географически, так и тех, которые связаны с определенным уровнем экономического развития, причем оба типа комплементарны друг другу.

В этой связи нельзя не упомянуть страны БРИКС — активный и перспективный для России формат, который, безусловно, нужно дополнить странами СНГ, государствами-членами ОДКБ, а также иными интеграционными объединениями, в которые входит РФ. Однако насколько наши партнеры по таким объединениям понимают и готовы поддерживать то, что Россия предлагает, насколько совпадают их цели и тактические подходы с нашими и, самое главное, насколько наши партнеры готовы отстаивать эти подходы вместе с Россией?

От ответов на эти вопросы зависит объем того внешнеполитического ресурса, которым Россия может располагать при выстраивании собственной линии в рамках глобальной повестки дня в сфере управления интернетом, в том числе в рамках ускоряющегося процесса подготовки ВВУИО+10 в 2015 г.

У меня также есть один специфический вопрос к Ричарду Хиллу. Сегодня огромное количество пользователей по всему миру используют сервисы IP-телефонии, такие как *Skype*. Как вы оцениваете изменение парадигмы телекоммуникаций, которое нам дает развитие технологий, подобных *Skype*, но в то же время влечет огромное количество вопросов экономического толка, проблем, связанных с обеспечением безопасности и т. д.? Поднимались ли эти вопросы в Дубае в формате выработки новых международных документов и если да, удалось ли участникам ВКМЭ продвинуться в их решении? Если же прогресса не последовало, как Вы оцениваете последствия этого факта именно для регулирования телекоммуникаций?

ХИЛЛ: Официально вопросы, связанные с безопасностью сервисов IP-телефонии, в том числе в связи со *Skype*, в Дубае не обсуждались; они лишь затрагивались косвенно в статье нового Регламента международной электросвязи (РМЭ), посвященной безопасности. С другой стороны, финансовые аспекты сервисов вроде *Skype* были предметом обсуждения в рамках ВКМЭ. Стратегического решения по поводу, что делать с вопросами IP-телефонии, принято не было, однако было решено обсуждать эти вопросы в дальнейшем, что указано в Резолюции № 5 ВКМЭ.

Как Вы справедливо отметили, *Skype* и подобные ему сервисы являются предметом оживленных споров, связанных с позицией телекоммуникационных операторов. Дело в том, что сервисы IP-телефонии не платят государственные сборы за право оказания телекоммуникационных услуг (*permission fees*), чем обеспечивают себе конкурентное преимущество по сравнению, например, с операторами GSM-телефонии. Но другие участники рынка, помимо операторов услуг IP-телефонии, имеют резон думать иначе: как и зачем я буду создавать инфраструктуру, если я не получаю денег в обмен на ее создание от субъектов, которые ее используют? Эту позицию активно отстаивали в последнее время европейские телекоммуникационные операторы, и она вызвала и продолжает вызывать много вопросов. Несомненно, отсутствие решения этих вопросов в ходе

ВКМЭ–2012 перекидывает мостик к их уже более серьезному и основательному обсуждению в будущем, в том числе, возможно, в рамках ВВУИО+10.

Однако данные вопросы не находились в центре повестки дня в Дубае. Возможно, нам всем здесь будет полезно общее, панорамное освещение повестки дня ВКМЭ, которое планируют сделать коллеги.

ДЕМИДОВ: Господин Хилл, спасибо, я как раз хочу представить некую общую панораму дубайской встречи с международно-политической точки зрения.

Прежде всего надо ответить на вопрос, следует ли рассматривать итоги дубайской конференции Международного союза электросвязи как некий водораздел, рубеж в истории глобального управления интернетом? С одной стороны, это так. С другой стороны, процесс глобального управления интернетом слишком диверсифицирован и включает множество игроков, площадок, параллельно развивающихся событий и встреч, в том числе самого высокого международного уровня. Например, мы ждем Всемирную встречу высокого уровня по вопросам информационного общества в 2015 г., являемся свидетелями регулярных конференций ICANN, Всемирного форума по политике в области телекоммуникаций МСЭ в Женеве в мае 2013 г., региональных форумов наподобие Европейского диалога по управлению интернетом (EuroDIG).

В этом смысле ВКМЭ–2012 не была чем-то исключительным. Да, произошло такое значимое в рамках относительно недолгой истории интернета событие, как пересмотр РМЭ. Однако существует всем известная карта со всем известным разделением голосов по итогам Дубая. Особенность ее в том, что она разделена на лагерь сторонников новых инициатив по внесению проблематики интернета в сферу компетенций МСЭ и группу противников таких инициатив. Это было интерпретировано экспертами, СМИ и некоторыми официальными лицами в России и за рубежом как ситуация политического характера, выходящая за рамки технических споров и дискуссий в рамках повестки дня ВКМЭ. И в центре данной политической тематики оказалась Россия как игрок, который инициировал процесс более радикального пересмотра существующего Регламента международной электросвязи, не включавшего ранее даже упоминания интернета.

Политическим моментом здесь является то, что деятельность РФ и поддержавших ее стран (ряд государств Персидского залива и Африки и Китая) стала попыткой через площадку МСЭ закрепить в международном документе идею суверенитета в интернет-пространстве. Это означало бы переформатирование нынешнего подхода к управлению Сетью на основе участия всех заинтересованных сторон в пользу примата государств в части принятия решений.

Такое видение российской позиции и содержания дискуссии в Дубае положило начало тезису о том, что дубайская конференция и ее итоги стали шагами международного сообщества к так называемой *холодной войне онлайн*. Это понятие возникло в первую очередь в западных оценках и в западной прессе.

Но проблема состоит в том, что площадка МСЭ вряд ли подходит для того, чтобы рассматривать вопросы управления интернетом в международно-политическом ключе. Регулирование телекоммуникаций, которое осуществляет МСЭ, это прежде всего комплекс мер сугубо технического характера, которые не подразумевают возможности ухода в плоскость определения суверенитета, определения полномочий государств в области регулирования национального сегмента интернета, поэтому не стоит чрезмерно драматизировать итоги Дубая и скатываться в радикальный спектр оценок.

Мы все знаем, что итоговые изменения, которые отразились в измененном Регламенте международной электросвязи, во многом носят косметический характер по сравнению с теми предложениями государств-участников, которые выдвигались изначально, еще в преддверии ВКМЭ. Со стороны ряда африканских государств поступали предложения о пересмотре принципа тарификации трансграничного

трафика, в свою очередь от РФ поступали предложения о введении понятий *суверенитета в интернете* и утверждении права национальных государств на суверенный контроль над системой имен DNS, распределением IP-адресов и т. п.

Эти предложения были сняты на предварительном этапе конференции и не вошли в итоговую повестку 12–14 декабря 2012 г., когда обсуждались самые важные вопросы и утверждался проект обновленного РМЭ. Иными словами, в целом в ходе конференции работал нормальный механизм согласования позиций; он дал сбой в последний день ВКМЭ, когда принцип принятия решений консенсусом был впервые нарушен в истории МСЭ. Но в течение всего периода подготовки конференции, сбора проектов поправок в РМЭ и большей части самих заседаний в рамках ВКМЭ этот механизм позволял отфильтровать самые радикальные, технически спорные и самые не поддающиеся согласованию консенсусом предложения.

Каковы отсроченные итоги дубайской конференции и почему они вызывают интерес не только у представителей интернет-сообщества, но и у экспертов в области международных отношений? Один из сценариев, который может реализоваться в ближайшей временной перспективе — усиление борьбы за перенос контроля и полномочий в сфере глобального управления интернетом с *мультистейкхолдерских* площадок на межправительственные площадки, где мнения простого или квалифицированного большинства официальных представителей государств будет обладать решающим значением. Неожиданный, но достаточно четкий и мощный импульс этой тенденции придали разоблачения Эдварда Сноудена, которые уже побудили президента Бразилии Дилму Русеф с трибуны ООН призвать к передаче контрольных полномочий по управлению Сетью от *американской ICANN* к структурам ООН.

Вопрос здесь в том, какими путями согласования пойдут и к какой конфигурации консенсуса придут государства в будущем? Удастся ли определить устраивающую всех площадку, которая позволила бы сохранить *мультистейкхолдеризм* как главный принцип глобального управления интернетом и одновременно обеспечить государствам должную степень контроля и полномочий — так, чтобы это негативно не отразилось на процессе управления Сетью и на экономике интернета?

Если консенсус окажется недостижим, возможны достаточно негативные сценарии, которые маловероятны сейчас, но могут актуализироваться в будущем. Один из таких сценариев — *цифровая Вестфалия*. Предполагается фрагментация системы глобального управления интернетом до уровня взаимодействующих, но вполне автономных сетей национальных государств и региональных структур. Такой путь действительно поможет реализовать контроль государств над интернетом и приблизит воплощение концепции суверенитета в информационном пространстве, но при этом пострадают трансграничное взаимодействие и процессы становления глобальной интернет-экономики как мотора глобального экономического развития.

Спрогнозировать, просчитать и проанализировать варианты развития тренда, в том числе исходя из итогов развития Дубайской конференции — одна из задач неправительственного доклада — *Белой книги ПИР-Центра*, мы прорабатываем эту идею в рамках Рабочей группы при Экспертно-консультативном совете ПИР-Центра.

МНИМЫЙ РУБИКОН И ВЕКТОРЫ РЕАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

КОЛЕСНИКОВ: Я хотел бы коснуться более широкой проблематики, связанной с конференцией МСЭ в Дубае и последующими событиями. Мой более чем 20-летний опыт работы с различными интернет-технологиями дает мне четкую уверенность в том, что сегодня политический процесс и развитие технологий необходимо разделять, потому что технологический прогресс движется на поря-

док быстрее, чем его политико-административное и нормативно-правовое регулирование. Вместе с тем право, структуры и политические практики тоже неумолимо меняются под влиянием глобальной передачи информации, идей и концепций.

Говоря о холодной войне в контексте интернета и ВКМЭ–2012, моя позиция рискует показаться несколько маргинальной, однако я считаю, что холодная война в интернете в достаточной степени стимулирует и подстегивает к движению вперед инженерное и техническое сообщество. Такое сообщество в ответ на любой политический вызов, связанный с ограничением прав и свобод в интернете придумывает новые технологии, основанные на самых современных решениях и математических формулах, которые позволяют с успехом обходить противоестественные ограничения на доступ и поиск информации в Сети, но это позиция инженера.

В целом же вокруг интернета существует некая *экологическая гармония*, которая с каждым годом всех нас движет в сторону прогресса — вот такое позитивное утверждение я хотел бы озвучить. На этом фоне представляется, что дубайская ВКМЭ не развернула общую тенденцию и ни в каком смысле не стала *Рубиконом* для управления интернетом.

Второй вопрос, который я затрону — суверенный интернет, который на самом деле есть явление не политическое, а техническое. Можно долго говорить о суверенитете, который необходим различным странам в интернете, а можно проводить активную государственную политику, которая позволяет такую систему реализовать и учитывать национальные интересы в области информационно-компьютерных технологий (ИКТ) в рамках отдельно взятого государства.

Например, Китай не особо ярко и активно выступает в защиту своей концепции *китайского интернета* на международных мероприятиях. Однако количество и объем совершенных КНР технологических прорывов поражают воображение: Китай — единственная страна, где принята государственная стратегия перехода на протокол IPv6. Наблюдая за тем, как развивается IT-экономика в КНР, западные эксперты и комментаторы теряют дар речи, даже не сказав ни слова о защите прав и свобод. Я говорю это к тому, что в практике мировой политики обычно выигрывают страны, которые меньше *болтают* и больше делают — это и есть самая эффективная защита национальных интересов, в том числе по вопросам управления Сетью.

Впрочем, нужно отметить позитивные сдвиги в этом направлении, которые сегодня демонстрирует наша страна уже после спорной по своим итогам дубайской ВКМЭ. В 2012 г. РФ вошла в тройку стран мира, обладающих наибольшей *связностью* интернета, т. е. количество входящих и выходящих трансграничных каналов интернет-коммуникации позволяет говорить о том, что наша страна максимально устойчива к флуктуациям и сбоям работы Сети, и нашу сеть каналов невозможно выключить из одного центра. Об этом можно говорить и этим фактом можно гордиться.

Дальше весьма интересная вещь имела место в мае 2013 г. в Женеве на Пятом всемирном форуме по политике в области электросвязи МСЭ. Россия впервые на моей памяти с трибуны крупной межправительственной организации провела комплексную презентацию своей позиции, показала цифры, представила подробную статистику, тенденции и динамику развития национального ИКТ-сектора. Делегация Минкомсвязи РФ озвучила российские планы по развитию информационного общества, что было весьма интересно услышать, а также оценить подробные данные по российским реальным достижениям в IT-индустрии.

Этот тренд мне кажется весьма позитивным и правильным, ведь для эффективного продвижения своей позиции и инициатив слова необходимо подкреплять цифрами, а у России они сейчас такие, что их совсем не стыдно предъявлять всему миру. В области ИТ-сектора Россия сейчас — успешная европейская страна,

на равных конкурирующая с ведущими зарубежными партнерами. Вот в чем я вижу один из ключевых приоритетов и сильных аргументов РФ в дискуссиях по вопросам управления Сетью. И на подобный ракурс полезно ориентироваться, не замыкаясь на вопросах мнимой *холодной войны онлайн* и конкуренции ICANN с МСЭ.

ГРИЦАЙ: Обозначу основные выводы, а также дальнейшие планы внутренней работы Минкомсвязи РФ, когда дубайский саммит остался в прошлом и мы уже сосредоточились на повестке 2014 г.

Во-первых, в подобных МСЭ широкоформатных организациях голос стран, мнения которых ранее обычно не учитывались, сегодня становится слышен и важен. Более того, традиционные и достаточно примитивные методы манипулирования голосами стран-членов и принуждения их к голосованию более не работают.

Во-вторых, четкая политика принятия решений, ее открытость и понятные средства осуществления — это обоюдоострый инструмент. В рамках именно такого механизма на ВКМЭ–2012 явно проявились промахи российской стороны при подготовке и участии в Конференции, но и промахи делегаций США и европейских стран. Все эти проблемы вскрылись в последний день ВКМЭ — 13 декабря 2012 г., когда был нарушен принцип принятия решений консенсусом государств-членов на площадке МСЭ и проект обновленного РМЭ был вынесен на экстренное голосование по инициативе иранской делегации.

В-третьих, при подготовке к любому масштабному мероприятию в области управления интернетом необходимо учитывать более широкий контекст, нежели тот, которым изначально оперировала российская делегация на саммите в Дубае. В частности речь идет о необходимости учитывать тенденции, инструменты и обязательства, которые принимались нами ранее в рамках других международных форматов, в том числе решения по присоединению России к Всемирной торговой организации (ВТО) и работы по присоединению к ОЭСР.

Связанный с этим вывод, который также надо учитывать при международной работе: в области интернета на самом деле не существует единого подхода, и *мультистейкхолдерский* подход, который пропагандируется и активно защищается странами Запада, не является единственно возможным. Для 89 стран, которые в итоге проголосовали за обновленный РМЭ, более актуален подход государственного административного регулирования, а не регулирования по методу *снизу вверх* (*bottom-up approach*) — и это их суверенный выбор, с которым следует считаться.

Ключевая идея, с которой российская делегация прибыла в Дубай — это начало процесса по получению правовых гарантий равноправного участия государств в управлении интернетом, или, по крайней мере, гарантий учета голоса РФ в вопросах глобального управления Сетью. На данный момент можно констатировать, что такие гарантии в ситуации *status quo* невозможны. Более того, они невозможны и в двустороннем формате, так как ни одно государство по отдельности не управляет интернетом, включая США, несмотря на все технологические и юридические преимущества этой страны. Соответственно, достижение правовых гарантий в многостороннем формате тоже пока невозможно, потому что консенсус между большим количеством государств труднодостижим, что и показала ВКМЭ в Дубае.

Все управление интернетом зиждется на консенсусе между всеми заинтересованными сторонами — в этом заключается и сила Сети, и основные риски, связанные с ее функционированием, поэтому нет никаких гарантий от появления альтернативной системы работы корневых серверов DNS. Теоретически нет никаких правовых гарантий от нарушения консенсуса между ICANN и теми организациями, которые занимаются распределением адресных ресурсов в сети интернет.

Отсюда же следует еще один вывод: в отсутствие международно-правовых гарантий равноправного участия в управлении интернетом государства могут иметь лишь некие технические гарантии, которые могут быть получены путем более

серьезной работы с теми неправительственными игроками, которые участвуют в саморегулировании интернета. Опять же сила и слабость этих организаций заключаются в наличии открытой политики принятия решений и следовании этой политике.

Интересный пример в этом смысле связан с Инженерным советом интернета (*Internet Engineering Task Force, IETF*) и Советом по архитектуре интернета (*Internet Architecture Board, IAB*) — речь идет о декларации, согласно которой в сферу компетенции этих организаций не входит стандартизация в сфере фильтрации и блокирования интернета. Однако учредительные документы этих организаций равным образом не предусматривают формальных оснований для отказа от рассмотрения этих планов. В частности, компанией *Huawei* и рядом других компаний сейчас прорабатываются проекты, связанные с техническими решениями в сфере фильтрации и блокирования контента в глобальной сети. Момент истины для такого рода организаций — следование принципам принятия решений и правильно организованная работа. Здесь основной вопрос состоит в том, будет ли доведена такая работа до конца и будут ли приняты такой организацией соответствующие документы.

Со стороны российских организаций также прилагаются усилия в этой области, в частности с целью популяризации российских криптографических алгоритмов для различного применения, в том числе в рамках протокола DNSSEC. Также ведется работа над архитектурными принципами интернета, в том числе разрабатываются протоколы глобальной адресации и маршрутизации в Сети и внедрения в них передовых механизмов защиты. В рамках этой деятельности Россия придерживается позиции, согласно которой в интернете на архитектурном уровне должны отсутствовать единые *точки контроля* и единые *точки отказа*, а также должен исповедоваться принцип децентрализации.

РФ в целом и Минкомсвязи в частности, равно как и ряд поддерживаемых министерством организаций, включая представителей интернет-отрасли, ведет работу с *ICANN* и другими организациями по согласованию и выработке политики в сфере управления интернетом. Обсуждаются и готовятся предложения по проверке данных тех лиц и организаций, которые регистрируют ресурсы, доменные имена и адресные диапазоны. Также готовятся предложения по принципам раскрытия таких данных для различных запрашивающих лиц, в том числе для правоохранительных органов, по принципам реагирования на запросы правоохранительных органов в части отзыва регистрации или блокирования соответствующих сайтов.

Отдельная тема — активно развиваемая *ICANN* программа новых доменных имен (*nGTLDS*), которая нарушила сложившийся баланс между принципами регистрации доменных имен в отношении страновых доменов (*ccTLDs*) и доменов общего назначения (*gTLDs*). Если ранее при создании новых доменов верхнего уровня предполагались согласования с национальными администрациями, то в рамках программы *nGTLDS* этот процесс отсутствует. Тем не менее в рамках программы могут регистрироваться домены, содержащие географические названия, топонимы, а также названия единиц административно-территориального деления или другие названия, в контроле над которыми естественным образом заинтересовано государство.

Ярким примером коллизии, к которой может привести реализация этой программы, стала недавняя дискуссия по поводу домена *.amazon*. Получив запрос на регистрацию такого домена от организации в США и столкнувшись с яростными протестами представителей стран бассейна Амазонки, *ICANN* после долгих дебатов отказала в регистрации домена.

Мы получили сообщение от западного сообщества о том, что его ключевые *стейкхолдеры* готовы работать по достаточно чувствительной тематике защиты детей от информации, приносящей вред их развитию и здоровью, и такая работа должна вестись в рамках ОБСЕ и ОЭСР. В то же время тематика кибертерроризма долж-

на обсуждаться на площадке ОБСЕ, а также в *Большой восьмерке*, площадками для работы по вопросам защиты персональных данных выступают Совет Европы и ОЭСР. Аналогичные площадки возникают и по вопросам контрафактной продукции.

Внутри России необходима концентрация ведомственных усилий, в частности привлечение Минэкономразвития и Минкультуры РФ к выработке консолидированной позиции на соответствующих международных площадках. Позиция Минкомсвязи может быть сформулирована следующим образом: нам очевидно, что интернет является основным на сегодня *проектором* социально-экономического развития с инновационным уклоном, что российский сегмент интернет-экономики, по данным на 2012 г., составил 4,5–5% ВВП, причем темпы роста в этом сегменте были и остаются гораздо выше, чем в иных секторах национальной экономики.

Мы понимаем потребности государства в сфере информационной безопасности, однако политические и технические решения в области информационной безопасности, как правило, обречены быть неким тормозом для развития интернета. Такие решения создают дополнительную нагрузку на бизнес, на операторов, на поставщиков интернет-сервисов. Исходя из этого Минкомсвязи РФ объективно заинтересовано в поиске баланса между запросами государства и интересами бизнеса. Работая по направлению информационной безопасности, мы не хотим разрушить эту сбалансированную конструкцию.

Есть *домашнее задание*, которое должно быть выполнено РФ для содействия глобальному развитию Сети, оно касается повышения внутренней связанности сетей, увеличения точек перехода границы. Важно проводить работу по переносу на российские площадки зарубежных поставщиков контента и сервисов, важно развивать национальных поставщиков контента и различных услуг, не менее существенной задачей является увеличение доли международного транзита в российских сетях. Однако вопросы, связанные с обеспечением безопасности и дополнительной нагрузки на бизнес в данном случае особо чувствительны.

Работа по вышеперечисленным направлениям — основной гарант устойчивости российского интернета, а также залог того, что голос России будет услышан на международной арене в вопросах управления интернетом, в том числе на ключевой площадке ВВУИО+10.

КАСЕНОВА: Очень важным вопросом является компетенция участников международных дискуссий по вопросам управления Сетью, а также сами площадки и форматы решений, которые участники могут принимать. Сегодня в МСЭ, который имеет статус специализированного учреждения ООН, входят 193 государства-члена, и никакие иные *стейкхолдеры* в нем участвовать в принятии решений не могут.

Соответственно, тот обновленный Регламент международной электросвязи, по которому велись обсуждения и голосование в Дубае, должен соблюдаться проголосовавшими за него государствами-членами, а не абстрактным сообществом. Вместе с тем в процесс глобального управления интернетом включены другие площадки, где ситуация может отличаться.

Существует и активно действует площадка Всемирного форума по управлению интернетом (IGF), которая действует с 2006 г. в рамках ООН в соответствии с планом реализации решений Тунисского этапа ВВУИО.

Обратной стороной широкого и равного участия является то, что принимаемые в рамках *мультистейкхолдерских* форматов решения не создают прецедентов и новых норм международного права и в основном носят рекомендательный характер. Суть позиции России заключается в том, что она как суверенный субъект международного права проводит самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику в этой сфере, и не делает скидок на специфику информационного пространства в реализации своих суверенных прав. Степень осознания и согласия государства

со своей ролью в качестве одного из равноправных участников *мультистейкхолдерской* модели существенно разнятся в западных странах и таких государствах, как Россия, Китай, Куба.

ПОЛИТИКА НА ГРАНИ СХОЛАСТИКИ

КАСЕНОВА: Вместе с тем не стоит игнорировать тот факт, что на протяжении практически всей 40-летней истории интернета финансирование его развития велось и ведется преимущественно за счет правительства США. Дело в том, что *ICANN* — американское юридическое лицо, которое было создано в качестве некоммерческой корпорации, и мы имеем дело с ситуацией, когда американское юридическое лицо в своей структуре имеет Политический консультативный комитет (*ICANN Government Advisory Committee*), в который входят представители государств. Это уникальная композиция, но она все равно не меняет статус этой организации.

Сразу после дубайской конференции Россия оказалась в ситуации выбора: сохранить *мультистейкхолдерский* подход, который есть сегодня, либо попытаться перевести организационно-правовую модель глобального управления интернетом на рельсы межправительственной международной организации вроде МСЭ, чтобы утвердить примат государства в процессе выработки глобальной политики в этой сфере.

Вопрос до сих пор открыт, и простого решения не может быть хотя бы по той причине, что эта альтернатива построена на сопоставлении площадок с различными компетенциями. Вообще, смешивание интернета и телекоммуникаций в единую проблематику может быть заложено в российском подходе уже на уровне терминологии и самой концепции.

Характерно, что на Западе говорят об *информационных и коммуникационных технологиях*, а в России во всех документах приводится официально принятая формулировка *информационно-коммуникационные технологии*, что содержательно меняет смысл. С 2005 г. Верховный Суд США определил, что если в контексте тематики ИКТ речь идет об информации, то это вопросы услуг и сервисов, а если речь идет о коммуникации — то это вопросы связи и соответствующих регулирующих норм.

Из этого подхода во многом вытекает политика США на международной арене. Если в рамках международных дискуссий рассматриваются вопросы телекоммуникаций — Вашингтон готов обсуждать их на площадке МСЭ, если же речь идет непосредственно об информации, то это вопросы информационных сервисов, и тогда мы иначе подходим к правовому регулированию этого вопроса. Каждое государство, являющееся членом МСЭ и ООН, обладает суверенитетом, и его право поступать так, как оно сочтет необходимым.

Мне кажется, что создавать один документ для интернета на международном уровне бессмысленно. Однако нужно также учитывать исторический контекст ВКМЭ в Дубае в 2012 г. Предыдущая версия РМЭ была принята в 1988 г., поэтому к моменту проведения ВКМЭ он естественным образом не отражал сегодняшние реалии и нуждался в *апдейте*. Прежний РМЭ имел статус, приближенный к международному договору, соответственно и новый РМЭ будет обладать аналогичным статусом для тех государств, которые его подписали или подпишут. Иными словами, подводя итоги ВКМЭ–2012, следует говорить о конкретных пунктах, зафиксированных в договоре международной организации.

Подчеркну, не следует придавать встрече в Дубае излишнее значение — это просто новый этап осознания международным сообществом, что такое интернет.

МАРКОВСКИ: Да, *ICANN* — это юридическое лицо США, основанное именно в Калифорнии, так сложилась история. Здесь нет противоречия и тем более попыток как-то искусственно уместить процесс глобального управления интернетом

в правовое поле США. ICANN ни в коем случае не претендует на монополию или исключительность. А еще до основания компании американские представители в 1995 г. обратились к руководству МСЭ с вопросом, хотел бы МСЭ взять под свой контроль вопросы управления системой DNS, а также системой IP-адресов. На это от МСЭ был получен следующий ответ: «На данный момент мы не видим целесообразности и необходимости в принятии на себя таких функций, поскольку будущие перспективы развития интернета в целом представляются сомнительными». Видимо, ситуация значительно изменилась.

Однако Дубай не является каким-то водоразделом — все главное нас ждет впереди. Как справедливо отметил Георгий Грицай, в мире есть еще площадки для согласования подходов к управлению интернетом, не говоря уже про процесс подготовки к ВВУИО+10. Также работает комиссия ЮНКТАД по вопросам цифровых технологий и развития интернета, — там тоже участвуют не только государства, но и другие *стейкхолдеры*. В общей сложности насчитывается минимум 7–8 крупных глобальных площадок, на которых идет международное обсуждение вопросов, пересекающихся с дубайской повесткой дня в части управления интернетом.

Главную позитивную тенденцию и залог конечного успеха я вижу в том, что обсуждение идет, пусть и в формате конфликтного голосования, как на ВКМЭ. Вот если диалог застопорится, тогда есть риск, что число подписантов и сторонников нового РМЭ будет шириться и тенденция не обратится вспять.

Приведу любопытную деталь. Как участник ВКМЭ–2012 могу подтвердить, что на дубайской площадке велась широкая и активная дискуссия внутри делегации Евросоюза, и если бы не ряд предложений, внесенных в последний момент, ЕС мог бы согласиться на поддержку большинства тех инициатив, которые были озвучены в начале конференции, возможно, вопреки собственным принципам и интересам.

ЯКУШЕВ: Если возвращаться к совместной позиции монархий Персидского залива, Ирана, Китая и России, то, *во-первых*, суть их предложений — изменение принципа тарификации с учетом трансграничного трафика и введение Международным Союзом электросвязи понятий и определений, связанных с интернетом и регулируемых интернетом. Правда, в финальной версии российских предложений этих понятий было не так уж и много.

Во-вторых, надо понять, ради чего эти предложения выносились. Есть много конспирологических теорий, что в реальности это было сделано ради распространения принципа национального суверенитета в интернете и введения жесткой цензуры в Сети. Подведение вопросов, связанных с инфраструктурой интернета, под национальное регулирование означает закрепление права государств по собственному усмотрению регулировать в соответствии с национальным законодательством контент в интернете.

Из-за этого разгорелся принципиальный спор, так как речь идет о странах, которые известны достаточно жесткой системой цензуры в интернете как по производным принципам, что мы видим в Иране, так и по юридически закрепленным принципам, что мы видим в КНР. В России подобного рода цензурные ограничения были введены начиная с ноября 2012 г., но пока они не имеют политического характера.

В-третьих, надо определить, насколько эта позиция отражает интересы стран, которые в том числе являются партнерами России? Казахстан поддержал предложения России, а Белоруссия и Армения выступили против. В этой связи возникает вопрос: насколько эффективно Региональное содружество в области связи (РСС), которое должно было согласовывать позиции своих членов по таким вопросам? К слову, РСС зарегистрировано под российской юрисдикцией как частное предприятие, т.е. как и ICANN, в строгом смысле слова не является международной организацией.

В-четвертых, насколько все предложения поддерживаются не только сотрудниками МИДа и Минкомсвязи, но и российским бизнесом и интернет-сообществом? Здесь возникают большие проблемы с соблюдением принципа *мультистейкхолдеризма* и признанием этой позиции как отражающей интересы всех российских граждан и всех пользователей интернета. Да, представители *Координационного центра национального домена сети интернет* были в составе российской делегации в Дубае и принимали участие в работе конференции, но они не участвовали в выработке российской позиции. В России есть площадка, представляющая интересы бизнеса, — Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК), но и сюда представители государственных органов ни разу не обращались для формулирования российской позиции в Дубае.

Все вышеприведенное однозначно отвечает на вопрос о том, насколько российская официальная позиция отражает интересы российского экспертного сообщества и российского бизнеса и как она согласована даже в рамках тех коалиционных международных объединений, участником которых является Россия. Даже по БРИКС мы видим *разноголосицу* в отношении РМЭ.

ГРИЦАЙ: Хотел бы вмешаться и сделать ряд уточнений. Во-первых, Бразилия, как и Россия и Китай, подписала обновленный РМЭ. Во-вторых, Индия, хотя и не голосовала, также не может считаться оппонентом предложенных нововведений, поскольку она зарезервировала время для обсуждения своей позиции на правительственном уровне, т. е. *разноголосица* не такая уж существенная.

Возвращаясь к поддержке Россией модели многостороннего участия в принятии решений; здесь вопроса нет: Россия участвовала в подготовке и подписании документа ВВУИО, где эти принципы декларируются, и Россия их поддержала. Россия также неоднократно выражала свою поддержку данной модели, например, в Довильской декларации *Группы восьми* в 2011 г., и обязалась ему следовать в части разработки своей национальной интернет-политики.

При этом мы разделяем государство в целом и его государственный аппарат. На уровне государственного аппарата решения принимаются и реализуются *сверху вниз*, а на уровне государства в целом работает модель *снизу вверх*. В то же время консолидированная позиция российских ведомств в полной мере не обеспечена, и здесь есть задел для работы, которая пока ведется медленно. Соглашусь также, что в рамках координационных и совещательных органов Минкомсвязи и МИД РФ отечественные неправительственные организации не участвуют, но в рамках экспертных рабочих групп при этих ведомствах участвует значительное число российских специалистов из других организаций.

ХАКЕРЫ: МЕЖДУ КРИМИНАЛОМ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ УСЛУГАМИ

ДЕМИДОВ: В контексте управления интернетом и международных усилий в этой области остро стоит проблема киберпреступности. Как здесь обстоят дела и какие проблемы, в том числе проблемы политические, проблемы международные, стоят на пути борьбы с ней?

САЧКОВ: Ежегодно российская компания *Group IB* проводит исследования совместно со 153 партнерами по всему миру и приблизительно оценивает реальный ущерб от компьютерной преступности. Кстати, я хотел бы отметить, что мы специально вводим два понятия: русский и российский рынок. Российский рынок — это хакеры и иные преступники, которые действительно являются гражданами Российской Федерации. Русский рынок шире и соответствует пониманию слова *русский* на Западе, где оно употребляется в адрес любого человека, который может быть гражданином Латвии либо бывшим россиянином, живущим в Таиланде.

Российский рынок весьма не маленький, однако он не является лидирующим в мировом масштабе. Если за 2010 г. рынок российской киберпреступности соста-

вил 1,3 млрд долл., то в 2011 г. этот рынок вырос в 1,5 раза и составил 2,055 млрд долл. В то же время русский рынок киберпреступлений — это 4,5 млрд долл. В 2012 г. российский рынок киберпреступности стагнировал и дошел до отметки в 1,938 млрд долл. — такие деньги были похищены со счетов российских и иностранных граждан, а также со счетов корпораций. Кроме того, эти цифры включают *внутренний рынок* киберпреступности, когда один киберпреступник оказывает услуги другому.

Существенное обострение ситуации с киберпреступностью в РФ пришлось на 2010 г. и последовало во многом из-за чувства безнаказанности и быстрого выхода организованного криминала на этот рынок, а также из-за *дыр* в российском законодательстве. Пробелы в законе в части компьютерных преступлений существуют во многих странах мира, но у нас они достаточно заметны и, увы, никуда не исчезли даже с изменением в декабре 2011 г. главы 28 Уголовного кодекса. Соответственно, никуда не исчезли и сверхприбыли киберпреступников, что обуславливает достаточную сложность этой проблемы в России в настоящее время.

Например, два русских хакера из группы *Carberp*, пользуясь платежной системой *WebMoney*, украли за полтора месяца 24 и 26 млн долл. соответственно. Другой россиянин в возрасте 16 лет первым в мире создал ботсеть, предназначенную для сдачи в аренду, и за полтора года заработал 1,7 млн долл. И это не является исключением из правил — рынок киберпреступности достиг размаха традиционного криминала и стал достаточно опасным. Оборот российской киберпреступности соизмерим с оборотом марихуаны и гашиша.

Характерно, что сейчас многие преступные элементы, которые в 1990-е гг. занимались оружием, наркотиками, торговлей людьми, сейчас переходят в область киберпреступности по причине того, что если торговля оружием и наркотиками сегодня вызывает серьезную озабоченность правоохранительных органов и общественности, проблема организованной киберпреступности все еще игнорируется.

В России также существует понятие *гонки вооружений* в области компьютерной преступности. У нас ежегодно тратятся огромные деньги на информационную безопасность, но при этом количество атак и инцидентов растет. Это происходит, потому что без привлечения людей к ответственности начинается *пинг-понг* злоумышленников и специалистов по ИТ-безопасности.

В группе *Carberp* программист получал 35 тыс. долл. в месяц. Это мировой рекорд по заработку для человека, который занимается разработкой программного обеспечения. Именно по этой причине талантливые молодые люди, к сожалению, становятся на путь совершения киберпреступлений.

В истории российской криминальной хроники не так давно возникли два персонажа: г-н Аникин, российский хакер, укравший у Королевского банка Шотландии 10 млн долл., и г-н Блинников, взломавший рекламный монитор на Садовом кольце. Первый получил пять лет условно, и его СМИ называли *героем*, второй — шесть лет колонии. Я не понимаю, в чем состоит его *героизм*. После таких случаев люди понимают, что заниматься киберпреступностью выгодно — вряд ли вы получите реальные сроки лишения свободы.

Еще один пример — это Леонид Куваев. Несмотря на действующие в США обвинительный приговор и штраф в 37 млн долл. с возможностью отбывания тюремного заключения до 25 лет, в России его могли посадить только за преступление против несовершеннолетних. Первоначально суд дал ему 20 лет лишения свободы, а потом смягчил до 10 лет лишения свободы.

Основным в России является мошенничество, связанное с интернет-банками, потому что рост электронных платежей в России составляет примерно 200% в год, и хакеры, раньше воровавшие деньги в западных странах, сегодня вернулись в Россию. Во многом трудности борьбы с этим явлением обусловлены отсутствием понятия *место совершения преступления*. Верховный суд говорит, что это место,

где злоумышленник получил возможность распоряжаться денежными средствами, но каждый территориальный орган МВД это трактует по-разному — там, где был заражен компьютер, либо где были деньги обналичены, либо где находился расчетный счет и так далее. Это тоже проблема.

Возьмем пример ботнета, созданного для кражи денег у юридических лиц. В своей практике наша компания сталкивалась со многими десятками случаев ботнетов, поражающих тысячи бухгалтерских компьютеров практически всех российских платежных систем. На форумах киберпреступников хакеры, выставляя ботнеты на продажу или продавая доступ к взломанным данным, указывают, сколько денег и в какой валюте находится на счету. Миллионы рублей уходят в теневой оборот.

Современная российская киберпреступность — это люди в возрасте около 25 лет. В 2013 г. были арестованы члены и организаторы самых крупных групп в истории российской киберпреступности, и большинство из них получило реальные сроки. Речь идет о группе *Carberp*, которая действовала против Сберегательного банка Российской Федерации, а также группах *HotPro* и *Hermes*. В каждую из них входили примерно по 20 человек, большинство из них были арестованы, некоторые находились на территории Украины и пытались уйти от ответственности, но в основном все же получили реальные приговоры.

Это пример того, что какие-то позитивные прецеденты в России происходят, но проблем с законодательством, к сожалению, пока еще много. Пример очередного ботнета — 1,4 млн зараженных бухгалтерских машин на территории РФ. Организатор 1987 г. рождения, у других членов преступной группы годы рождения в основном 1983, 1988. Все они долларовые миллионеры.

Есть позитивные сдвиги. В конце 2011 г. благодаря *Координационному центру национального домена сети интернет* мы запустили несколько горячих линий по противодействию *фишинговому* вредоносному программному обеспечению и управлению ботнетами в российских национальных доменах *.ru* и *.рф*. Благодаря этому шагу количеству *фишинговых* доменов в России не растет. Это не означает, что люди в России перестанут страдать от *фишинга*, но, по крайней мере, *фишеры* будут аккуратней к этому относиться, к тому же несколько уголовных дел по *фишингу* наша компания во взаимодействии с правоохранительными органами РФ реализовала.

Итак, в России есть проблемы с законодательством и есть проблемы в общественном восприятии киберпреступности. Компьютерных преступников, судя по опросам, которые мы проводили, большая часть населения не считает преступниками, хотя на самом деле они являются уголовниками, а иногда они более опасны, чем *классические* преступные элементы.

Сегодня нам требуется синхронизация международного межведомственного сотрудничества прежде всего в процессуальном аспекте, так как многие преступные группы находятся в странах, которые с Россией в принципе не сотрудничают и могут долгие годы совершать эти правонарушения. На мой взгляд, необходимо ужесточит уголовную ответственность за компьютерные преступления: когда хакеры за кражу 10 млн долл. получают пять лет условно — это не самый хороший пример.

ДЕМБОСКИ: В качестве реакции поделюсь собственным опытом борьбы с трансграничной киберпреступностью. В России я был в качестве дипломата в течение двух лет, но десять лет назад я вел уголовные процессы, связанные с компьютерной преступностью по всему миру. Мой опыт работы в этой сфере гораздо более обширен, нежели на ниве дипломатии, и в ходе обсуждения я вижу, что наши страны имеют точки соприкосновения в плане киберпреступности.

Очевидно, что было невозможно отделить преступления, повлиявшие на финансовую сферу, и рядовые уголовные процессы от проблем в сфере национальной безопасности. Но если мы с вами не в состоянии разделить эти вопросы, если всег-

да ощущается гигантское присутствие угрозы национальной безопасности, то мы оказываемся парализованы в сотрудничестве по обычным киберпреступлениям.

Соответственно, когда представители российского МИД озвучивают концепцию триады угроз в информационном пространстве, которая подразумевает нераздельность этих угроз, я не могу с ними согласиться. То, что делает интернет успешным, — это степень его подвижности, гибкости, динамичности и рассредоточенности. Если все, что мы обсуждаем сегодня, сводится к тому, что рядовое киберпреступление автоматически становится вопросом национальной безопасности, это сразу все усложняет, и компьютерные мошенники оставляют нас далеко позади по скорости своих действий. Поэтому нужно как можно более четко разделить киберпреступность и национальную безопасность, чтобы мы смогли преуспеть в борьбе с криминалом.

ЯКУШЕВ: Где гарантия, что те же люди за определенное вознаграждение не будут заниматься взломом личных аккаунтов оппозиционных политиков в стране *N*, чтобы предотвратить нормальный избирательный процесс? А после этого те же люди получают деньги и начинают кибератаку против страны *Z*. Фактически они совершают кибернападение. И те методы, тот инструментарий, которым они будут пользоваться, во всех случаях одинаков. К тому же это одни и те же люди. Как можно их противоправное поведение подразделять на разные категории в правовом и процессуальном смысле?

ДЕМБОСКИ: Методы и каналы, которые они используют в большинстве своем одни и те же, но если вы обратите внимание на хакеров, которые взломали счета Королевского Банка Шотландии, вы увидите, что это преступники и это киберпреступление, а не действия России против США. В Кремниевой долине, когда я веду переговоры с компаниями об инвестировании в Россию, меня не спрашивают о кибервойнах — они заботятся об ответном реагировании российских правоохранительных органов, способности защищать их системы и банковские счета от преступлений.

СЫЩИКИ КАК ДИПЛОМАТЫ

ДЕМБОСКИ: Уголовные дела, которые я возбуждал по всему миру, осуществлялись в самых разнообразных странах, очень сильно отличающихся от США, но преимущественно это были страны из бывшего Восточного блока. Я могу рассказать о трех компонентах в борьбе с киберпреступностью.

Во-первых, вам нужны хорошие законы, но, может быть, не такие хорошие, как вы думаете. *Во-вторых*, вам нужны хорошие технологии, но, может быть, и не самые совершенные. *В-третьих*, и это самое важное, вам нужны очень хорошие личные связи между следователями разных стран. В тех странах, с которыми мы работаем, мы поименно знаем людей, сотрудничающих с нами. Небольшая группа сотрудников правоохранительных органов делает огромную работу по всему миру. Такова моя задача в России: мы хотим выстроить именно такие отношения с нашими российскими партнерами.

Возвращаясь к прозвучавшему вопросу, мы на уровне законодательства отделяем киберпреступность как таковую от киберугроз национальной безопасности. Уголовные преступления и сбор доказательств совершенного преступления и преступления против национальной безопасности — это совершенно разные области.

Да, у нас есть уголовное право в этой сфере. Я выступал прокурором в самом большом хакерском деле в истории США в 2010 г., и я прибегал к помощи законодательства о несанкционированном доступе и мошенничестве, которому уже 50 лет. В итоге, я добился приговора о 13-летнем тюремном заключении даже после согласия преступника на сотрудничество со следствием. Все, что было необходимо для этого — это налаженные связи со следователями из других стран.

ЗИНИНА: Хотелось бы задать Илье Сачкову вопрос по поводу утверждения о безнаказанности российских или русских киберпреступников. Вы отметили, что имеются различные проблемы в законодательстве, которые препятствуют расследованиям, а также мешают привлекать преступников к ответственности. Какие проблемы в наибольшей степени мешают привлечению виновных лиц к ответственности и получению ими реальных сроков?

САЧКОВ: Я уже сказал про мягкость Уголовного кодекса РФ в отношении киберпреступников; мы активно работаем над исправлением этой ситуации. Большинство дел по компьютерным преступлениям подаются в полицию в виде бумажных документов. И если одна преступная группа действует на территории Российской Федерации и совершает 100 преступлений, то до следствия в лучшем случае дойдут один или два эпизода. Были случаи, когда до 20 следователей в разных регионах страны расследовали действия одной и той же преступной группы параллельно, без взаимодействия друг с другом. Такие печальные парадоксы — результат отсутствия синхронизации следственной информации в российской правоохранительной системе. Корень ее заключается в том, что мы пока не можем отойти от бумаги — это проблема технического характера.

Вторая проблема связана с отсутствием четкого механизма определения места киберпреступления. Несмотря на то что существует соответствующий разъяснительный документ Верховного суда РФ и Следственный комитет РФ в случае хищения через систему электронного банковского обслуживания понимает под местом преступления расчетный счет пострадавшего лица, каждый территориальный орган это трактует по-разному. Некоторые дела по киберпреступлениям до двух лет висают на стадии определения места совершения преступления, от которого зависит, какой орган будет их расследовать.

Наконец люди, которые расследуют компьютерные преступления, в абсолютном большинстве не являются следователями по компьютерной преступности и не имеют соответствующей базы знаний. Это следователи, занимающиеся убийствами и автомобильными кражами, аналогичная ситуация складывается с судьями и прокурорами. Поэтому желательно усилить имеющуюся программу обучения либо создать отдельную группу следователей, специализирующихся на рассмотрении дел по киберпреступности. Сегодня следователей, которые могут качественно довести подобное дело до конца, порядка 15 человек во всей стране, а в оперативном подразделении по неправомерному доступу Управления «К» МВД России буквально 10 специалистов на всю Россию.

Соглашусь с вами и по поводу отсутствия цифровых доказательств. Каждый следственный орган изымает данные по-разному, и сейчас появилось целое поколение адвокатов, которые строят свою работу на защите конкретных киберпреступников. Эти адвокаты знают, что специалисты по криминалистике не всегда действуют юридически корректно, не всегда правильно изымают информацию, поскольку нет универсальной методики изъятия компьютерной информации, да и понятие цифровой безопасности отсутствует.

Проблема Уголовно-процессуального кодекса также очень важна. Мы видим, что не работает главная вещь в правосудии — человек после уголовного срока не прекращает заниматься преступной деятельностью. В одной из киберпреступных групп утром человека задержали, вечером привезли в суд, суд постановил подписку о невыезде, а через два дня этот человек находился в соседней республике, где через три дня запустил свой ботнет заново. Причем речь шла о преследовании по делу об атаке на системы Сбербанка, чьи специалисты информировали о преступлении непосредственно министра внутренних дел РФ. Т.е. человек не боится заниматься заново этим делом.

ЗИНИНА: У меня вопрос к Елене Волчинской. Как вы считаете, насколько Европейская (Будапештская) конвенция о киберпреступности 2001 г. сегодня актуальна? Ведь в самом документе содержится достаточно широкий список составов про-

тивоправных действий, совершаемых посредством использования ИКТ, которые признаются уголовными преступлениями. И если сравнивать нормы конвенции с Уголовным кодексом РФ, на кажется очень актуальной для нас. Так почему бы не использовать ее для модернизации нашего законодательства?

ВОЛЧИНСКАЯ: Участники Будапештской конвенции уже два года работают над ее новой редакцией. Это свидетельствует о том, что страны Европы признают ее устаревание. Этот документ достаточно узок по своей сфере охвата, в нем нет востребованных механизмов государственно-частного партнерства, там фактически не решены вопросы юрисдикции и т. д., поэтому если говорить о составах преступлений с использованием ИКТ с акцентом на преступления против контента, нормы конвенции здесь узки и недостаточны.

В этом смысле российский УК идет впереди, мы решаем вопросы, с которыми сталкиваемся в сегодняшней практике киберпреступности. Мы не единственные, кто с ними сталкивался в части экстремизма, в части распространения через интернет информации о наркотиках, т. е. с теми типами преступлений, которые связаны с созданием и распространением неприемлемого и противоправного контента.

В целом вопросов сейчас на повестке дня гораздо больше, они очевидны для всех, учитываются *Группой восьми* и поднимаются в рамках международных встреч и саммитов. Иначе говоря, обновление повестки дня и сопутствующее обновление правового инструментария борьбы с киберпреступностью — это объективный процесс. Будапештская конвенция сделала свое дело, и мы должны очень грамотно проанализировать результаты ее работы.

КИФ: Для борьбы с угрозами кибербезопасности, включая киберпреступность, Великобритания инвестирует в 2012–2015 гг. 650 млн фунтов стерлингов в рамках специальной национальной программы. Мы создали структуру по международной информационной политике в рамках британского МИД, чтобы координировать свои усилия в этой сфере. В настоящее время осуществляется тесное сотрудничество между правительственными органами и Агентством по борьбе с организованной преступностью и прокуратурой, а также ведется работа с нашими заграничными представительствами по оказанию содействия международному сотрудничеству в области наращивания потенциала.

Если мы хотим реализовать такое видение киберпространства, при котором мы совместно с другими государствами ликвидируем *тихие гавани* для преступников, а политические дебаты поощряются и инновациям и творчеству позволено процветать, это потребует усилий со стороны государства, бизнеса и гражданского общества.

С осени 2012 г. мы создали новый центр по наращиванию потенциала в сфере глобальной кибербезопасности в Оксфорде. Этот центр сотрудничает с зарубежными правительствами, международными организациями и частным сектором, чтобы способствовать наработке опыта. Мы выделяем полмиллиона фунтов стерлингов в год на его деятельность. Благодаря этим усилиям мы начинаем менять взгляд международного сообщества на киберпространство. Но мы должны идти дальше по этому пути, так как угрозы и вызовы, с которыми мы сталкиваемся, могут стать более серьезными.

В начале 2013 г. преступники использовали предоплаченные карты *MasterCard* и *Visa*, чтобы похитить свыше 42 млн долларов США из банков по всему миру. Этот случай, а также упомянутые российскими коллегами примеры масштабных киберпреступлений убедительно доказывают, если ничего не предпринимать, благополучие каждого из нас будет весьма уязвимо.

Однако возможности киберпространства, расширяющие экономический потенциал во всем мире, так же важны, как и угрозы в интернете. Британское министерство торговли и инвестиции посчитало, что объем глобального рынка кибербезопасности составляет уже более 123 млрд фунтов стерлингов, поэтому мы должны

координировать наш опыт в этом секторе, особенно на рынках с высоким потенциалом роста.

Именно поэтому мы создали *стратегию киберэкспорта*, которая стартовала в мае 2013 г. Мы считаем, что акцент на кибернетические знания и опыт будет только усиливаться, пойдет ли речь о новых возможностях для процветания или необходимости защиты основных прав человека. И я надеюсь, что наша совместная работа поможет пролить свет на ключевые вопросы, связанные с противодействием трансграничной киберпреступности, послужит закладке и укреплению фундамента международного сотрудничества в преодолении вызовов цифрового века и будет способствовать максимально полной реализации его колоссальных преимуществ.

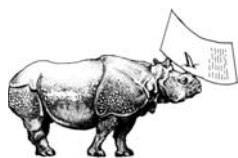
ДЕМИДОВ: Коллеги, в завершении скажу, что материалы и итоги данного обсуждения будут использованы ПИР-Центром для подготовки доклада — *Белой книги по вопросам информационной безопасности и управления интернетом*, которая будет опубликована в 2014 г.

Примечания

* Это произведение доступно по лицензии *Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivs* (Атрибуция — Некоммерческое использование — Без производных произведений) 3.0 Непортированная. Вы можете свободно копировать, распространять и передавать другим лицам данное произведение.

¹ При подготовке круглого стола использованы материалы следующих мероприятий:

- а) Международный семинар ПИР-Центра *Информационно-коммуникационные технологии в контексте международной безопасности: поиск общих подходов*, который был проведен при поддержке Министерства иностранных дел Великобритании в рамках проекта ПИР-Центра *Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом* 31 октября 2012 г. в Москве, Россия;
- б) Международный семинар ПИР-Центра *Управление интернетом после ВКМЭ–2012 в Дубае: определяя ключевые глобальные тенденции и оценивая российские национальные интересы*, который был проведен при поддержке Фонда содействия развитию интернета *Фонд поддержки Интернет* в рамках программы ПИР-Центра *Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом* 30 мая 2013 г. в Москве, Россия.

Игорь Сергун

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ ДЛЯ РЕГИОНА ЕВРОАТЛАНТИКИ¹

Современная международная военно-политическая обстановка характеризуется снижением вероятности развязывания крупномасштабной войны в Евроатлантическом регионе при одновременном нарастании напряженности и количества кризисов в различных районах мира. При этом если предпосылки возникновения глобального военного конфликта имеют тенденцию к уменьшению, то перечень нетрадиционных угроз расширяется.

Усиливается также влияние фактора неопределенности на развитие международной обстановки, вызванного:

- ❑ отсутствием среди государств единых взглядов на дальнейшие перспективы мирового развития и обеспечение международной безопасности;
- ❑ последствиями глобального кризиса мировой экономики и возможностью краха финансовых систем в ряде ведущих стран;
- ❑ противоречивым характером процесса глобализации;
- ❑ обострением борьбы за обладание и доступ к стратегическим ресурсам;
- ❑ нарастанием проблем демографического характера;
- ❑ расширением транснационального терроризма и экстремизма.

Наряду с этим вызывают опасение тенденции распространения оружия массового поражения в ряде государств, рассматривающих его в качестве единственного средства гарантированной защиты от внешней агрессии.

Возникают также другие принципиально новые вызовы, такие, как морское пиратство, милитаризация космоса и угрозы в киберпространстве. К примеру, только в ходе проведения Летней Олимпиады в Лондоне было зафиксировано более восьми млн хакерских атак на олимпийскую информационную инфраструктуру.

Кроме того, опасность для сложившегося миропорядка представляет тенденция, связанная с игнорированием рядом стран важнейших принципов Устава ООН, предусматривающих отказ от применения силы в разрешении международных споров, уважение суверенитета и территориальной целостности государств, невмешательство в их внутренние дела.

По нашему мнению, на современную ситуацию в Европе негативное влияние оказывают сохраняющийся конфликтный потенциал на Балканах, неурегулированные кризисы в Приднестровье и Закавказье, а также всплеск межэтнических противо-

речий и проявлений сепаратизма в ряде европейских стран. Кроме того, опасность представляет неконтролируемый рост миграционных потоков, преимущественно из нестабильных ближневосточных и североафриканских государств.

Тенденции развития обстановки на Ближнем Востоке и в Северной Африке свидетельствуют о том, что изменение геополитического облика данных регионов подорывает безопасность многих ближневосточных и африканских стран. Имеющие долгосрочный характер процессы *Арабской весны* уже привели к падению правящих режимов в ряде государств, а также к эскалации нестабильности в Сирии, Ливане, Ливии и Ираке.

Следствием революционных событий стало отстранение от власти политических элит, которые не сумели своевременно устранить причины недовольства большинства населения снижением уровня жизни. Произошло разрушение существовавшего в течение длительного времени баланса интересов региональных военно-политических сил. В этих условиях значительно обострились межэтнические и межконфессиональные противоречия.

В африканских и арабских странах существенно усилилось влияние радикальных сил, которые получили возможность легализовать свою деятельность после устранения с политической арены правящих партий. Организации, объединяющие в своих рядах сторонников *вооруженного джихада против неверных*, сумели создать шариатские квазигосударства в Сомали и Мали, а также стремятся к этому в Йемене и Ливии. В этих странах существенно ухудшилось положение этнических и религиозных меньшинств.

Серьезная опасность для Евroatлантического региона исходит из Сахаро-Сахельской зоны Африки и непосредственно с малийской территории, где в настоящее время исламистские группировки противостоят многонациональным силам и стремятся удержать захваченные на севере Мали районы, а также распространить свое влияние на соседние государства.

По нашей оценке, сохранению напряженности ~~на Ближнем Востоке и в Северной Африке~~ в значительной степени способствуют попытки внедрить там западные стандарты государственного устройства, которые объективно не соответствуют уровню развития экономики в странах этого района и не учитывают отсутствия в них дееспособных оппозиционных партий.

К дальнейшей дестабилизации обстановки также ведет нарастание вооруженного конфликта в Сирии, где противоборствующие стороны продолжают делать ставку на силовое решение проблемы, что в перспективе может обеспечить захват власти в стране исламистами. При этом даже в случае проведения в республике выборов нового президента и участия в них *умеренных* оппозиционных сил, радикальные группировки продолжают навязывать свои условия формирования будущей государственной системы. Это может спровоцировать распад страны по этноконфессиональному признаку и увеличение потока беженцев в соседние государства, что, скорее всего, также приведет к дальнейшей дестабилизации обстановки в регионе.

Серьезный вызов для международной стабильности несет также неурегулированность ситуации в Афганистане. При этом после вывода иностранных воинских контингентов эта страна может закрепить за собой статус источника повышенной террористической и религиозно-экстремистской опасности для всех государств региона. По мере сокращения группировки иностранных войск следует ожидать активизации действий Исламского движения талибов, которое будет стремиться взять под свой контроль всю афганскую территорию.

В стране уже развернута разветвленная сеть лагерей подготовки террористов, в том числе смертников, налажены тесные связи талибов с зарубежными террори-

стическими структурами, боевики которых после получения боевого опыта в Афганистане могут быть направлены в другие *горячие точки* по всему миру.

Ситуация может усугубиться в случае возобновления масштабного сотрудничества талибов с *Аль-Каидой*. Возврат к ее идеологическим установкам создания вооруженным путем *всемирного халифата на пространстве от Марокко до Малайзии* создаст реальную угрозу переноса террористической активности талибских бандформирований на территории не только сопредельных, но и европейских государств.

Несмотря на удаленность Корейского полуострова от Евроатлантики, обострение ситуации вокруг Пхеньяна может также оказать негативное воздействие на обстановку в Европе и привести к непосредственному вовлечению в конфликт европейских стран и организаций. Так, НАТО и государства — члены альянса в случае ракетного нападения на США со стороны КНДР могут ввести в действие статью 5 Вашингтонского договора о коллективной обороне. В результате этого конфликт из Азиатско-Тихоокеанского региона может перекинуться и непосредственно на Европу.

Реальную угрозу безопасности для Евроатлантического региона и всего мирового сообщества представляют радикальный экстремизм и транснациональный терроризм. Пропагандируемая в последние годы идея деления исламских экстремистов на *умеренных* и *непримиримых* является неконструктивной.

К наиболее опасным тенденциям террористической деятельности в настоящее время можно отнести беспрепятственное перемещение моджахедов между различными *горячими точками*, попадание в их распоряжение современных видов оружия, в том числе из европейских стран, Ливии, Сирии и других государств в зонах конфликтов, а также распространение радикальной идеологии через интернет. Характерно, что в рядах сирийских оппозиционеров и ливийских революционеров увеличивается присутствие сторонников вооруженного джихада из Европы. Следует ожидать, что они, приобретя опыт боевых действий, в конечном итоге вернуться обратно в свои страны, где смогут уже использовать его на европейском континенте.

Одновременно усиливается глобальное информационное противоборство, возрастают внутренние угрозы стабильности в большинстве стран мира, отмечаются негативные тенденции в их социально-экономическом развитии и деятельности демократических институтов. Получают развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма. Многие из этих угроз уже сегодня приобретают межцивилизационный характер.

Обостряются мировая демографическая ситуация и проблемы окружающей природной среды, возрастают угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, наркотрафиком и торговлей людьми, другими формами транснациональной организованной преступности. При этом последствия мировых финансово-экономических кризисов в будущем могут стать сопоставимыми по совокупному ущербу с масштабным применением военной силы.

Критическое состояние физической сохранности опасных материалов и объектов, особенно в странах с нестабильной внутривнутриполитической ситуацией, а также неконтролируемое распространение обычных вооружений могут привести к обострению существующих и возникновению новых региональных и межгосударственных конфликтов.

Одновременно возрастает риск увеличения числа государств — обладателей ядерного оружия. По оценкам Минобороны России, возможности поддержания

глобальной и региональной стабильности существенно сужаются в случае размещения в Европе элементов глобальной системы противоракетной обороны США.

По нашему мнению, обстановка на евроатлантическом пространстве будет в значительной степени зависеть от способности государств и международных организаций совместно противостоять перечисленным угрозам безопасности и не допустить возникновения новых конфликтов на периферии европейских стран и в зонах их национальных интересов.

С учетом тенденций развития международной обстановки к основным внешним военным опасностям Российской Федерации можно отнести:

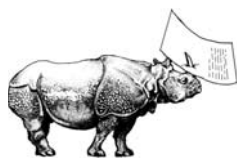
- внешние попытки дестабилизировать обстановку в отдельных государствах и регионах и подорвать общую стратегическую стабильность в мире;
- создание и развертывание новых стратегических систем вооружений, нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;
- распространение ~~оружия массового поражения~~, ракет и ракетных технологий, увеличение количества государств, обладающих ядерным оружием;
- использование киберпространства в военных и военно-политических целях;
- нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области ограничения и сокращения вооружений;
- возникновение вблизи российских границ новых очагов межнациональной (межконфессиональной) напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок.

С учетом этого можно констатировать, что долгосрочным национальным интересам России отвечает формирование в Евроатлантическом регионе открытой системы коллективной безопасности на четкой договорно-правовой основе. С этой целью полагаем целесообразным адаптировать международно-правовую базу по поддержанию стабильности в Европе к современным вызовам и угрозам в соответствии с принципами, принятыми в ООН и ОБСЕ. При этом необходимо расширять сотрудничество как в рамках существующих международных форматов по линии Россия–НАТО и РФ–ЕС, так и с участием других международных организаций, в том числе ОДКБ и ШОС. Считаю важным расширение взаимодействия между специальными службами в сфере борьбы с транснациональным терроризмом, экстремизмом и распространением ~~ОМП~~.

В целом оценка современных вызовов и угроз для Евроатлантики свидетельствует о существенном расширении их спектра, что требует не только объединения международных усилий по их нейтрализации, но и проведения конструктивного диалога между всеми заинтересованными субъектами международных отношений по данным проблемам.

Примечания

¹ Публикуется на основе текста выступления ~~начальника Главного управления Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенанта Сергуна И. Д.~~ на Московской конференции по европейской безопасности 23–24 мая 2013 г. Текст был любезно предоставлен редакции Министерством обороны РФ.

Олег Демидов

ЦИФРОВОЙ ДЖИНН НА СЛУЖБЕ ТЕГЕРАНА

*

С сентября 2012 г. по март 2013 г. информационные системы и онлайн-сервисы ряда американских финансовых организаций подверглись массированным и продолжительным DDoS-атакам. В списке жертв оказались такие гиганты, как *Bank of America*, *Citigroup*, *Wells Fargo*, *U. S. Bancorp*, *Capital One*, *HSBC*, вынужденные потратить тысячи человеко-часов и многие десятки тысяч долларов на защиту от атак и ликвидацию их последствий. Этот сюжет наряду с разоблачением *Лабораторией Касперского* грандиозной кибершпионской сети *Red October* стал одной из центральных тем в сфере кибербезопасности в начале 2013 г., хотя, строго говоря, ни технологии атаки, ни их масштаб и последствия не являются чем-то беспрецедентным. Технология DDoS стара, почти как сам интернет, да и банки США давно уже стали излюбленной мишенью киберпреступников: только в 2011 г. взлом клиентских аккаунтов обернулся для американских банков убытком в 64 млн долларов.

Необычно то, что в организации атак обвиняется не хакерская группировка и даже не ставшие уже привычными в амплуа обвиняемых Китай и Россия, американские эксперты единодушно указывают на Иран. Еще интереснее то, что на этот раз американцы, судя по всему, говорят всерьез, и, скорее всего, они правы. Хотя официальный Тегеран категорически опровергает причастность к атакам, их некриминальный политизированный характер бросается в глаза.

Во-первых, исполнители ни разу не воспользовались возможностью похитить средства со счетов атакуемых банков, хотя могли попытаться это сделать. При этом атаки носили затяжной, длительный характер, то есть преследовали целью нанесение максимального финансового и имиджевого ущерба банкам. Кроме того, банковские службы информационной безопасности столкнулись с *передовой* разновидностью DDoS-атаки. Для генерации избыточного трафика в адрес информационных систем банков использовались не обычные *ботнеты* из зараженных пользовательских машин, а взломанные не до конца понятным способом дата-центры облачных сервисов.

Такой метод организации атаки сильно осложнил противодействие DDoS-трафику, чья мощность достигала 70 гигабит в секунду. Для создания столь интенсивного потока DDoS-пакетов традиционным способом требуется сеть из нескольких сотен тысяч зараженных пользовательских машин.

Нельзя также не отметить, что атаки начались спустя полгода после того, как в рамках пакета санкций Иран был отключен от крупнейшей международной межбанковской платежной системы *SWIFT*, что приблизило страну к финансовому кризису. Наконец объектами атак стали исключительно американские банки. Подобная

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
К
О
М

избирательность в целом не характерна при эксплуатации крупных *ботнетов* — в киберпространстве государственные границы условны, а системы защиты в банках США далеко не самые слабые.

На этом фоне уже не столь важно, что ответственность за атаки взяла на себя некая группа *Cyber fighters of Izz ad-din Al qassam*, назвав их мстью за отказ властей США удалить из Сети антиисламские материалы. Подобные заявления в общем-то не имеют значения, так как их нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, а столь крупные серии атак редко совершает единственная команда.

Куда важнее, что у Белого дома есть все основания считать нынешнюю серию атак вернувшимся из Тегерана бумерангом, который запустила еще администрация Буша-младшего в попытке найти изящное невоенное решение кризиса вокруг иранской ядерной программы. Согласно недавним утечкам в СМИ, беспрецедентно сложные средства кибершпионажа (*Flame, Gauss, Duqu* и другие) и киберсаботажа (*Stuxnet*) были внедрены в ближневосточные сети за последние годы в рамках программы *Олимпийские игры*, одобренной в 2006 г. Бушем и претворенной в жизнь первой администрацией Обамы. Результатом, как считается, стала паника среди иранских специалистов, угроза запуску АЭС в Бушере, потеря более тысячи центрифуг на обогательном комбинате в Натанзе, многомиллионные убытки и существенное торможение иранской ядерной программы. Без единого выстрела и без учета санкций.

Однако бумеранги имеют свойство возвращаться. Иранцы неплохо научились перенимать приемы своего высокотехнологичного оппонента: в 2012 г. им удалось перехватить контроль над сверхсекретным американским беспилотником *RQ-170 Sentinel* и скопировать его. Теперь, похоже, режим аятолл готов дать Вашингтону сдачи и *на его поле* — в киберпространстве. Конечно, не стоит ждать новостей о поражении американской атомной и военной инфраструктуры иранскими червями, сопоставимыми со *Stuxnet* — в ближайшие годы подобные инструменты иранские хакеры и военные специалисты в одиночку не освоят — не та база.

Но этого и не требуется. Для нанесения чувствительного экономического ущерба, а тем более в демонстрационных целях, старый добрый DDoS остается доступным и эффективным инструментом. Ущерб американских банковских организаций от недавней волны атак не называется, но в общей сложности речь идет о миллионах долларов. Даже частичный отказ сервисов онлайн-банкинга в результате атаки для такого гиганта, как, например, *Citigroup*, может обернуться убытками на многие сотни тысяч долларов в час. С трудом верится, но еще в 2000 г., почти на заре электронной коммерции, серия DDoS-атак *Rivolta*, направленная против *Yahoo!*, *eBay*, *Amazon* и ряда других крупных сервисов, нанесла, по разным оценкам, ущерб на сумму от 7,5 млн до 1,2 млрд долл. Сегодня ставки гораздо выше — только рынок онлайн-торговли в США за 2011 г. составил 161,5 млрд долл., не говоря уже про электронный банкинг. Все эти бурно растущие сегменты интернет-экономики — потенциальные цели для DDoS-атак, абсолютной защиты от которых не существует, пока есть беспечные пользователи, позволяющие своим машинам быть частью ботнетов.

Кроме того, DDoS-атаки недорого обходятся их организаторам. Если полный цикл создания *Stuxnet* потребовал, по оценкам специалистов, от шести месяцев до двух лет работы высококлассной команды специалистов, нескольких миллионов долларов и работы с агентурной сетью в Иране (для внедрения червя в АСУ ТП в Натанзе), то DDoS-атаку может устроить и школьник, причем не выходя из дома. Рынок *троянов* и других вредоносных программ для создания зомби-сетей — ботнетов, используемых в DDoS-атаках, — ширится год от года, и его продукция неуклонно дешевеет. Тегеран, конечно, не располагает финансовыми ресурсами Вашингтона, но 30–40 тысяч долларов на *ботнет* из сотен тысяч машин вряд ли станут для

него тяжким бременем. Еще сотня-другая тысяч долларов и неплохая команда специалистов — и за несколько месяцев готов новый инструмент типа взломанных дата-центров, с которым можно пытаться всерьез потрепать нервы американским банкам. Следует ожидать, что Иран будет и дальше пользоваться такими инструментами, усматривая в этом собственный асимметричный ответ на враждебные кибероперации в своих сетях.

Определенная логика в этом есть. DDoS не поставит Белый дом на колени, не обезопасит иранскую атомную программу и в случае чего не поможет предотвратить военную операцию против Тегерана. Но, во-первых, обеспечивается демонстрационный эффект — так советские ВВС бомбили Берлин в августе 1941 г. в разгар военной катастрофы на фронте. Во-вторых, массированные *ответные* атаки заставляют Вашингтон, да и Тель-Авив тщательнее взвешивать риски и оценивать последствия следующей возможной операции в иранских сетях.

Что не менее примечательно, избирая целью системы банков, а не сети госструктур, иранцы пытаются заставить американский частный сектор и его клиентов — избирателей — хоть в небольшой степени ощутить на себе издержки противостояния вокруг иранской ядерной программы. Риски же с иранской стороны минимальны — как всегда, технические сложности атрибуции атак и международно-правовой вакуум не позволяют возлагать на государство ответственность за вредоносную деятельность в киберпространстве. Впрочем, те же соображения о почти нулевых рисках ранее играли на руку создателям *Stuxnet* и *Flame*.

Второй вывод из этой истории столь же очевиден — понимание киберпространства как поля боя без правил и ограничений утверждается в мире все шире, в том числе среди тех, кто испытал эффекты кибероружия на себе. Иранцы, вероятно, сочтут свой асимметричный ответ малой толикой адекватного возмездия за кибервойну последних лет. И следует помнить, что Тегеран пришел к идее конфронтации с Вашингтоном в киберпространстве лишь после того, как стал жертвой *Stuxnet* и его *наследников*. Организаторы киберопераций в иранских сетях, можно сказать, открыли новое измерение противостояния — и теперь движение в этом измерении стало двусторонним, что в общем закономерно.

Уместно привести историческую аналогию, вновь связанную с бомбардировками Второй мировой войны. В начале французской кампании 1940 г. Британия избегала бомбардировок Германии, ссылаясь на международное право. В свою очередь, германские ВВС воздерживались от ковровых бомбардировок городов. Однако 14 мая 1940 г. люфтваффе все же разбомбили Роттердам, уничтожив около тысячи мирных жителей. Это событие стало поворотной точкой в политике союзников в отношении бомбардировок самой Германии. 24 августа 1940 г. британцы впервые бомбили Берлин, в феврале 1942 г. королевские ВВС перешли к тактике ковровых бомбардировок, а через три года совместная англо-американская бомбардировка превратила в огненный ад Дрезден, забрав жизни 25 тысяч человек.

Конечно, конфликты в киберпространстве пока не столь ужасны и смертоносны, но общая логика та же: высвобождая из технологических и международно-правовых оков новые средства и способы ведения конфликтов, стоит ждать, что рано или поздно их обратят уже против тебя. А загнать джинна военной технологии и тактики обратно в бутылку крайне сложно — история ОМУ-разоружения и нераспространения тому пример.

Все это вдвойне верно, когда речь идет об изначально асимметричном конфликте — в Сети государства на нападение отвечают не защитой, а нападением, а значит, речь идет даже не о *zero-win*, а о *lose-lose approach*. Кто выиграет противостояние в киберпространстве — Вашингтон со сверхсовременными орудиями киберсаботажа или Тегеран с *дешевым и сердитым* DDoS? Да никто, иранцы будут затягивать пояса, заменять центрифуги и на всякий случай отгораживаться от гло-

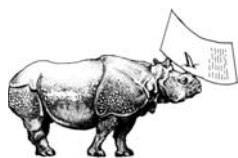
бальной сети, а американские банки считать убытки и латать прорехи в деловой репутации. Ну и зачем оно нужно?

Хороший вопрос в устах российского представителя, скажем, на трибуне ООН в наступившем году. Россию, давнего борца за кибермир на международной арене, давно уже беспокоит почти бесконтрольное использование различных программ в целях и способами, явно выходящими за рамки обычного киберкриминала. Вместе с тем подход, на который само российское руководство делало ставку еще с 1998 г. — запрет на разработку и использование кибероружия государствами для решения военно-политических задач в отношении других государств, прописанный в глобальном договоре/конвенции ООН, — пока не удается воплотить в жизнь. Хотя с момента выдвижения ключевой российской инициативы — концепции Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности — прошло больше года, усилия РФ и ее партнеров (КНР и ряда стран центральноазиатского региона) наталкиваются на фундаментальное препятствие. Суть его уже раскрыта выше на примере *DDoS* по-ирански: играть в кибервойну может каждый, схватить его за руку — никто, а закон щита и меча в киберпространстве работает плохо — оборона всегда отстает.

Примерно к 2012 г. российское руководство, осмыслив эту картину, пришло к пониманию того, что, пытаясь договориться о лучшем на трибунах ООН, придется как можно скорее и интенсивнее готовиться к худшему — дальше тянуть нельзя. Иными словами, необходимо включить отражение киберугроз в спектр приоритетных задач вооруженных сил, как можно скорее начать создавать всеобъемлющую национальную систему кибербезопасности и обеспечения защиты критической инфраструктуры и, конечно, активно наращивать собственный киберпотенциал. Целый букет разнообразных технических, законодательных и иных мер по каждому из этих направлений принесли 2012 и начало 2013 гг. — и это лишь начало.

Примечания

* Это произведение доступно по лицензии *Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivs* (Атрибуция — Некоммерческое использование — Без производных произведений) 3.0 Непортированная. Вы можете свободно копировать, распространять и передавать другим лицам данное произведение.

Арно Леклерк

В АЗИЮ, В АЗИЮ!

GEOPOLITIQUE RUSSE ГЛАЗАМИ ШВЕЙЦАРСКОГО БАНКИРА

Вновь просыпающийся в мире интерес к геополитике обусловлен запросом на политическую и мировоззренческую систему координат в условиях, когда окружающая реальность стремительно теряет *фокус*. А великая континентальная держава, какой является Россия, на протяжении всей своей истории существует именно как *геополитическая сущность*. При всех недостатках современной российской политической системы, руководству страны не откажешь в главном — в понимании того, что геополитика является ключом к возрождению страны.

ИСТОРИЯ РОССИИ КАК ЕВРОПЕЙСКИЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР

Благодаря подъему последних 10–12 лет, совершенно не очевидному до начала 2000-х гг., в России и вокруг нее сложилась новая обстановка, когда она, обеспечив стабильность внутри своих границ, сумела вновь обрести вес и нарастить влияние в международном *оркестре*. Возрождение России как державы вписывается в общий контекст формирования многополярного мира. Оно было тем более неожиданным, если вспомнить о перспективах, открывавшихся после окончания холодной войны перед *благоклонной империей*¹ Джорджа Буша, и о том, как профессор Гарвардского университета Фрэнсис Фукуяма пророчил *конец истории*² с его всемирным триумфом демократии западного типа и повсеместным становлением рыночной экономики.

Оставив в стороне комментарии в отношении внутренней ситуации в России с ее коррупцией и проблемами прав человека, стоит признать, что подобное возрождение на международном уровне произошло во многом благодаря авторитетности и мастерству В. В. Путина. Он смог мобилизовать вокруг себя новые правящие элиты, полные решимости преуспеть в модернизации страны, не пожертвовав при этом своими амбициями в отношении власти.

Россия набралась опыта по усвоению западноевропейского образа жизни во времена Петра, реформ Александра II и советского революционного проекта. Пережив относительные провалы, происходившие на протяжении всей ее истории, с началом XXI века она, вероятно, вступила в период, который может оказаться благоприятным. Это произойдет, если Россия сумеет разыграть свои козыри в нынешнем историческом эпизоде. Нынешнее время может обернуться для нее возвращением на первый план в том мире, контуры которого начинают уже просматриваться.

И
И
А
Т
Е
М
К

После крушения царской империи и провала коммунистического проекта, родившегося вследствие большевистского переворота в 1917 г., России постепенно начинает определяться со своим новым лицом. И восстановление лица не исключает близости с Европой, в направлении которой, как и во времена Петра Великого, Россия продолжает идти даже в сегодняшний поворотный момент, несмотря на то что Европейский Союз давал ей много поводов для разочарований.

ВОСПОЛНЕНИЕ УЩЕРБА ВНУТРИ И ВДОЛЬ ГРАНИЦ РОССИИ

Униженная и не способная влиять на события в 1990-е гг., сейчас Россия вновь обрела инициативу и свободу действий, что было четко сформулировано В. В. Путиным в 2007 г. в его речи на Мюнхенской конференции. Благодаря усилиям руководства Россия вернула себе политическую стабильность, что в очередной раз, несмотря на некоторые противоречия, подтвердилось в 2012 г. новым избранием В. В. Путина на пост президента. Эта стабильность особенно важна для решения задач экономической модернизации в момент, когда Запад пребывает в кризисе, а Китай и развивающиеся страны раскачивают весы мировых сил.

С другой стороны, Россия сталкивается с теми же проблемами, что и европейские государства, если говорить о неконтролируемой иммиграции и вызывающих растущее беспокойство исламистских элементах. В то же время внутри России попытки обрести автономию или независимость, проявлявшиеся на Кавказе и в республиках Поволжья в 1990-е гг., сегодня неактуальны и уступили место упорядоченному распределению полномочий между федеральными и региональными властями и экономическому росту, который идет в каждом субъекте федерации со своей скоростью, но все-таки идет.

В последние годы Россия также возвращается на постсоветское пространство, где также выстраивает взаимодействие с другими великими державами. Кризис, охвативший Европу, кажется, заставил Белоруссию и даже Украину повернуться к России. Прагматичный союз с Китаем в Центральной Азии, заключенный на основе общих интересов на фоне инициатив Вашингтона, выгоден для обеих сторон. Правда, в многополярном мире оба партнера могут превратиться во врагов, если и когда Соединенные Штаты и Европа потеряют свое нынешнее влияние на мировые дела.

Пока же условия благоприятствуют демонстрируемым на сегодняшний день амбициям России. Однако вызывает беспокойство сложившаяся демографическая обстановка, которая характеризуется снижением численности населения. В долгосрочной перспективе она может негативно отразиться на геополитической ситуации внутри России и по периметру ее границ.

ДЕФИЦИТ ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Россия, отличавшаяся впечатляющей плодовитостью до 1960-х гг., что помогло ей во многом восполнить потери в ходе двух мировых войн, революции, гражданской войны и сталинского террора, сегодня столкнулась с падением численности населения. Меры стимулирования рождаемости, объявленные правительством, пусть и заметно улучшили ситуацию, но не позволили добиться ожидаемой коррекции демографической ситуации.

Недостатки, наблюдаемые в сфере здравоохранения, в частности в области индивидуального обследования пациентов, объясняют сокращение продолжительности жизни людей в стране, где алкоголизм также остается масштабной проблемой.

Ситуация могла бы улучшиться по мере экономического прогресса, который должны были обеспечить России в том числе эти люди. Однако ничего такого нет, и пока не будет обеспечено достаточное количество человеческого капитала, который сможет заполнить огромный сибирский и дальневосточный вакуум, эти регионы не смогут стать российским геополитическим козырем на фоне густонаселенных территорий Восточной Азии.

А вот стойкость российской образовательной системы является, видимо, козырем, унаследованным от советской эпохи, поскольку речь идет о сохранении роли России в таких областях, как космическая промышленность, военно-промышленный комплекс, нанотехнологии. Все это необходимо для становления экономической державы завтрашнего дня.

После *разбазаривания* ресурсов страны на благо *олигархов*, вышедших из коммунистической системы, государство смогло взять ситуацию под контроль. Но только опираясь на различные дополняющие друг друга слои, а не на одних силовиков, нынешние руководители страны смогут восстановить правящую элиту в полном смысле слова. Лишь после этого они будут способны эффективно править в течение продолжительного времени и смогут искоренить проблему, которую до сих пор представляет собой коррупция.

Такое оздоровление необходимо, если Россия хочет избежать резкой смены правящего класса и обострения проблемы *утечки умов*, когда в мире наиболее динамично развивающиеся экономические полюса пытаются привлечь лучшие мозги и наиболее успешных владельцев *ноу-хау*.

Новая Россия должна также обеспечить значимость русского языка, как это было в период империи и Советского Союза, чтобы превратить его в ценный элемент влияния в ближнем зарубежье. Там попытки перейти на латинский алфавит или все более частое использование английского языка как международного могут создать опасность для однородности континентального геополитического пространства.

Уходящее корнями в далекое прошлое русское историческое самосознание, привязанное к литературному наследию *великого века* России и воспоминаниям о сознательных жертвах в периоды регулярных войн, является важной опорой для укрепления самобытности. И это в период, когда, в отличие от Европы, потерявшей память, испугавшейся подтвердить свое христианское происхождение и свою самобытность, все крупные цивилизации обращаются к своим корням и отказываются от западного универсализма.

ЦЕНТР ТЯЖЕСТИ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ В АЗИЮ

Сегодня четко обозначилась еще одна геополитическая тенденция — российский центр тяжести перемещается в сторону Азии. Исторически Запад почти всегда представлял угрозу интересам России, даже угрозу ее безопасности (литовцы, поляки, шведы, немцы, французы, англичане и т. д.), в то время как Восток всегда оставался достаточно легкой добычей, а необъятные азиатские территории были сохранены, несмотря на все исторические коллизии.

В современную эпоху предложение М. С. Горбачева по созданию *общеевропейского дома* было отвергнуто Западной Европой. *Вознаграждением* за поддержку В. В. Путиным Соединенных Штатов после взрывов 11 сентября 2001 г. стало возросшее влияние Америки на ближних рубежах России. Оно реализовалось в виде *цветных революций* в бывших советских республиках, проектов развертывания элементов противоракетной обороны (ПРО) в Восточной Европе, расширения присутствия в Центральной Азии.

Не считая укрепившегося партнерства с Германией и даже Францией, когда там правил еще Николя Саркози, в целом Запад разочаровал Россию. К тому же разразившийся мировой экономический кризис вверг европейские экономики в рецессию с риском вылиться в депрессию и развал зоны евро. Зачем после этого России чересчур серьезно направлять свои интересы в сторону Европы?

А вот Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) никогда не создавал проблем для России: никакой критики в плане прав человека, никакого развертывания противоракетной обороны, никаких *цветных революций*, но зато укрепление дипломатического, экономического и военного партнерства.

Объем энергоресурсов при условии преодоления проблем с модернизацией инфраструктуры и проблем их добычи и переработки в постоянно усложняющихся условиях в среднесрочной перспективе может стать первоклассным козырем, поскольку Россия будет поставлять газ и нефть как в Европу, так и на Дальний Восток — на две густонаселенных и активных территории, которым необходимы ее поставки. Эти ресурсы должны принести России средства для развития линий железнодорожных, дорожных, воздушных сообщений, необходимых для управления необъятной территорией.

Во время саммита АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г. Россия продемонстрировала свою реакцию на колоссальные энергетические потребности Азии, подтвердив утроение поставок нефти в последующие 10 лет. В 2020 г. потребление энергии Японией, Южной Кореей и Китаем достигнет 50% потребления энергии в мире. Более того, после катастрофы на АЭС Фукусима Япония решила закрыть почти все свои АЭС, и теперь — если, конечно, до этого дойдет дело в реальности — она вынуждена будет обратиться к российским поставщикам энергии. Одновременно со своими потребностями должна будет определиться Европа. Но главное, необходимо отметить, что стоимость газа, продаваемого в Азию, стала практически эквивалентна стоимости нефти, притом что для Западной Европы цены еще выше.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ДЕРЖАВА — НОВОЕ КАЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ³

Евроазиатское расположение дает России значительное геостратегическое преимущество, превращая страну и ее окрестности в обязательные маршруты прохода нового континентального *шелкового пути*, который может в краткосрочной перспективе заменить маршруты морских перевозок, контролируемые американской *талассократией*. В 2011 г. Россия пообещала направить серьезные инвестиции в дорожную и железнодорожную инфраструктуру. Что касается морских путей, то потенциал северного маршрута огромен, но зависит от текущих климатических изменений и готовности сласти инвестировать в него.

Перспективы в Арктике, очевидно, могут дать преимущества России, многовековой заложнице собственной континентальности. В средствах массовой информации отныне регулярно говорят об энергетическом потенциале полярных регионов, несмотря даже на огромные трудности, которые продемонстрировал отказ от Штокмановского проекта. Тем не менее, по данным американских геологов, за полярным кругом находится 13% мировых запасов нефти и 30% природного газа.

В последние годы Россия восстановила объем сельскохозяйственного производства, который сократился в советские времена из-за коллективизации. Можно представить, что в среднесрочной перспективе в условиях растущего мирово-

го спроса на продукты питания Россия сможет снова играть роль на этом рынке, сравнимую с ее ролью до 1914 г. Тогда она обеспечивала больше половины мировых поставок зерна. И если учесть потребности континентальной Индии, Ближнего Востока и Африки, то можно говорить об очень существенном геополитическом козыре.

В конечном итоге именно баланс геополитических усилий России между европейским и азиатским направлениями позволит завершить ее превращение из сверхдержавы, созданной в контексте биполярного мира после Второй мировой войны, в передовую державу XXI века.

НОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Возрождение России происходит и за счет освоения пространства в географическом, политическом и экономическом планах; к этому прибегали и царская, и советская империи, на это и сегодня делаются крупные ставки.

Это требует от сегодняшней России усилий по улучшению транспортных средств, таких как поезда, дороги и самолеты. На Западе трудно представить размах потрясений, вызванных открытием России для внешнего мира в начале 1990-х гг. Оно преобразовало всю экономическую географию, и большинство промышленных регионов, унаследованных от Советского Союза, привело к упадку ранее приоритетной тяжелой промышленности, укрупнению предприятий, сужению их специализации.

Таким образом, необходимо сделать огромное усилие по адаптации, и если организованный вокруг Москвы центр сможет успешно преодолеть все вызовы быстрой модернизации, то в большинстве регионов, где остаются пока еще серьезные препятствия, развитие будет происходить медленнее. Но постепенно, по мере строительства новой российской экономики, которая не будет ограничиваться только использованием энергетической и сырьевой ренты, государство продолжит наращивать свой вес на международной арене.

Второе десятилетие XXI века начинается благоприятно для российской державы, где идет процесс восстановления и выработка новых способов укрепления международных позиций (в частности БРИКС), в то время как западная гегемония явно находится под угрозой. Тесное взаимодействие с такими растущими гигантами, как Китай, Индия и Бразилия, без посредничества со стороны США или Европы должно и дальше с успехом развиваться. В качестве примера можно привести появление идеи банка развития БРИКС, которая была закреплена в итоговой декларации саммита группы в Дурбане в марте 2013 г.

Вооружившись своими козырями, Россия проводит ревизию своих политических и экономических ставок начала 2000-х гг. Она должна найти свое место в формирующемся новом раскладе мировых сил. Она должна заново определить и подтвердить свое лицо на международной арене, где обращение растущих незападных цивилизаций к корням ставит под угрозу притязания Запада на универсальность.

В мире, призванном потреблять все больше энергии и вынужденном кормить быстро растущее население, ресурсы, которыми обладает Россия, помогут ей найти хорошее место, чтобы всем своим весом оказывать влияние в различных областях. Да, можно утверждать, что Россия никогда не была настолько сильной, насколько она теперь имеет шансы стать, после того как начала рассматривать себя не только как европейская держава, смотрящая на Запад, но и как евразийская держава, смотрящая на весь мир.

Примечания

¹ William Kristol, Robert Kagan. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy. *Foreign Affairs*. 1996, July–August. Vol. 75, No. 4. P. 18–32.

² Francis Fukuyama. The End of History? *The National Interest*. 1989, Summer.

³ Arnaud Leclercq. La Russie, puissance d'Eurasie, Histoire géopolitique des origines à Poutine. Ellipses, 2012.

График 1. Индекс международной безопасности *iSi* в сентябре–ноябре 2013 г.

- ➔ **Галия Ибрагимова. ИНДЕКС *iSi* ЗА СЕНТЯБРЬ–НОЯБРЬ 2013 г.: КУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ХИМИОТЕРАПИИ**
- ➔ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: МОЛЬЕР БЕЗ СМЕХА**
- ➔ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ЭПОХА ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ КАПИТАЛА**

КУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ХИМИОТЕРАПИИ

Осенью 2013 г. Индекс международной безопасности имел тенденцию к повышению. Если на **1 сентября** показатель Индекс *iSi* составлял **2756**, то **1 октября** его значение повысилось на 15 пунктов и составило **2771**. На **1 ноября** Индекс *iSi* повысился еще на 23 единицы, достигнув отметки **2794**. Позитивная динамика Индекса международной безопасности осенью была связана со снижением угрозы внешнего вмешательства в сирийский конфликт. Причина тому — достигнутая договоренность в Совбезе ООН об установлении контроля над сирийским химическим оружием (ХО). Не менее значимым событием периода стал состоявшийся телефонный разговор между президентами США и Ирана и возобновившиеся переговоры между официальным Тегераном и *шестеркой* международных посредников. Повышение лимита госдолга в США и возобновление финансирования правительства после длительных переговоров в Сенате в течение октября — в числе позитивных событий периода.

- **Африка и Ближний Восток.** События на Ближнем Востоке по-прежнему определяли повестку международной безопасности. В **Сирии** осенью бои между правительственными войсками и повстанцами продолжались в Дамаске, Алеппо, Латакии, Хомсе; на северо-востоке страны в провинции Эль-Хасика имели место столкновения между курдами и исламистами. В начале сентября Барак Обама заявил о намерении получить у Конгресса санкцию для начала военной операции в Сирии после обвинений сирийской оппозиции режима Башара Асада в применении ХО в пригороде Дамаска. Сирийская армия начала подготовку к отражению возможного удара со стороны Запада, но 9 сентября Россия выступила с инициативой о передаче сирийского ХО под международный контроль для последующего уничтожения. Власти Сирии поддержали эту инициативу. 14 сентября Россия и США приняли план по установлению международного контроля над сирийскими запасами ХО. 28 сентября Совет Безопасности ООН принял резолюцию по уничтожению в кратчайшие сроки ХО в стране. Власти в Дамаске предоставили Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) информацию о местах хранения и производства отравляющих веществ. 1 октября инспекторы ОЗХО прибыли в Сирию и приступили к подготовке операций по ликвидации ХО и мощностей для его производства. Угроза прямого иностранного военного вмешательства в сирийскую гражданскую войну снизилась.

Евгений Бужинский (Россия), старший вице-президент ПИР-Центра, генерал-лейтенант (запаса) — по телефону из Москвы: Благодаря дипломатическим усилиям руководства России нагнетание истерии вокруг предполагаемого использования сирийскими властями химического оружия ослабло, но исключать возможности начала американских бомбардировок нельзя. План, предложенный российской стороной, является наилучшим выходом из сложившейся в стране ситуации, но он может быть выполнен только при условии постановки реальных задач и установления реальных сроков. Наиболее радикальная часть сирийской оппозиции обязательно продолжит провокации, ибо без внешнего вмешательства одержать победу над правительственными войсками для нее крайне затруднительно.

Сержио Дуарте (Бразилия), посол, высокий представитель ООН по вопросам разоружения (2007–2012 гг.) — по электронной почте из Белу-Оризонте: Соглашение между Россией и США по вопросу уничтожения в Сирии химического оружия и последовавшая резолюция Совбеза ООН, подтверждающая намерения уничтожить сирийские химические арсеналы, привели к улучшению состояния безопасности на Ближнем Востоке и во всем мире. Если ООН и Организация по запрещению химического оружия справятся со своей миссией, а главное, своевременно завершат ее, то процесс разрешения конфликта сдвинется с мертвой точки.

В **Ливане** на фоне боестолкновений в Сирии продолжились межобщинные столкновения между алавитами, единоверцами сирийского президента Башара Асада, и суннитами, поддерживающими сирийскую оппозицию. Силловые структуры страны предприняли жесткие меры по пресечению насилия.

Израильские ВВС нанесли удар по Ливану в ответ на ракетный обстрел северных районов Израиля с ливанской территории.

На **Западном берегу** реки Иордан осенью имели место столкновения израильтян с палестинцами.

В **Египте** 23 сентября по решению суда запрещена деятельность *Братств мусульман*. Это спровоцировало новые столкновения исламистов с полицией по всей стране, которые продолжились в октябре и ноябре и привели к большому числу пострадавших и погибших. Из-за непрекращающегося кризиса в стране США частично приостановили военную и финансовую помощь Каиру и отменили совместные с Египтом военные учения.

В сентябре египетская армия провела военную операцию на Синае против сторонников экс-президента страны Мохаммеда **Мурси**, что привело к изоляции сектора Газа.

Халил Каравели (Турция–Швеция), руководитель проекта по Турции института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма: Обеспокоенность в регионе вызывают последствия военного переворота в Египте: продолжающиеся жестокие репрессии, осуществляемые военным руководством страны, будут иметь долгосрочные последствия и негативно отразятся на ее развитии. Сохраняется риск, что исламисты в ответ на отстранение их от власти усилят террористическую активность во всем регионе.

Иран. 28 сентября состоялся телефонный разговор между президентами Ирана и США. Хасан Роухани и Барак Обама договорились ускорить принятие Совбезом ООН новой резолюции по Ирану. В Женеве 15–16 ноября состоялись переговоры между Ираном и *шестеркой* международных посредников. На переговорах Тегеран представил новый план урегулирования кризиса вокруг своей ядерной программы. Итогом встречи ста-

ло принятие совместного заявления Тегерана и *шестерки* о намерении продолжить поиск совместных решений ядерной проблемы и провести новый раунд переговоров в Швейцарии.

 Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского Центра Залива — по электронной почте из Дубая: Безопасность в мире несколько улучшилась. Военное вторжение в Сирию было отложено, а между Бараком Обамой и Хасаном Роухани состоялся телефонный разговор. Но пока остается открытым вопрос, приведет ли риторическое снижение напряжения между США и Ираном к существенным прорывам в решении иранской ядерной программы. Также пока не ясна возможность уничтожения сирийского химического оружия в условиях продолжающегося противостояния властей с оппозицией. Резко возросли нестабильность и террористическая угроза в Ираке.

В **Турции** в сентябре возобновились массовые антиправительственные акции протеста. Рабочая партия Курдистана приостановила вывод своих формирований из страны из-за роста напряженности в регионе.

В **Тунисе** в течение осени продолжились акции протеста оппозиции против правительства исламистов, на их фоне 23 октября между сторонами все же начался общенациональный диалог.

В **Ираке** имели место столкновения между суннитами и шиитами. В сентябре суннитские радикалы совершили нападение на шиитов, в результате погибли 18 человек. Угроза террористической активности в Ираке по-прежнему остается одной из наиболее высоких в мире.

В **Мали** осенью не прекращались столкновения армии с сепаратистами. Воинский контингент Франции продолжил в Мали операцию против экстремистов.

В **Конго** между повстанцами *Движения 23 марта* и правительством сохранялась напряженность на грани возобновления боевых действий, при этом повстанцы требовали возобновления переговоров.

 Сехларе Макгетланенг (Южно-Африканская Республика), глава исследовательской программы Управление и демократия института Африки ЮАР — по электронной почте из Претории: Несколько улучшилось состояние безопасности в Мали. Эти незначительные улучшения связаны с тем, что внешние игроки стремятся держать ситуацию под контролем. Но основная цель Франции, начавшей военную операцию в Мали — это достижение собственных стратегических интересов. Очевидна заинтересованность Парижа в защите урановых месторождений, которыми богаты страны черного континента. Вообще поддержка Африки — это неотъемлемая часть общей политики Европы на континенте.

Тревожная ситуация складывается в Демократической республике Конго. Особенно напряженной сохраняется ситуация в восточной части Конго. Борьба повстанцев и правительства усугубляется вовлечением в нее Руанды и Уганды. Эти страны оказывают финансовую поддержку повстанцам в восточной части Конго.

Корейский полуостров. Власти Северной Кореи в сентябре отложили на неопределенное время запланированные ранее встречи семей, разделенных Корейской войной 1950–1953 гг.

3 октября США, Южная Корея и Япония приступили к совместным военно-морским учениям у южного побережья Корейского полуострова, что вызвало резкую критику Пхеньяна. 12 октября КНДР отказались подписывать соглашение о ненападении, предложенное Вашингтоном.

- **Постсоветское пространство.** 13–14 сентября в **Киргизии** состоялся саммит ШОС, где страны-участницы обсудили вопросы региональной и международной безопасности.

В **Азербайджане** 9 октября прошли президентские выборы, победу одержал действующий президент Ильхам Алиев.

24 октября в **Белоруссии** прошло заседание Высшего евразийского экономического совета в узком составе. Лидеры России, Белоруссии и Казахстана обсудили вопросы развития Таможенного союза и Единого экономического пространства. Армения подала заявку на вступление в Таможенный союз.

25 октября Минск принимал саммит Содружества независимых государств (СНГ). На нем лидеры стран СНГ обсудили вопросы противодействия преступности и углубления экономических связей на пространстве Содружества. **Россия и Украина** на саммите СНГ продолжили обсуждение планов Киева о присоединении к партнерской программе Евросоюза. Президент России Владимир **Путин** заявил, что в случае присоединения к соглашению об ассоциации с ЕС Киев не сможет вступить в Таможенный союз.

27 октября президентские выборы прошли в **Грузии**. Георгий Маргвелашвили — кандидат от правящей коалиции *Грузинская мечта* — был избран новым президентом страны.

- **США и Европейский союз.** В России в Санкт-Петербурге 5–6 сентября состоялся саммит *Большой двадцатки*. Лидеры стран *двадцатки* выразили озабоченность в связи с замедлением экономического роста в ряде стран с формирующимся рынком, в то время как в развитых странах произошло некоторое улучшение экономической ситуации.

С 1 октября в **США** была приостановлена деятельность федерального правительства из-за лимита госдолга. В связи с этим была приостановлена деятельность федерального правительства, тысячи госслужащих отправлены в неоплачиваемый отпуск. После длительных переговоров 16 октября Сенат страны одобрил законопроект о повышении госдолга и возобновлении финансирования правительства.

В **Италии, Греции, Испании** в октябре прошли забастовки против экономической политики властей.

В октябре разгорелся международный скандал из-за появившейся информации о том, что американские спецслужбы прослушивали многочисленные телефонные переговоры жителей европейских стран и крупных мировых политиков. Власти **Германии и Бразилии** внесли на рассмотрение ООН проект резолюции против шпионажа.

- **Латинская Америка.** Осенью во многих странах Латинской Америки экономическое положение оставалось крайне неустойчивым. В сентябре в **Колумбии** прошли массовые демонстрации против аграрной политики правительства. Из-за сложной социально-экономической ситуации правительство страны ушло в отставку.

В **Бразилии** 26 октября демонстрации против высоких тарифов на транспорт переросли в массовые беспорядки.

В **Аргентине** 27 октября прошли парламентские выборы, на которых проправительственная партия *Фронт за победу* получила большинство в обеих палатах. Но оппозиция одержала победу в ключевых провинциях и городах и получила достаточно мест в парламенте страны, чтобы не дать действующему президенту Кристине **Киршнер** выдвинуться в 2015 г. на третий президентский срок.

- **Стратегическая стабильность и ядерная безопасность.** После более чем двухлетнего перерыва 23 октября в штаб-квартире Североатлантического альянса состоялось заседание Совета Россия–НАТО на уровне министров обороны. Сергей Шойгу впервые вел на нем переговоры в качестве главы военного ведомства Российской Федерации. Стороны обсудили вопросы Афганистана, Сирии, борьбы с терроризмом и противоракетной обороны (ПРО). Удалось согласовать совместные инициативы в области технического сотрудничества по Афганистану и утилизации устаревших российских боеприпасов. По вопросу ПРО подвижек не было.

29 октября на юге Румынии в Девеселу дан официальный старт развертыванию системы *ЕвроПРО — Aegis Ashore System*, где к 2015 г. планируется возвести несколько радиолокационных станций и пусковых установок противоракет *SM-3*.

2 ноября НАТО начал самые крупные за последние 10 лет военные учения близ границ России на территории Польши и стран Балтии.

- **Природные катастрофы и техногенные аварии.** В Индии 13 октября у храма в штате Мадхья-Прадеш произошла давка, погибли более 100 человек.

На Филиппинах 15 октября произошло сильное землетрясение, погибли более 150 человек. Это землетрясение стало самым сильным в стране за последние 23 года.

28 октября на Европу и север-запад России обрушился шторм *Святой Иуда*, который оставил без электричества десятки тысяч человек и нарушил авиационное и железнодорожное сообщение.

Наводнение в Румынии, Таиланде и Мексике, землетрясение в Пакистане, лихорадка Западного Нила в Сербии, крушение поезда в Аргентине в числе негативных событий периода.

- Осенью резко возросла **террористическая угроза**. Крупные теракты были совершены в Афганистане, Ираке, Таиланде, Мьянме, Мали, Сирии, Ливане, Пакистане, Йемене, Египте, Сомали.

21 октября в России в Волгограде произошел теракт, погибли 6 человек.

Галия Ибрагимова

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: МОЛЬЕР БЕЗ СМЕХА

Летом и осенью 2013 г. произошло немало событий, привлечших пристальное внимание политиков, экспертов и военных. Нападение на торговый центр в Найроби показало, что международное сообщество не в состоянии остановить исламский терроризм. Приговор Бо Силаю, еще недавно одному из самых могущественных лидеров Китая, вновь высветил проблемы, приводящие к росту неомоаистских настроений в китайском обществе и Компартии. Соглашение об ассоциации Украи-

ны с Европейским союзом, которое, скорее всего, будет подписано в ноябре 2013 г., вызвало в Москве крайнее раздражение. Оно в очередной раз продемонстрировало, мягко говоря, утопичность самой идеи евразийской интеграции под эгидой России.

Однако самым важным событием последних месяцев стала российско-американская договоренность об уничтожении сирийского химического оружия (ХО), известная как пакт Керри–Лаврова. Отказ президента Обамы от объявленного им решения об операции против режима Башара Асада поставил под вопрос глобальную стратегическую роль США. Это не первый, но наиболее осязаемый симптом разрушения международного порядка, сложившегося чуть более 20 лет назад в результате краха СССР и распада биполярной системы мира. Его главной несущей опорой являлась убежденность и дружей, и противников США в том, что Америка готова применить военную силу для защиты своих интересов, обеспечения безопасности союзников и поддержания международной экономической и политической стабильности.

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛА В СИРИИ

Судя по всему, в начале сентября 2013 г. Москва и Дамаск пришли к выводу, что избежать американского удара по Сирии можно, лишь согласившись (не исключено, только на словах) с уничтожением сирийского ХО.

Кремль, похоже, убедил Белый дом, что достижение этой цели без применения военной силы обеспечит прогресс на переговорах с Тегераном относительно иранской ядерной программы¹. В свою очередь, иранский президент Хасан Роухани заговорил о возможности быстрого решения ядерной проблемы, правда, без конкретных предложений.

12 сентября 2013 г. сирийское правительство заявило о намерении присоединиться к Конвенции о запрещении ХО, а через два дня направило в ОЗХО соответствующий документ. Параллельно, 12–14 сентября 2013 г., в Женеве прошли российско-американские переговоры о соглашении, позволяющем администрации Обамы отказаться от военной операции против Дамаска в обмен на ликвидацию сирийского химического арсенала. Была согласована российско-американская Рамочная договоренность об уничтожении сирийского ХО от 14 сентября 2013 г.² и 19 сентября 2013 г. Сирия предоставила ОЗХО первые сведения о своем ХО.

27 сентября 2013 г. Исполнительный совет ОЗХО принял решение, в котором перечислялись данные, которые Дамаск должен представить в дополнение к сообщенным ранее, а также устанавливал весьма напряженный график ликвидации сирийского ХО, во многом повторявший положения российско-американской рамочной договоренности. В частности:

- не позднее 1 ноября 2013 г. Сирия должна уничтожить объекты по производству ХО, а также оборудование, предназначенное для смешивания/снаряжения ХО (filling/mixing equipment);
- не позднее 15 ноября 2013 г. Исполнительный совет ОЗХО должен утвердить промежуточные этапы уничтожения сирийского ХО, которое должно быть закончено в первой половине 2014 г.³.

Наконец 27 октября 2013 г. Совет безопасности ООН принял резолюцию S/RES/2118 (2013) относительно сирийского ХО и «урегулирования текущего кризиса» в этой стране. Это типичный образец характерной для ООН бессодержательной риторики. В ней обойден ключевой вопрос об автоматическом применении санкций в случае нарушения Дамаском обязательств по уничтожению ХО или его нового применения.

Там говорится только: «В случае несоблюдения настоящей резолюции, включая несанкционированную передачу химического оружия или любое применение химического оружия кем бы то ни было в Сирийской Арабской Республике, вводятся меры, согласно главе VII Устава Организации Объединенных Наций»⁴.

Другими словами, если режим Башара Асада откажется от обещания уничтожить ХО или еще раз его применит, вопрос о санкциях, в том числе военных, должен рассматриваться Советом Безопасности, поскольку глава VII Устава ООН предполагает, что все решения такого рода принимаются именно этим органом. Учитывая позицию России, можно с уверенностью предположить, что Дамаск в этом случае отделается легким испугом.

В большинстве своем эксперты скептически оценили возможность выполнения этих договоренностей. Ликвидировать сирийское ХО можно либо в самой Сирии, либо в другой стране. Последнее маловероятно, но даже если какое-нибудь государство согласится принять это оружие на своей территории, возникнут сложные, требующие длительных сроков согласования юридические, экономические и логистические проблемы. А в стране, охваченной ожесточенной гражданской войной, только для обеспечения безопасности складов ХО, его транспортировки и установок по утилизации потребовались бы тысячи иностранных военнослужащих.

Безопасная перевозка химических боеприпасов и боевых отравляющих веществ (БОВ) к местам утилизации — это более чем рискованное мероприятие. Три из четырех предприятий по производству ХО находятся в зонах, где ведутся боевые действия. Возник также вопрос о темпах уничтожения химических боеприпасов. Упомянулось, что и в США, и в России уничтожение ХО растянулось на многие годы.

Но это лишь часть проблемы. Проверка данных, полученных от режима Башара Асада, предполагает изучение всей документации о производстве БОВ и их прекурсоров, получении соответствующих материалов и оборудования из других стран и сопоставление этих данных с техническими характеристиками установок, на которых изготавливались БОВ.

Далее, необходимы инспекции не только объявленных объектов по хранению и производству ХО, но и любых мест, где оно хранилось или могло храниться, где могли находиться установки по снаряжению боеприпасов и другие объекты, связанные с этим оружием.

Между тем вопрос о том, насколько полную информацию предоставил Дамаск, возник сразу же после ее получения. Так, по утверждениям сирийских властей, в стране имеется 19 складов ХО, из них 7 находятся в зонах боевых действий. Однако по сведениям американских и израильских экспертов их число достигает 45–50⁵. Но даже если сирийские власти и оппозиция будут честно сотрудничать с международными инспекторами, потребуется длительное время и крупные ресурсы, для того чтобы удостовериться, что все сирийское ХО действительно уничтожено.

Например, в Ираке в 2003–2004 гг., уже после разгрома режима Саддама Хусейна, потребовалось 1500 человек высококвалифицированного персонала, которым понадобилось 15 месяцев, чтобы убедиться в ликвидации иракского арсенала оружия массового уничтожения и объектов по его разработке и производству⁶.

С технической точки зрения, темпы ликвидации ХО зависят от величины его запасов и мощностей установок по уничтожению. Сведения о количестве и дислокации сирийского химического арсенала, сообщенные Дамаском в ОЗХО, остаются секретными. Однако появившаяся в СМИ информация американской, французской и израильской разведок, выглядит правдоподобно. Предполагается, что общее количество сирийских БОВ составляет около 1000 тонн. В частности, по французским данным, Сирия имеет более 1000 тонн БОВ, в том числе:

- несколько сотен тонн сернистого иприта (горчичного газа);
- несколько сотен тонн зарина, составляющего большую часть сирийского арсенала;
- несколько десятков тонн нервно-паралитического газа VX⁷.

Появились неподтвержденные сообщения, что 300 тонн иприта находится в боеприпасах, а 700 тонн нервно-паралитических веществ — то ли в канистрах, то ли в виде прекурсоров, которые смешиваются в процессе оснащения боеприпасов⁹. Если эти данные соответствуют действительности, то сирийский химический арсенал может быть уничтожен сравнительно быстро. Так, современная американская мобильная установка *FDHS (Field deployable hydrolysis system)* может утилизировать в день от 10 до 25 тонн БОВ, а для ее развертывания на местности требуется 10 дней⁹. Российская высокотемпературная установка способна уничтожать до 500 тонн БОВ в год¹⁰.

Однако если большая часть БОВ находится в боеприпасах, процесс уничтожения ХО осложняется и может затянуться надолго, поскольку требуется значительное время для извлечения отравляющих веществ из ракетных боеголовок, снарядов и авиабомб. При этом в любом случае необходимо обеспечить защиту персоналу, занятому их уничтожением, местному населению и окружающей среде.

Наибольшие сложности вызывает, однако, нерешенность организационных и финансовых проблем. По существующему порядку, ответственность за уничтожение химического арсенала несет страна, которой это оружие принадлежит. Задача ОЗХО — проверить правильность сообщенных данных и удостовериться, что объявленные запасы ХО и связанное с ними оборудование уничтожены согласно утвержденным правилам. Дамаск, естественно, не имеет ни желания, ни ресурсов для ликвидации своих химических вооружений, тем более в очень короткие сроки. Последнее возможно только на многосторонней международной основе, что требует решения многочисленных технических, юридических и политических проблем.

При этом невозможно избавиться от впечатления, что целью всех сентябрьских решений относительно сирийского ХО было не столько его уничтожение, сколько предотвращение американского военного удара по Дамаску. Действительно, рамочная договоренность, решение Исполнительного совета ОЗХО и резолюция № 2118 СБ ООН представляют собой сделанные в спешке, содержательно неряшливые документы, в которых не говорится, как будет финансироваться процесс уничтожения, какие и в каком количестве и статусе иностранные специалисты будут обслуживать установки по уничтожению БОВ, откуда возьмутся эти установки, какие военные контингенты будут охранять их и склады ХО, кто будет нести ответственность за весь процесс ликвидации и т. д.

Пал Дунай (Венгрия), руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности — по электронной почте из Будапешта: Среди стран Ближнего Востока, прошедших через Арабскую весну, нет ни одной, которая прошла бы через демократический эксперимент и сформировала консолидированную систему власти. Тем не менее произошли события, улучшившие состояние безопасности. Некоторое потепление американо-иранских отношений после прихода к власти нового президента Ирана Хасана Роухани стало одним из таких позитивных событий. Также Совбез ООН в ходе сирийского кризиса продемонстрировал, что конструктивное сотрудничество между его основными членами все еще возможно.

Российский министр иностранных дел С. В. Лавров, по сути дела, отмахнулся от этих проблем: «Это предстоит решить профессионалам, они должны увидеть все своими глазами и определить, какие отравляющие вещества могут быть уничтожены на месте и что для этого потребуется»¹¹. Но похоже, что министру и его подчиненным все же придется заниматься этими скучными вопросами. Профессионалы, разумеется, смогут определить объем работ и оценить затраты, но обсуждать все это с зарубежными партнерами — забота МИДа.

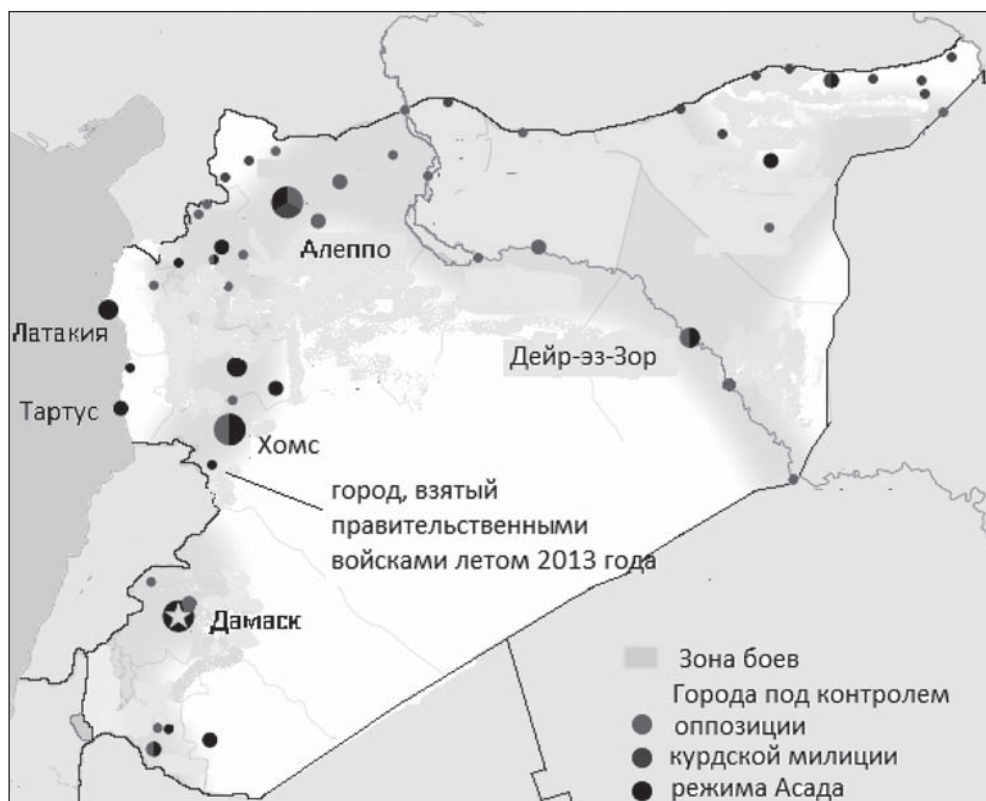
ТОЧКА НЕВОЗВРАТА НА ПУТИ К *FAILED STATE*

Главный, но тактический выигрыш от пакта Керри–Лаврова достался Башару Асаду: он избежал военного поражения. Фактически снят вопрос о его ответственности за использование ХО, вызвавшее массовую гибель гражданских лиц. В центре внимания мирового сообщества оказалось не прекращение гражданской войны, а химическое разоружение Сирии.

Это не меняет ни соотношения сил в Сирии, ни конечного результата гражданской войны. Весьма приблизительно считается, что оппозиция контролирует примерно 60–70% территории, тогда как Башар Асад — 60–70% населения страны. Отдельные успехи той или другой стороны, не меняют сложившейся ситуации. Так, взятие летом 2013 г. правительственными войсками городка Эль-Кусайр, расположенного на стратегическом шоссе Алеппо–Хомс–Дамаск, осложнило коммуникации оппозиции между центральной и южной частями страны. Силы оппозиции были вытеснены из центральных районов третьего по величине города Сирии — Хомса, превращенного в руины в результате длительных боев.

Отряды оппозиции, между тем, блокировали правительственные войска, в том числе находящиеся на двух расположенных рядом с этим городом крупных военных базах, около города Идлиб. Однако ни то, ни другое не привело к существенным изменениям обстановки и тем более к выходу из военно-политического тупика.

Военно-политическая обстановка в Сирии, август 2013 г.¹²

Политически Башар Асад продолжает опираться на алавитское население, а также частично на христиан, шиитов, друзов и исмаилитов, составляющих в совокупности около 35–40% населения. Основными факторами, сплачивающими их вокруг

сирийского президента, являются страх перед приходом к власти радикального исламистского крыла и то насилие, которому со стороны радикальных группировок исламистов подвергается не суннитское население.

Вооруженные силы Башара Асада включают около 70 тыс. человек, примерно треть довоенной сирийской армии, насчитывавшей в 2010 г. назад 220 тыс. солдат и офицеров. Ядром войск являются четыре элитные дивизии: 14-я воздушно-десантная, 15-я специального назначения, 1-я и 3-я танковые. Их офицерский корпус состоит преимущественно из алавитов. Карательные функции выполняет 100-тысячная алавитская милиция *Шабиха*. Ее же используют для охраны захваченных у противника территорий и борьбы с малочисленными вооруженными группами оппозиции. В ряде операций, в том числе при захвате Эль-Кусайра, использовались отряды *Хезболлы*, насчитывающие в общей сложности 3–4 тыс. боевиков¹³.

Вооруженные силы режима находятся под единым командованием, что позволяет сосредотачивать их на наиболее важных участках. Однако эта способность ограничена необходимостью держать под контролем значительную территорию, что неизбежно ведет к распылению ресурсов. Кроме того, сирийская армия, слабо приспособленная к войне против партизан в городских условиях, широко использует массированные артиллерийские обстрелы, авиационные бомбардировки и танковые атаки. Это приводит к большим потерям среди мирного населения, что еще более ухудшает политические позиции Дамаска среди суннитского населения.

Оценить военный потенциал оппозиции трудно из-за отсутствия доступной объективной информации. Американские эксперты полагают, что в общей сложности различные оппозиционные группировки насчитывают 100–150 тыс. боевиков, из них только 30–40 тыс. могут действовать за пределами своих городов и поселений¹⁴.

В итоге оппозиции трудно осуществлять крупные наступательные операции и преобразовывать тактические успехи в стратегическое преимущество¹⁵. Самыми слабыми местами оппозиции являются отсутствие единого командования, раздробленность и противоречия, включая вооруженные столкновения между различными группировками.

Наиболее боеспособными среди вооруженной оппозиции являются радикальные исламистские группировки, общая численность которых оценивается в 20–30 тыс. человек. Однако между ними нет единства не только в результате соперничества за влияние и внешнюю помощь, но и в силу идеологических различий. Так, группы, аффилированные с *Аль-Каидой*, прежде всего *Джабхат аль-Нусра*, выступают за всемирный джихад. Относительно умеренная часть исламистов, в частности считающаяся самой мощной в военном отношении *Харакат Ахрар аш-Шам Ислами (Исламское движение свободного Леванта)*, добивается создания в Сирии государства, основанного на шариате, но не разделяет джихадистские настроения.

Войска Башара Асада превосходят силы оппозиции по количеству и техническому оснащению. Гипотетически они смогут блокировать и уничтожить относительно крупные формирования оппозиции, сконцентрированные вокруг больших городов, за которые идут бои, но и в этом случае Дамаск вряд ли добьется победы. Для этого необходимо ликвидировать несколько тысяч вооруженных группировок, действующих на местном уровне и опирающихся на поддержку населения. Это требует намного более крупных ресурсов, чем те, которыми располагает сирийский режим. Считается, что для эффективного контроля территории правительственные войска должны превосходить повстанцев в соотношении примерно 10:1.

Кроме того, опыт партизанских войн второй половины XX в. показывает, что победы правительственных войск достигались в двух случаях. *Первый*, когда партизаны не получили поддержки населения (коммунистические повстанцы в Малайе и на Филиппинах, отряды Че Гевары в Боливии). *Второй*, когда местное население,

сочувствовавшее партизанам, было подвергнуто массовым репрессиям и выселено за пределы родных мест (Западная Украина и Прибалтика после Второй мировой войны). Таким образом, военное превосходство является необходимым, но далеко не достаточным условием победы в войне против партизан.

Тупиковая ситуация в Сирии обусловлена несколькими политическими факторами. *Во-первых*, Дамаск, возможно, согласится включить в бюрократическую элиту отдельные фигуры умеренной оппозиции при условии прекращения гражданской войны и сохранения в руках нынешней правящей верхушки ключевых постов, включая пост президента. Однако для умеренной и радикальной оппозиции непременным условием политического решения является отстранение от власти Башара Асада и его окружения.

Во-вторых, нет механизма, позволяющего осуществить прекращение огня и создать более или менее работоспособную систему управления в масштабах страны в целом. Даже если какая-то часть оппозиции согласится участвовать в переходных структурах, это не означает, что многочисленные действующие самостоятельно группировки прекратят огонь.

В-третьих, главное, что взаимное ожесточение, вызванное массовыми репрессиями против гражданского населения, привело к тому, что быстрое примирение суннитов, алавитов, христиан и приверженцев других конфессий стало невозможно. Сирийская война прошла *точку невозврата*.

Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы: Нейтралитет Израиля в сирийской гражданской войне и инициатива В.В. Путина по постановке сирийского химического оружия под международный контроль в числе немногих позитивных событий периода. Но не следует ожидать, что произойдет нечто существенное. Сирийские боевики не могут отступить, им необходимо свергнуть Башара Асада или погибнуть. Без внешнего вмешательства они его победить не смогут. Вопрос лишь в том, на какие еще провокации пойдут повстанцы и когда они начнут их осуществлять.

Военно-политический тупик в Сирии может растянуться на несколько лет, но не может продолжаться бесконечно. Наиболее вероятный исход — формирование двух квазигосударств. Одно — в прибрежных районах, населенных алавитами, друзами и христианами, другое — в местностях с преобладанием курдского населения, тогда как суннитские зоны превратятся в арену войны всех против всех.

Другие варианты — *ливанизация* или даже *сомализация* страны, то есть сочетание крайне слабой центральной власти и фактическая независимость враждующих между собой анклавов и этнорелигиозных группировок. В случае американского удара по Сирии эти варианты могли реализоваться уже в ближайшем будущем. Отказ Барака Обамы от такого удара затягивает сирийскую агонию на неопределенное время, но не меняет ее исхода.

МИРОВОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ СДАЕТ СВОЙ ЗНАЧОК?

Барак Обама делает то, чего никогда не должен делать президент Соединенных Штатов: он мечется, допуская ошибку за ошибкой. Проведя в сирийском вопросе известную *красную черту*, которую проводить было не обязательно, он до предела сузил себе свободу маневра. И в конце августа 2013 г. он выбрал политически наилучший вариант: пригрозил применить силу против Дамаска и сразу же отказался от этого намерения.

В этой ситуации отсылка к позиции европейских союзников США, возможной эскалации сирийского конфликта до *большой войны* в регионе, отсутствию поддержки американского военного вмешательства со стороны Конгресса или угрозе прихода к власти исламистов в случае военного поражения Башара Асада не выдерживает критики.

Позицию европейских союзников США можно было предвидеть заранее. Опыт последних лет показывает, что европейские элиты в большинстве своем не способны оценить глобальную ситуацию и выстроить стратегию — их внимание сосредоточено на финансово-экономическом кризисе и других сиюминутных проблемах. При этом ключевые интересы Европы война в Сирии практически не затрагивает. Таким образом, у европейских государств не было оснований поддерживать американский удар по Дамаску, но и возражения против него имели ритуальный характер и были рассчитаны главным образом на местную леволиберальную публику, глубоко уверенную в том, что Вашингтон представляет собой олицетворение мирового зла.

Угроза региональной войны на Ближнем Востоке в случае американских бомбежек Сирии представляется скорее надуманной, чем реальной — у единственного возможно *застрельщика* такой войны, Ирана, для этого нет ни политической, ни технической готовности.

Что касается поддержки со стороны Конгресса, то Барак Обама имел право обойтись без нее, то есть он совершил еще одну ошибку, осложнив свое и без того непростое положение.

Если же говорить о крушении режима Башара Асада в результате разгрома его ключевых военно-политических узлов, то оно усилило бы влияние радикальных исламистов в ряде мест при их одновременном втягивании в длительную междоусобную борьбу за власть и влияние на локальном уровне.

Об общем кризисе американской внешней политики свидетельствует и отказ президента Барака Обамы от участия в саммите АТЭС на Бали, в совещании будущих участников создающегося Транстихоокеанского партнерства, в котором США планируют играть ведущую роль, а также в Восточноазиатском саммите в Брунее¹⁶.

Все это противоречит объявленному курсу на перенос центра тяжести американской внешней политики в Азиатско-Тихоокеанский регион. Причины этого связаны не только с противоборством между Конгрессом и Белым домом по бюджетным вопросам, но и, возможно, с неспособностью последнего выработать сколько-нибудь последовательную внешнеполитическую линию и нарастанием в американской элите изоляционистских настроений.

Однако какими бы не были причины слабости администрации Обамы, для внешнего мира важно, что из-за внутренних проблем президент США ставит под сомнение внешнеполитические интересы своей страны и ее союзников. Это имеет серьезные международные последствия.

Сокращение внешнеполитической роли США воспринимается в Москве, Пекине и ряде других столиц как движение к *многополярному миру*. Однако многополярные системы, например, международные отношения в Европе между Вестфальским миром и окончанием Второй мировой войны, крайне нестабильны.

В XXI в. отказ Вашингтона от роли *мирового полицейского* приведет к эскалации исламского терроризма, резкому росту распространения ядерного оружия и вынужденному сплочению Японии, Тайваня, Южной Кореи и ряда других стран Восточной и Юго-Восточной Азии для защиты от потенциальной китайской экспансии. Ослабнет и НАТО, а страны Центральной и Восточной Европы вновь почувствуют себя потенциально не защищенными. Наиболее очевидный результат всего этого — обострение кризисных ситуаций на Ближнем Востоке, в АТР и зоне между Европой и Россией, включая бассейны Черного и Балтийского морей. О том, чем это чревато, лучше не задумываться.

РОССИЙСКАЯ АРКТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Скандал с судном *Arctic Sunrise* и полемика профессора С. А. Медведева с президентом В. В. Путиным подстегнули интерес широкой публики к проблемам Арктики. Однако почти незамеченным осталось событие, имеющее намного большее значение.

В июне 2013 г. на неопределенно долгое время было заморожено освоение Штокмановского газового месторождения. Это поставило под вопрос *Арктический миф* — комплекс представлений об Арктике, ставший в России де-факто частью внешнеполитической доктрины. Его суть в том, что глобальное потепление приведет к радикальному сокращению ледового покрова Северного Ледовитого океана. В результате станут возможными освоение предположительно огромных запасов углеводородов, находящихся под дном этого океана, а также крупномасштабные морские перевозки и стратегические военно-морские операции в арктических акваториях. В рамках этого мифа в обозримой перспективе Арктика должна превратиться в арену ожесточенной борьбы за ресурсы, грозящей вооруженными столкновениями, а Россия должна закрепить в качестве своей исключительной экономической зоны примерно 1,2 млн км², превратить Северный морской путь в мощный транспортный коридор между Европой и АТР и готовиться к военным действиям в полярных широтах. Однако эти геополитические установки имеют мало общего с реальностью.

Факт изменения климата сомнений не вызывает. В российском истеблишменте преобладает мнение, что эти изменения ведут к потеплению, которое благоприятствует реализации стратегических интересов страны в Арктике. При этом игнорируется, что такое гипотетическое потепление приведет к таянию вечной мерзлоты и, следовательно, к разрушению части нынешней портовой, транспортной и нефтегазовой инфраструктуры, расположенной в российской тундре.

Однако на деле, например, специалисты Арктического и антарктического НИИ отмечают начало медленного понижения температуры в арктической зоне и крупные положительные аномалии ледового режима в Баренцевом и Карском морях. Предполагается, что похолодание, аналогичное имевшему место в 1940–1950-х гг., продлится до середины 2030–2040-х гг. Повышенная площадь льдов и, соответственно, преобладание тяжелых ледовых условий ожидается в 2020–2040-х гг. с максимумом в 2030–2035 гг.¹⁷

Ресурсы нефти и газа в северных морях намного меньше, чем это принято считать в Москве, стоимость их разработки весьма велика, климатические условия крайне тяжелы, а инфраструктура не развита. В России обычно ссылаются на оценки российского Министерства природных ресурсов, по которым извлекаемые ресурсы углеводородов на шельфах Баренцева и Карского морей составляют около 13,5 млрд тонн нефти и 73 трлн м³ газа. Много говорится о сверхкрупных газоконденсатных месторождениях — Штокмановском, Русановском и Ленинградском, совокупные доказанные запасы которых (по российской классификации) составляют около 10 трлн м³ газа.

Но к настоящему времени начата эксплуатация только одного морского месторождения — Приразломного, находящегося на шельфе Печорского моря. Предполагаемая годовая добыча на нем составляет около 6 млн тонн нефти. Штокмановский проект провалился. Для освоения этого месторождения требовались огромные затраты. Если в 2007–2008 гг. они оценивались в 12–14 млрд долл., то в 2012 г. называлась цифра 30 млрд долл. и выше¹⁸. Высокая себестоимость делала штокмановский газ неконкурентоспособным на европейском рынке, а растущая добыча сланцевого газа в США сделала бессмысленным его экспорт в Северную Америку.

В целом, похоже, российские оценки прогнозных ресурсов северного шельфа значительно преувеличены. Согласно Геологической службе США, недоказанные ресурсы нефти на российском арктическом шельфе равны 3,2 млрд тонн, свобод-

ного и попутного газа — чуть меньше 29 трлн м³, а газового конденсата — примерно 3 млрд тонн¹⁹. Это в два с лишним раза меньше 77 млрд тонн условного топлива, о которых часто упоминают в российских правящих кругах. При этом и российские, и американские оценки относятся к прогнозным ресурсам, то есть гипотетическим, не подтвержденным бурением и сейсморазведкой, а доказанные запасы углеводородов на арктическом континентальном шельфе по уточненным оценкам Минприроды России в 9–10 раз меньше²⁰ (табл. 1).

Таблица 1. Запасы углеводородов в российских морях Северного Ледовитого океана

Море	Прогнозные ресурсы (млрд т условного топлива)	Доказанные запасы (млрд т условного топлива)	Количество месторождений
Баренцево	22,5	4,5	5
Печорское	4,5	0,5	6
Карское	41,4	3,9	14
Лаптевых	3,2	0	0
Восточно-Сибирское	5,6	0	0
Чукотское	3,3	0	0
Всего	76,6	8,9	25

Наконец извлекаемые с помощью имеющихся технологий объемы нефти и газа намного меньше их доказанных запасов. Так, в проекте Государственной программы разведки континентального шельфа и разработки его минеральных ресурсов, подготовленном в 2011 г., доказанные извлекаемые запасы нефти на арктическом шельфе России оценивались в примерно 400 млн тонн (около 2% ее запасов), а доказанные извлекаемые запасы газа — около 8 трлн м³ (около 16% соответствующих российских запасов)²¹.

Инвестиционная привлекательность северных морских проектов находится на низком уровне. Себестоимость добычи нефти в среднем по России составляет 22 долл./баррель, а на Приразломном месторождении приближается к 30 долл./баррель. Себестоимость добычи углеводородов на арктическом шельфе России может достигать до 500–700 долл. за тонну нефтяного эквивалента (65–90 долл./баррель), что почти на порядок выше, чем в Западной Сибири, где себестоимость составляет 60–80 долл. за тонну (8–11 долл./баррель)²². Инвестиции в освоение углеводородных месторождений на шельфе северных морей в среднем в 1,5 раза выше инвестиций в освоение месторождений суши, а чистый доход от таких проектов почти в 2 раза ниже²³.

Наконец главное внимание в России в ближайшие годы будет уделяться освоению сухопутных газовых месторождений Ямала, что снижает заинтересованность в разработке морских месторождений. При этом сохранение нынешних тенденций на формирующемся мировом газовом рынке приводит к сокращению спроса на российский газ и, соответственно, к снижению темпов освоения Ямала, не говоря уже о шельфе.

В мае 2013 г. Газпром снизил план добычи газа на Бованенковском месторождении: вместо 46,3 млрд м³ планируется добыть 29,5 млрд м³ в 2013 г.²⁴. В итоге, нет оснований ожидать, что в обозримой перспективе будет начато практическое освоение морских месторождений нефти и газа на российском арктическом шельфе.

К стратегическим направлениям российской политики в Арктике относится наращивание транзитных перевозок между Европой и АТР по Северному морскому пути (СМП). Считается, что морские транспортные услуги могут превратиться в крупнейшую после экспорта углеводородов статью доходов, связанную с арктической зоной, снижая потери от ухудшения конъюнктуры на мировых рынках нефти и газа. Реализация транзитного потенциала СМП стимулирует развитие прибрежных регионов. Наконец в этом случае Россия получит контроль над международной транспортной коммуникацией глобального стратегического значения.

На первый взгляд перспектива превращения СМП в крупный транспортный коридор реальна. Использование прибрежного маршрута СМП между Мурманском и Беринговым проливом длиной 3500 миль позволит сократить стоимость перевозок примерно на 40% по сравнению с традиционными путями, проходящими через Индийский океан и Суэцкий канал или вокруг Африки. Однако все это представляет благие измышления: в 2011 г. по СМП было перевезено около 835 тыс. тонн грузов, в 2012 г. — 1,2 млн тонн²⁵.

По мнению некоторых западных экспертов, объем потенциальных транзитных перевозок иностранных грузов по СМП может составить в восточном направлении 5–6 млн тонн в год и 2–3 млн тонн — в западном, что совпадает с оценками ООН, по которым ожидаемый транзитный грузопоток по СМП в 7–8 млн тонн ежегодно²⁶. И это менее 1% общего ежегодного морского грузооборота между Европой и ведущими странами АТР, достигающего (без наливных и насыпных грузов) 900 млн тонн.

Развитию арктического транзитного судоходства мешают и сугубо географические проблемы: эта трасса проходит через проливы Вилькицкого, Санникова и другие глубиной около 17 метров. Это ограничивает тоннаж судов и существенно удорожает перевозки по сравнению с южным маршрутом, на котором используются большегрузные суда. Для проводки судов большего тоннажа можно было бы использовать высокоширотный северный маршрут, но он требует намного более мощного навигационного обеспечения и современных ледоколов.

Имеющийся сегодня в России ледокольный флот способен обеспечить перевозку по СМП в летнюю навигацию не более 3 млн тонн²⁷. Для обеспечения судоходства в Арктике России необходимо 6 атомных, 4 дизельных линейных и 4 ледоколаснабженца для обслуживания буровых платформ. Ресурс мощных российских ледоколов будет окончательно исчерпан в ближайшие 3–4 года. Между тем Федеральная целевая программой *Развитие транспортной системы России на 2010–2015 гг.* предусматривается строительство только одного атомного ледокола мощностью 60 МВт и трех линейных дизель-электрических ледоколов мощностью по 25 МВт. Лишь в более длительной перспективе, до 2030 г., планируется построить еще два атомных ледокола и несколько линейных²⁸.

Имеются неурегулированные международно-правовые проблемы. Российский закон 1998 г. *О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне*, а также Федеральный закон 2012 г. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути* устанавливают, что плавание в акватории СМП регулируется не только нормами международного права и международными договорами РФ, но и федеральными законами и издаваемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами. В частности на проход по СМП требуется разрешение российских властей. Таким образом, морские пространства, по которым проходит эта трасса, де-факто объявлены территориальными водами России.

Непонятно, наконец, к каким войнам в Арктике готовится Россия. Между ней и другими арктическими государствами нет территориальных противоречий, которые могли бы вылиться в вооруженные столкновения. Проведено разграничение морских пространств с Норвегией и США, нет спорных месторождений нефти и газа, на которые наряду с Россией претендовали бы другие страны, а перспективы

освоения новых месторождений и создания на базе СМП мощной транспортной магистрали практически равны нулю.

Иными словами, войны за ресурсы и контроль над транспортными коммуникациями в Арктике бессмысленны, поскольку нет предмета для противостояния. И все же в ближайшие годы решено «создать группировки войск (сил) общего назначения Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (в первую очередь пограничных органов) в Арктической зоне Российской Федерации, способных обеспечить военную безопасность в различных условиях военно-политической обстановки»²⁹.

Готовятся соединения, специально предназначенные для действий в арктическом регионе. К ним, по словам командующего ВДВ В. А. Шаманова, относятся Псковская десантно-штурмовая дивизия, и 98-я воздушно-десантная дивизия, дислоцирующаяся в Иваново и Костроме³⁰, предназначенные, для защиты континентального шельфа России в Арктике³¹.

К 2015 г. предполагается создать мотострелковую арктическую бригаду на базе 200-й мотострелковой бригады, дислоцированной в Печенге вблизи границы с Норвегией и Финляндией. Имеются планы создания еще одной арктической бригады сухопутных войск³², разрабатывается военная техника для действий в условиях Заполярья. В заявлениях высокопоставленных офицеров российского ВМФ муссируется тезис о том, что военный флот является главным инструментом обеспечения интересов России в Северном Ледовитом океане.

Остается неясно, как именно предполагается использовать соединения ВДВ, в чьи задачи входит захват чужих аэродромов и использование их в качестве плацдарма, для защиты российского континентального шельфа. Скорее, за этим стоят интересы военного командования, ищущего аргументы в пользу выделения дополнительных ассигнований на военные цели.

КОНФЕТЫ ИЛИ ФАНТИКИ: ВЫБОР КИЕВА

Подписание соглашения между Украиной и ЕС об ассоциации и создании зоны свободной торговли, запланированное на саммите Восточного партнерства в Вильнюсе, сорвалось по совокупности внутривнутриполитических противоречий и внешнеполитического ажиотажа. Но важно, что ранее — 18 сентября 2013 г. — украинское правительство уже одобрило проект этого документа, сделав, по сути дела, первый реальный шаг к интеграции с Европой. И для стран бывшего Советского Союза вопрос о том, присоединится Украина к Таможенному союзу или ассоциируется с ЕС, имеет самое серьезное значение.

Планы украинской элиты вызвали взрыв раздражения в российском истеблишменте. В Москве прекрасно понимают, что их воплощение нанесло бы сильный удар по престижу Кремля как внутри страны, так и на международной арене. Но главное в том, что ассоциация Украины с ЕС точно поставит крест на перспективе превращения Таможенного союза в интеграционное образование, охватывающее основные районы бывшего СССР и постепенно обретающее военно-политические функции. А это одна из ключевых стратегических целей нынешней власти России.

В результате Украина стала объектом жесткого давления со стороны России. Если отвлечься от истерической риторики и плохо замаскированных угроз и оскорблений в адрес украинской элиты, то суть российской аргументации сводится к тому, что дефицит платежного баланса Украины, составляющий в настоящее время 10 млрд долл., в случае подписания Соглашения об ассоциации с ЕС и введения ответных мер со стороны Таможенного союза увеличится до 15–16 млрд долл. и приведет к дефолту.

Однако есть и другие оценки. Министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт считает, что вступление Украины в Таможенный союз приведет к падению украинско-

го ВВП на 40%, а присоединение к ЕС поможет увеличить ВВП страны на 12%³³. Глава Представительства ЕС в Украине Ян Томбинский полагает, что соглашение с ЕС стимулирует рост внутреннего спроса, сэкономит украинским экспортерам 750 млн долл. ежегодно, а в долгосрочной перспективе темпы роста экономики Украины составят до 6%³⁴.

Противоречивые экономические оценки отражают как несовместимые политические установки, так и то реальное обстоятельство, что ассоциация с ЕС по-разному скажется на различных секторах украинской экономики: одни получают стимул для развития и модернизации, другие окажутся в сложном положении. Перед последними предельно остро встанет дилемма: либо реформироваться, либо исчезнуть.

В целом Украина пойдет по пути, по которому прошли страны Центральной и Восточной Европы и Балтии, ставшие сегодня неотъемлемой частью Европейского Союза. Скорее всего, этот путь будет для Украины значительно сложнее в силу большого размера экономики, ее отсталости и серьезного влияния институтов и процедур, унаследованных от бывшего СССР. Тем не менее появляется шанс для реальной социально-экономической модернизации.

В свою очередь, присоединение к Таможенному союзу снимет все ограничения для экспансии в Украину российских корпораций, которые поглотят, выдвигая с рынка или доведут до банкротства большую часть украинских компаний и станут мощными инструментами политического влияния Москвы. И хотя часть украинского общества и элиты заинтересована в сотрудничестве с Россией и никто не склонен к противостоянию с ней, никто не готов поступиться независимостью и превратить страну в российский протекторат. Поэтому, несмотря на срыв нынешнего раунда переговоров Киева и Брюсселя, Кремлю вряд ли стоит праздновать победу.

Пал Дунай (Венгрия), руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности — по электронной почте из Будапешта: Приближается саммит Восточного партнерства в Вильнюсе, где ряд стран, включая Молдавию и Украину, подпишут новое соглашение о партнерстве с Евросоюзом. Между тем саммит оказал негативное воздействие и повысил напряженность в отношениях между Россией и наиболее значимыми для нее странами СНГ, прежде всего с Украиной. Очевидно, что Россия и ЕС вступили в игру с нулевой суммой, взяв за основу утверждение, что какая-то страна может быть либо с Москвой (в Таможенном союзе), либо с Брюсселем (с Евросоюзом). Это печальный факт.

ЭНТРОПИЯ РОЛИ МОСКВЫ

Сторонники взгляда на мировую политику как на игру с нулевой суммой часто трактуют пакт Керри–Лаврова как убедительную победу российской дипломатии. Действительно, Соединенные Штаты, *bête noire* (хотя одновременно и *objet de l'admiration*³⁵) нынешнего российского истеблишмента, оказались в глупом положении. Президент Обама сам вычеркнул себя из списка мировых лидеров, заявления которых с доверием воспринимаются партнерами и противниками.

Политическое руководство большинства стран задалось вопросом: вернуться ли США к своей традиционной роли *мирового полицейского* при следующей администрации или изоляционистский тренд наберет силу со всеми вытекающими из этого последствиями. Появляется предположение, что Москва может, пусть частично, заполнить нишу на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и АТР, образующуюся в результате ослабления позиций Вашингтона в этих регионах. Это ставит вопрос: каким может быть положение России, если США и далее будут дистанцироваться

ся от международных проблем, не затрагивающих непосредственно их ключевые интересы?

Слабость администрации Барака Обамы не означает слабости Соединенных Штатов, которые как были, так и остаются наиболее мощной в экономическом, военном и научно-техническом отношениях страной. Кроме того, слабость Белого дома не приводит к укреплению российской экономики и вооруженных сил и не улучшает имидж России в глазах мирового общественного мнения. Способность Москвы воздействовать на положение дел в зонах нестабильности за исключением районов, расположенных рядом с российскими границами, не увеличивается и остается незначительной.

Поэтому чем менее стабильной будет мировая обстановка, тем меньшей будет глобальная роль Москвы, зависящая не от выступлений политиков и дипломатов в ООН и на заседаниях Валдайского клуба, но от реальных экономических и силовых ресурсов.

Андрей Кортунов (Россия), генеральный директор Российского совета по международным делам — по телефону из Москвы: Не произошло существенных подвижек вокруг многих кризисных явлений в мире. Благо, те из них, которые могли бы обостриться, пока находятся в латентном состоянии. Произошло определенное снижение напряженности вокруг Корейского полуострова, достигавшее весной 2013 г. высокого уровня. Российская инициатива позволила снизить градус напряженности в Сирии. Победа на выборах в Иране Хасана Роухани означает победу умеренных группировок в руководстве страны. Этим актив позитивных тенденций ограничивается.

Зимой 2013–2014 гг. регион Большого Ближнего Востока по-прежнему будет одной из самых нестабильных точек мира. Осложнится ситуация вокруг Афганистана в связи с выводом из страны американского военного контингента и контингентов союзников.

Иначе может складываться ситуация в соседних с Россией регионах. Если российская стратегия не изменится, по мере ухода США из Афганистана и, соответственно, из Центральной Азии Россия будет все глубже втягиваться в безнадежную военно-политическую трясину, пытаясь сохранить у власти распадающиеся авторитарные режимы, и все жестче сталкиваясь с Китаем. А в Европе соседи России, обоснованно или нет рассчитывающие на американские гарантии безопасности, будут вынуждены сами о ней заботиться, выстраивая коалиции.

Такова природа многополярного мира. *Tu l'as voulu Georges Dandin...*

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ЭПОХА ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ КАПИТАЛА

В последние несколько недель более чем когда-либо стало очевидно наличие в мировой политике *двойного* дна. Да, конечно, опытный политолог всегда заметит нестыковки между реальными действиями участников международных процессов, особенно ключевых, и теми публичными объяснениями, которые они при этом дают. Но обычно эти нестыковки не выходят за рамки внешнеполитического лукавства, степень которого определяется характером политического режима в стране и политической культурой этой страны.

РАСПРАВЛЯЮТ ЛИ ПЛЕЧИ АТЛАНТЫ?

Тот факт, что прекрасная Франция в Мали воюет ровно с теми же в идеологическом смысле персонажами, которых вооружает в Сирии, конечно, говорит о явных проблемах с французским геополитическим компасом, но отнюдь не о каких-то сверхглубинных причинах. Напротив, речь идет о стремлении французского руководства понравиться одновременно всем группам своего электората, спонсорам из числа арабских монархий и продемонстрировать свою верность стратегическому партнерству с США. Конечно, порой Париж попадает в смешное положение, как например, в сентябре в ходе попыток все-таки *побомбить* Сирию, когда французские руководители, пребывавшие в *раже атлантизма*, просто не уловили реальных настроений в Вашингтоне и побежали *впереди паровоза*. Но в целом это обычное для современной Франции состояние, серьезных подводных камней тут нет и быть не может.

Однако в последние несколько месяцев раз за разом возникают ситуации, которые невозможно объяснить той логикой развития системы международных отношений, которая доступна нам и вписывается в современную глобальную политическую и экономическую действительность. Приведем лишь несколько примеров.

Очевидно, что возбуждение вплоть до откровенной истерики от применения химического оружия в пригородах Дамаска совершенно не было связано ни с химическим оружием, ни с Сирией. Позволю себе предположить, что оно никак не было связано и с проблемами американской внешней политики. Равно как и быстрое *сливание* США ситуации не имело большого отношения к предложениям России. Конечно, эти предложения были очень к месту: удалось сохранить лицо, да и перед европейскими союзниками уже не так неудобно.

Но если разобраться, становится понятно, что большая часть тех, кто сорвал *маленькую победоносную войну* Барака Обамы в Сирии, не просто принадлежит к республиканской партии, а занимает там ультраконсервативные позиции, и кое-кто связан с американским финансовым истеблишментом. Жесткость и не по-американски публичный характер последующего бюджетного кризиса это только доказывает. Согласитесь двойная *потеря лица* президентом самой могущественной страны мира — вещь неординарная.

Ровно так же не связано с антивоенными настроениями общества и поведение британских парламентариев, которые, кажется, впервые со времен Фолклендской войны 1982 г. не взяли под козырек после указания из Вашингтона. И это на фоне того, как рьяно в бой рвалась *преддефолтная* Франция и государства Персидского залива с Саудовской Аравией во главе. А ведь мы знаем и степень циничности британской элиты, и степень ее зависимости от США, и степень ее информированности относительно того, что происходит на самом деле.

Я уже не говорю о том, что вся эта шумная история вокруг Эдварда Сноудена оказалась всего лишь поводом для того, чтобы устроить весьма серьезное выяснение отношений по очень многим векторам. Например, между Бразилией и США, да и в целом с Латинской Америкой, после которого стало понятно, что проблемы с наследниками Уго Чавеса — это мелочь по сравнению с тем, что в потенциале может ожидать американцев. И этот *нарыв* зрел уже несколько лет, если не десятилетие. На фоне этого несколько выкриков в адрес России уже даже не вспоминаются, как и недовольное бурчание немцев. В Латинской Америке под прикрытием истории с прослушиванием вполне может начаться очень серьезный передел финансового и телекоммуникационного рынка, после чего *боливарианская альтернатива* покажется пионерским капустником.

По сути мы все больше и больше имеем дело не с публично проявляющимися механизмами внешней политики, а с тем *следом*, который оставляют во внешней политике глубинные процессы в национальной политике и экономике. В то же время главную роль играют сугубо экономические процессы на глобальном и транс-

региональном уровне. Наверное, лет через 5–7 мы узнаем, каковы были и эти процессы, и многое в кажущемся бессмысленном поведении мировых лидеров.

Сейчас нам просто нужно знать, что в основе этих метаний лежат не гуманитарные соображения, не стремление к новому мировому порядку, более честному и справедливому, а куда более значимые, видимо, тектонические процессы перераспределения глобальных капитала, ресурсов и влияния. И для того чтобы эффективно играть на мировой арене хотя бы *третью скрипку*, нужно привести в порядок свои внутригосударственные дела, прежде всего экономику и систему внешнеэкономических связей.

На этом фоне не вполне убедительные попытки российского руководства хоть как-то стимулировать экономический рост в стране все же отнюдь не бесполезны. Если судить по хаотическим экономическим подергиваниям, российское руководство понимает в том, что происходит в системе международных отношений не сильно больше нас. Отсюда и полное отсутствие вектора в экономических и политических маневрах, которые порой тактически блестящи, но стратегически оставляют какое-то унылое ощущение. Как олимпийский факел, у которого хороший дизайн, но отвратительная начинка, в результате чего он постоянно тухнет.

Тем не менее в последние три месяца, включая вроде бы спокойное лето, стало очевидно, что большого запаса *внутренней прочности* у российского руководства нет. И если не предпринять чего-то действительно решительного, очень скоро обнажившиеся внутренние уязвимости станут уязвимостями внешними, на которых наши *партнеры* начнут достаточно агрессивно *играть*.

ПОРТРЕТ ИСЛАМИЗМА НА ФОНЕ УВЯДАЮЩЕЙ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

Арабская весна как социальное и политическое явление явно находится на стадии *выгорания*, волна исламского энтузиазма, которая была ею поднята, явственно находится в фазе затухания и, если не произойдет какого-то искусственного стимулирования, постепенно затухнет года через полтора. В салафитском движении останутся только те, кто действительно сделал вооруженный джихад единственной целью своей жизни. И встает вопрос: кто же эти люди?

Этот вопрос в действительности более чем актуален. Обратите внимание: раньше основное количество *борцов за веру* давали Аравийский полуостров, причем его южная оконечность, где традиционно силен религиозный радикализм, и становящийся все более депрессивным и социально безнадежным Пакистан. Этот этап продолжался без малого 30 лет, и к нему все привыкли.

Однако в последние годы мы видим коренное изменение картины: *моджахеды* аравийского происхождения, конечно, не исчезли, но они все больше представляют маргиналов, а не идейных борцов из семей миллионеров и миллиардеров. Если верны сообщения о том, что саудовцы направляют воевать в Сирию уголовников, то эта тенденция, видимо, дошла до предела своего естественного развития. А основную массу *борцов за веру* составляют три очень странные и, казалось бы, не пересекающиеся между собой группы:

- представители Северной и Восточной Африки. И тут главным является возникновение структурированных и организованных террористических структур, способных планировать и осуществлять крупные и сложные операции, а не просто набеги на более спокойных и обеспеченных соседей. Согласитесь, чтобы организовать такой теракт, как в Кении в сентябре 2013 г., одной только *белой вдовы* Саманты Льютуэйт недостаточно. Нужна инфраструктура и некий *класс*, а не 5–7 человек, о которых говорят официальные источники. В данном случае можно высказать одно предположение: обилие африканцев и среди исламистов, и среди беженцев в Европу, возможно, свидетельствует об окончательном распаде родоплеменных структур в Африке и переходе центральной части континента

в некую новую социальную реальность. Это будет иметь колоссальные последствия в свете выдавливания больших масс населения из традиционных районов проживания и традиционных социальных моделей и при определенных условиях может приобрести глобальный характер;

- представители исламизированных сообществ в европейских странах. Интересно, что почему-то для США этот феномен почти не характерен, равно как и для стран Южной Европы. В основном поехать за веру стремятся жители стран, которые составляют сердцевину Европы. И только обилием эмигрантов и либеральностью законов этот феномен не объяснить. Нельзя вообще исключать того, что мы являемся свидетелями исламизации общественной и политической жизни европейских стран, формирования в европейских обществах принципиально новой идеологической доминанты. В данном случае ситуация ясна: источником явления стал кризис европейского социального государства. И вряд ли стоит надеяться на то, что данный источник исламистов для глобального джихада иссякнет;
- представители беднейших стран Азии, прежде всего Афганистана и Пакистана, в меньшей степени Йемена. Этот источник исламистов для глобального джихада как был, так и остается в числе основных. Однако и тут важно отметить, что они все больше действуют не в глобальном масштабе, а на своей территории или поблизости от нее. И в реальности значение этого источника исламистов снижается уже не первый год.

Что до попыток набрать джихадистов по российским вещевым рынкам, то при всей социальной опасности данного явления, особенно если ему не противостоять каждодневно и жестко, оно не является пока системным.

Иначе говоря, источники притока кадров для вооруженных салафитских движений сменились практически на две трети, причем произошло это в последние 3–4 года. Важно и то, что такой состав *исламского интернационала* уже не может быть объяснен только социально-экономическими причинами, хотя и они продолжают играть определенную роль. Тогда вполне уместен и целесообразен вопрос: а не объясняется ли изменение состава салафитских боевых структур и политических сообществ изменением характера политического ислама в целом, начала нового витка развития этого явления?

Однако это ставит на повестку дня целый ряд важных вопросов:

1. Насколько силовой исламизм (салафизм) неотделим от политического? Это вполне правомерный вопрос: пока салафизм представляет по преимуществу силовое и террористическое явление, бороться с ним можно относительно простыми и проверенными способами. Но если на определенном этапе современный салафизм начнет процесс политической легализации, это создаст для очень многих государств существенные проблемы. В конечном счете бороться с политическим явлением гораздо сложнее, нежели с отрядами террористов.
2. Какова идеологическая база нового исламизма, каковы его эмоциональные аспекты? Этот вопрос отчасти вытекает из предыдущего. Мы много и справедливо говорим о спонсорах салафитов — о Саудовской Аравии, о Катаре. Однако не менее важно, на какой основе — кроме денег, естественно, — объединяются люди, которые устилают мертвыми телами просторы различных государств. И оценивать эту идеологическую базу мы должны, признав, что она привлекательна не только там, где салафизм традиционен. Ясно, что нынешний салафизм носит не столько антисемитский и даже не антихристианский характер, но направлен против шиитов. А вот насколько эта антишиитская направленность является долгосрочным фактором, сказать пока очень трудно.

3. Насколько велика кадровая база современного салафизма? Джихад 2000-х гг. закончился без особых достижений, в том числе и потому, что *кончились* джихадисты, которых отчасти уничтожили американцы и их союзники, а отчасти они сами поубивали друг друга. Как будет на этот раз — не ясно.

Тем не менее, вероятно, следует считать формирование новой волны глобального исламизма наиболее значимой тенденцией в мире, о сути и внутренних механизмах развития которой мы знаем удивительно мало.

ЕС В СОСТОЯНИИ МЕЛАНХОЛИИ

Отношения России с Европейским Союзом становятся откровенно скучными. Все темы, которые они обсуждают, известны уже лет 15, новые практически не появляются. Конечно, наши отношения несколько оживит процесс присоединения Украины к зоне свободной торговли с ЕС, но и тут не следует ждать долгосрочного интереса с обеих сторон. Говорить России и ЕС просто не о чем, поскольку все концепции взаимодействия были рассчитаны на то, что Россия станет сырьевым придатком ЕС, превращающегося в глобальную силу.

И если с первой частью формулы все вроде бы удалось, то сам ЕС находится дальше от получения глобального влияния, чем 30 лет назад. Отсутствие глобальной реализации для ЕС означает необходимость глубокой внутренней перестройки и изменения всех основ той модели развития, которой он следовал с середины 1980-х гг.

И тут в очередной раз возникает вопрос о судьбе восточноевропейских стран. Конечно, у Чехии, Словении или Словакии никаких проблем с адаптацией к любой системе отношений, которая возникнет в ЕС, не будет. Но для Румынии и Польши адаптация к новым условиям существования обновленного, политически редуцированного Европейского Союза может оказаться весьма болезненной. И если для Румынии болезненной будет необходимость сокращения экономических амбиций и снижение пыла в отношении Молдовы, то для Польши наступают действительно сложные времена.

При всем том, что темпы роста ВВП Польши вызывают искреннее уважение своими почти 4%, поскольку приоритетом ее правительства являются не сохранение низких темпов инфляции, а обеспечение именно экономического роста, на котором и держится социальная стабильность в стране. Однако нельзя забывать, что этот рост почти наполовину достигается за счет использования структурных средств ЕС.

И только за счет ЕС можно поддерживать военный бюджет на уровне 10 млрд долл., включающий крупные закупки новой военной техники и даже собственные конструкторские разработки, хотя и скромные. Тратится этот бюджет вполне эффективно: польская армия сейчас действительно одна из самых боеспособных в Европе. Поспорить за такой статус может, думаю, только Великобритания и Беларусь.

Польша строила свою политику в расчете на то, что она станет *военным кулаком* ЕС и главным контрагентом США в Европе, и главное — будет способна *монетизировать* свой военный потенциал. Он как раз отражает именно внешнеполитические амбиции польской элиты и не обусловлен существованием реальных угроз безопасности. Но при этом сумма чистых, несвязанных дотаций Польше из бюджета ЕС составила в 2012 г. 12 млрд евро, а в 2014–2020 гг. Варшава планирует получить еще 105,8 млрд евро.

Особую роль Польши должны оплачивать или США, а это сейчас маловероятно, или ЕС, а это еще менее вероятно. Теперь, когда о самостоятельности Франции остались одни все более уходящие в прошлое воспоминания, да и Германия все меньше напоминает страну, имевшую геополитические амбиции, нет нужды именно в Польше как стратегическом союзнике США в Европе, за которого стоит пла-

тить. Что до ЕС, *польское бремя* которого и сейчас немаленькое, то не забудем растущее нежелание Германии оплачивать общеевропейский праздник жизни.

Вопрос в том, какой вариант действий выберет польская элита: редуцирования расходов и амбиций или что-то более традиционное. Если второе, то европейским и, особенно, украинским политикам надо запастись сердечными каплями, а России держаться от этого *праздника демократии* как можно дальше. Так что откровенное выталкивание России с европейского рынка газа в действительности становится исключительно важным и позитивным моментом. Ибо выталкивают нас с арены потенциального политического хаоса.

КОГДА ТИГРЫ И ДРАКОНЫ АЗИИ УСТАЛИ

На фоне кровавых событий на Ближнем Востоке как-то почти незамеченной прошла нормализация ситуации на Корейском полуострове, которую в пору называть политической капитуляцией Южной Кореи и США лично перед Ким Чен Ыном. Причем все участники, даже условные победители, старались, чтобы фиксация результатов прошла как можно тише.

Причины этого отчасти лежат на поверхности: основные игроки понимают, что *сейчас не до них* и что выдавить что-то из США, ЕС да и России не получится, а возможное раздражение от новых требований запомнится надолго. Однако оставаться один на один с Поднебесной тоже никто почему-то не хочет, даже Пхеньян.

Конечно, в Пекине идут очень сложные внутренние процессы (хотя не стоит на основании *дела Бо Силая* делать выводы о некоем стратегическом расколе в китайском руководстве — для этого должна быть разоблачена очередная *банда четырех*), и главное, что пока программа развития внутреннего спроса не дала однозначно прорывных результатов. Вместе с тем на своей ближайшей периферии Китай очень даже способен на серьезные геополитические действия, которые в нынешнем состоянии не смогут парировать ни США, ни Япония, ни Россия, ни тем более Южная Корея.

Япония, кажется, окончательно погрузилась в нескончаемые разбирательства относительно ситуации на АЭС *Фукусима*, которые не смог затмить даже визит японского министра на Курильские острова. Мотивы Москвы, которая не возражала против этого шоу, понятны: не добивать окончательно японцев, подыграть им в чем-то, подвинуть на изменение позиции в отношении переговоров о мирном договоре. Только в коня ли корм?

Вообще в Азиатско-Тихоокеанском регионе воцарилось какое-то странное затишье. Пекин не стал реализовывать свой геополитический потенциал в сирийской саге, хотя лучшего момента окончательно привязать к себе Тегеран и впервые в истории получить позиции на Ближнем Востоке у него, думаю, в ближайшие годы не будет.

На саммите АТЭС на Бали обсуждались преимущественно все та же Сирия и в меньшей степени экономические проблемы. Согласитесь, саммит АТЭС 2013 г. стал самым скучным и бессодержательным для этой структуры за последние годы, но первым, на котором собственно региональная повестка дня не доминировала, поэтому отсутствие на саммите президента США при всей невнятности объяснений выглядит вполне органично.

В целом же приходится констатировать, что развитие ситуации в Восточной и Юго-Восточной Азии утратило динамизм. Причем политический динамизм утрачен практически полностью, а экономический динамизм зиждется на не столь уж большом количестве стратегических опор. Образно говоря, *тигры* постарели, а *драконы* так и не научились летать. Тот экономический потенциал, который в регионе был в 1980–1990-е гг., сегодня растрочен без значительного геополитического эффекта.

Больше всего выиграл тот, кто изначально сосредоточился исключительно на экономике — Сингапур. Но и здесь начали возникать неожиданные *пятна на солнце*, связанные со стратегическими отношениями с США в области обороны и безопасности, которые неизвестно куда могут завести доселе благополучное государство. Не стоит забывать о том, что все союзники США за последние 50 лет плохо кончили, и будет жаль, если Сингапур подтвердит эту аксиому.

Но есть игрок, о котором, кажется, все забыли — Индия. Это государство, которое ведет тихую, но очень эффективную внешнюю политику и которое на протяжении последних двух лет упорно уворачивается от большинства *разборок*, накапливая свой немалый геополитический потенциал. В Индии, несмотря на все проблемы, в том числе связанные с экспортным характером экономики, поддерживаются стабильные темпы экономического роста, что демонстрирует отсутствие встрясок. Постоянно растет обрабатывающий сектор промышленности.

Конечно, Индия вряд ли бросит вызов Китаю в качестве *мастерской мира*, но в том, что касается высоких технологий, включая технологии военного назначения, позиции Индии укрепляются уже многие годы.

В этой связи, говоря о геополитике, практические успехи Поднебесной не очень впечатляют. Конечно, постановка под контроль Мальдивских островов является для КНР большим геополитическим прорывом, но уже на Шри-Ланке китайцы споткнулись. А в Африке, которая еще несколько лет назад была *диким полем* и с распростертыми объятиями ждала *китайских инвесторов*, США и их союзники крайне изящно поставили китайцев в зависимое положение, показав *класс* большой геополитической игры.

Индия, напротив, умудрилась пройти последние 10 лет, не испортив отношения ни с кем. Ни с США, ни с Россией, ни с Японией. Отношения с Пакистаном — это другая тема, но обратим внимание, насколько аккуратно Дели ведет себя и в данной ситуации. Вместо того чтобы *стукнуть кулаком по столу*, на что она уже давно имеет право, учитывая общую ситуацию в Пакистане, Индия старательно избегает всякой дестабилизации.

Нандан Унникришнан (Индия), директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник Исследовательского фонда Observer — по телефону из Нью-Дели: Большую озабоченность вызывает ухудшение экономической ситуации во всей Южной Азии. В Индии она не самая лучшая. В Пакистане экономическая ситуация обстоит еще хуже. Даже в Китае экономическое положение не столь позитивно, как это может казаться. Поэтому для улучшения состояния региональной безопасности решение экономических проблем представляется главной задачей правительств.

В России есть очевидная проблема: мы воспринимаем Индию сквозь призму стереотипов 1960–1970-х гг., фильмы Раджа Капура и рассказы хипстеров о *креативном угаре* на пляжах Гоа. Однако времена уже давно другие и другой стала Индия — она знает себе геополитическую цену и не стремится размываться на пустячное выяснение отношений. Индия совершила промышленный рывок и стоит на пороге рывка военно-силового, который, правда, сдерживается во многом бездарностью и вороватостью российского военно-промышленного комплекса.

Боюсь, что Россия становится для Индии не слишком привлекательным партнером, и если так пойдет, уже через пару лет придется подыскивать себе в качестве партнера в регионе что-то *попроще*. Например, Бангладеш.

ВРЕДНАЯ ПРИВЫЧКА ИНТЕГРАЦИИ

В очередной раз обострились отношения России с государствами постсоветского пространства. Все лето и осень были наполнены сообщениями об очередной торговой войне, которую начала Россия силами Роспотребнадзора, что, конечно, слабо напоминает настоящие торговые войны. При всем том, что действия этого ведомства имеют крайне отдаленное отношение непосредственно к качеству товаров, наши партнеры по эксплуатации остатков экономического потенциала СССР реально уже давно рассматривают Россию как партнера даже не *второго*, а *третьего сорта*. В конечном счете, президент Эстонии Хенрик Ильвес, говоря о том, что *на восток* можно и нужно продавать товары качеством *поплше*, по простоте душевной сказал вслух то, о чем в СНГ и так все знают.

Беда в другом: Россия, инициировав множество интеграционных процессов и проектов и не доведя ни одного из них до конца, сама себя загнала в угол. Если разобраться, то наиболее значимым фактором, который ограничивает Россию на мировой арене, являются заключенные в бесчисленном количестве соглашения о сотрудничестве с государствами постсоветского пространства и еще более бесчисленные интеграционные концепции и проекты. Их геополитическая ценность уже давно является отрицательной величиной, поскольку наши партнеры изначально собирались и выполняют эти соглашения только в той части, в которой это выгодно им и действительно контролирующим их силам на Западе.

Да, Таможенный союз является важным политическим фактором на пространствах постсоветской Евразии, вот только его геополитическая, да и экономическая ценность представляется более чем сомнительной, особенно учитывая то, с какой легкостью наши партнеры отказываются от взятых на себя обязательств. Иными словами, он ценен как инструмент согласования позиций в сфере экономики и поддержания относительной макроэкономической стабильности в государствах-членах, но для того чтобы решать геополитические задачи, он совершенно не предназначен. В итоге Таможенный союз, существенно запоздав во времени, оказался как бы *перпендикулярен* необходимому вектору. Он не вреден, но бесполезен, а главное, требует постоянной траты ресурсов.

Думается, мы должны сказать Европейскому Союзу большое *спасибо* за то, что он освободил нас от необходимости финансировать украинскую экономику (а в действительности России пришлось бы финансировать украинскую политику), начав абсорбирование Украины в свои структуры. Насколько далеко этот процесс пойдет и согласится ли Германия, вспомнив свои прежние геополитические концепции, его финансировать, учитывая, что финансировать придется еще и Польшу — вопрос другой.

Еще большее *спасибо* ЕС надо сказать за то, что *украинский казус* наглядно показал нашим политикам реальную ценность всех этих многочисленных интеграционных проектов и не менее многочисленных обещаний *углубления взаимодействия*. Но для нас важно то, что Россия, у которой и так в экономике очевидные проблемы, не имеет больше ни моральных, ни политических оснований для того, чтобы финансировать прожорливую украинскую элиту. Для России приоритетом должна являться также четкая и недвусмысленная институционализация в политической и силовой сферах нового состояния дел на ее юго-западных границах.

Если и говорить о каких-то интеграционных проектах, то только о тех, которые, помимо зачастую не очень выгодного экономического аспекта, содержат еще и политический, а еще лучше, предполагают геополитические обязательства партнеров и механизмы их политической зависимости. Да, с таким подходом лавров *интегратора* не наживешь. Но уже в среднесрочной перспективе прагматический подход к отношениям будет выглядеть гораздо более продуктивным, нежели всячески демонстрируемая и декларируемая боязнь оттолкнуть партнеров по СНГ введением визового режима. Наши партнеры по СНГ таковы, что их не только толкать нужно. Уважать больше будут.

Константин фон Эггерт (Россия), член Королевского института международных отношений — по телефону из Москвы: Негативные тенденции периода были связаны с обострением отношений России и Европейского Союза в связи с саммитом Восточного партнерства. Если Москва решит, что соглашение об ассоциативном членстве в ЕС, которое намерен подписать Киев, неприемлемо и пойдет на радикальное обострение отношений с ЕС и Украиной, ситуация в регионе ухудшится, если наоборот — улучшится.

Фарход Толипов (Узбекистан), директор негосударственного научно-образовательного учреждения Билим карвони (Караван знаний) — по электронной почте из Ташкента: В России усиливается антимиграционная истерия, что сказывается на общественных настроениях жителей центральноазиатского региона. Ухудшение общественно-политической среды в России будет всегда иметь прямые последствия для республик региона. Так, возможное введение Россией визового режима со странами Центральной Азии вызовет там социальное напряжение. К тому же близится 2014 г. и начало самостоятельного развития Афганистана. В подобных условиях некоторые центральноазиатские государства могут оказаться заложниками геополитических игр.

ИРАНСКИЙ ИНТЕРЕС ВАШИНГТОНА

Итоги президентских выборов в Иране и первые примирительные в отношении США действия Хасана Роухани породили массу рассуждений о будущей иранской политике в отношении США и Запада. Говорят, что на распутье находится Иран. Но это справедливо в незначительной степени. В конечном счете жесты Роухани, который не является полномочным властителем всей страны, не содержали ничего того, что действительно можно считать проявлением коренного поворота в политике Тегерана.

То, что в иранских проявлениях дипломатической вежливости и гибкости США увидели признаки поворота, отражает состояние не Ирана, а США. Но в целом у Ирана сейчас меньше, чем когда-либо, стимулов к примирению с США и особенно на условиях Вашингтона. К тому же последствия примирения с американцами неизбежно приведут к попаданию Ирана в ситуацию уже не просто политической, но географической изоляции, когда страна в буквальном смысле окажется окружена кольцом салафитских анклавов, а наиболее спокойной границей станет граница с Ираком. На такое не пойдет ни одно вменяемое иранское руководство, а если кто-то из иранских руководителей умыслит нечто подобное, думаю, его быстро и жестко поправят *старшие товарищи*. Не та система власти в Иране, чтобы допустить появление Михаила Горбачева местного разлива.

Напротив, США более чем заинтересованы в том, чтобы выйти из становящейся все менее интересной и перспективной ближневосточной игры, особенно, если в США, а там очень много умных людей, просчитали, что *бумеранг* салафизма вернется к тем, кто его запустил — к Саудовской Аравии. Но сделать это без минимальных, пусть даже косметических уступок со стороны Тегерана нельзя, а посему именно США стоят на распутье: продолжать ли оказывать на Иран давление, играя на стороне Б. Нетаньяху, или же *сдать* Нетаньяху, как сдали США до него всех своих союзников, и начать процесс *примирения* с Ираном, который теперь уже вроде бы не отрицает Холокост.

Константин фон Эггерт (Россия), член Королевского института международных отношений — по телефону из Москвы: Состоявшийся телефонный разговор лидеров США и Ирана, последовавшие переговоры шестерки с Тегераном — все это вроде свидетельствует о том, что ситуация сдвинулась с мертвой точки. Однако я считаю, что, несмотря на это, Иран продолжит попытки получения ядерных технологий любой ценой.

Условия этого примирения в действительности понятны: США признают мирный характер иранской ядерной программы, чем бы в действительности не занимались иранцы, а иранцы не заявляют о том, что у них разрабатывается ядерное оружие, по крайней мере, до того момента, как Израиль совершит очередную внешнеполитическую *неумность*. Тогда без особой помпы снимается наиболее жесткая часть экономических санкций в отношении Ирана, а Тегеран, в свою очередь, заверяет, что не будет использовать шиитские общины стран Персидского залива для дестабилизации тамошних проамериканских режимов.

Понятно, что почва для примирения весьма зыбкая и не решает ни геополитических проблем Ирана, ни ближневосточных проблем США, но другого пока нет и, вероятно, не будет. США вряд ли уже готовы оставить без покровительства Саудовскую Аравию и прибрежные эмираты и султанаты Персидского залива. Это станет возможно только после того, как программа разработки сланцевого газа и нефти в США будет полностью реализована, а аравийские нефtedоллары накрепко осядут в американских и британских (но не швейцарских!) банках. Но для этого нужно еще лет 5–6, не меньше.

Исторический опыт говорит о том, что США обычно стараются выходить из кризисной ситуации через наступление, прорыв, удар. Вот только способно ли нынешнее поколение американской элиты (я не говорю о том поколении, к которому относятся Дж. Байден и Дж. Маккейн — эти бы смогли, безусловно) на какие-либо действительно рискованные действия, учитывая очевидный и растущий недостаток ресурсов, а также склонность к *пиару*?

От того, какой путь выберут американцы, многое будет зависеть не только для Израиля, но и для России. И в данном случае последствия будут не только и не столько геополитические, сколько экономические. К примеру, на Каспии может возникнуть совершенно иная инфраструктурная ситуация. Готова ли Москва к этому? Едва ли.

РОССИЯ: ПОИСК НОВЫХ РЕШЕНИЙ У ПАМЯТНИКА Е. П. ХАБАРОВУ

Весь 2013 г. прошел в ожидании кризиса, который или должен был вот-вот начаться, или уже закончился. Вообще, именно в 2013 г. экономика окончательно опровергла господствовавшее ранее убеждение, что она относится к точным наукам. Вероятно, следует согласиться с оценками российского правительства: пока остальные страны принимали меры по выходу из кризиса, Россия готовилась к Олимпийским играм в Сочи. Не до кризиса было. Такое впечатление, что было вообще не до чего, поскольку представить себе, как можно при нынешних ценах на нефть допустить экономический рост меньше чем 1,5% практически невозможно в здравом уме.

Проблема даже не в том, что воруют, и даже не в том, что на воровство смотрят, как на естественное продолжение рыночной экономики. Во всяком случае Россия в точности подтверждает почти все экономические формулы Карла Маркса, в том числе и ту, в которой говорится, ради каких процентов прибыли капитализм готов на любое преступление. Проблема в том, что оказались утрачены весь

смысл и содержание экономического развития в контексте мировых процессов. В результате коррупция начинает превращаться из *неизбежного зла*, с которым все в принципе были готовы смириться, в просто *воровство*.

Конечно, не могут не радовать цифры, свидетельствующие, что Россия все же смогла стать пятой экономикой мира. Вот только *качество* данного факта несколько настораживает, поскольку макроэкономический триумф случился на фоне полной деградации обрабатывающей промышленности и большей части инфраструктурных отраслей.

Важно то, что в 2013 г. для России окончательно закончилась *геополитика Газпрома*, когда российская внешняя, да и внутренняя политика была подчинена интересам газового гиганта. Закончилась она катастрофическим поражением самого *Газпрома* и весьма тяжелым, хотя и небезнадежным геополитическим поражением страны как таковой, освободившим нас от иллюзий о нескончаемом советском наследстве.

Наши зарубежные партнеры не упустят возможность дополнить это поражение определенным давлением на власть и внутри страны. Скажем прямо: на существующем уровне экономического развития и при существующей экономической стратегии поддерживать удовлетворительное состояние российской государственности в дальнейшем становится все труднее. И пресловутый *феномен Навального* очень скоро может показаться мелкой шалостью без значимых последствий. Не удивительно, что в разного рода либеральных *мозговых центрах* все больше обсуждаются сценарии *мягкого* развала России и чем дальше, тем активнее, причем в основе этих сценариев лежат уже не столько этнополитические, сколько экономические факторы.

Но есть и признаки для здорового оптимизма. Реакция властей на наводнение на Дальнем Востоке показала, что в России есть власть и есть граждане. И это гораздо важнее рейтинга свободы интернета.

Конечно, из событий августа-сентября на российском Дальнем Востоке нельзя делать долгосрочных выводов, однако государство впервые с начала 1990-х гг. продемонстрировало жителям региона, что они являются частью большой страны, которая при всех издержках способна на многое. В конечном счете переброска большого количества людей и техники в регион, находящийся на другом конце страны — это крупнейшая логистическая операция, на которую способны всего несколько стран в мире. И то, что власти при всех издержках почти не допустили человеческих жертв в ходе этого стихийного бедствия, находится в резком контрасте с тем, какие последствия имели куда менее серьезные стихийные бедствия в США, Мексике, Германии, не говоря уже о Китае. Поверьте, наши *партнеры* и на Дальнем Востоке, и за его пределами это обстоятельство увидели и, будем надеяться, сделали правильные выводы.

Теперь появилось несколько больше уверенности в том, что на Дальнем Востоке все же будут реализованы крупные инфраструктурные проекты, о которых неоднократно заявляло российское руководство. А это даст нашей стране новое геополитическое качество на тихоокеанском направлении и новое социальное качество в регионе. Это может дать толчок возникновению новой глобальной экономической и политической системы, которая, надеюсь, даст нашей стране больше, нежели ушедшая в небытие.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ См.: Obama-Putin deal didn't stop at chemical Syria: US eases sanctions on nuclear Iran. *DEBKAfile*. 2013, 11 September. <http://www.debka.com/article/23269/Obama-Putin-deal-didn-t-stop-at-chemical-Syria-US-eases-sanctions-on-nuclear-Iran> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).

² Framework for Elimination of Syrian Chemical Weapons. 2013, 14 September. http://www.opcw.org/fileadmin/OPCW/EC/M-33/ecm33nat01_e_.pdf (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).

³ Destruction of Syrian chemical weapons. Decision. OPCW Executive Council. Thirty-Third Meeting. EC-M-33/DEC.1. 2013, 27 September. http://www.opcw.org/fileadmin/OPCW/EC/M-33/ecm33dec01_e_.pdf (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).

⁴ Резолюция 2118 (2013), принятая Советом Безопасности на его 7038-м заседании 27 сентября 2013 г. Документ S/RES/2118 (2013). Совет Безопасности. Организация Объединенных Наций. 2013, 27 сентября.

⁵ В Сирию прибыли специалисты по уничтожению химического оружия. *Lenta.Ru*. 2013, 1 октября. <http://lenta.ru/news/2013/10/01/arrival/> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).

⁶ Chris Bidwel. Before Eliminating Syria's Chemical Weapons, One Must Find Syria's Chemical Weapons. *FAS Strategic Security Blog*. 2013, 17 September. <http://blogs.fas.org/security/2013/09/eliminating-syrias-chemical-weapons-one-must-find-syrias-chemical-weapons/> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).

⁷ Syrian chemical program. National executive summary of declassified intelligence. <http://www.zamanawsl.net/en/readNews.php?id=1614> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).

⁸ Павел Фельгенгауэр. Бесхозное сирийское химоружие. *Новая Газета*. 2013, 2 октября.

⁹ DoD Developing Mobile Units to Neutralize Chemical Weapons Materials. *Defense News*. 2013, 4 September. <http://www.defensenews.com/article/20130904/DEFREG02/309040029/DoD-Developing-Mobile-Units-Neutralize-Chemical-Weapons-Materials> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).

¹⁰ Ю. Григорьев. Уничтожение химического оружия в Сирии. *Оружие России*. 2013, 30 сентября. <http://www.arms-expro.ru/055057052124051051051051051.html> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).

¹¹ Россия готова финансово участвовать в операции по уничтожению сирийского химоружия. *ИТАР-ТАСС*. 2013, 30 сентября. <http://www.itar-tass.com/c12/895499.html> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).

¹² Syria Civil War Map: August 2013 (#11). *Political Geography Now*. 2013, 23 August. <http://www.polgeonow.com/2013/08/syria-civil-war-map-august-2013-11.html> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).

¹³ Kennet M Pollack. Breaking the stalemate: The military dynamics of the civil war and options for limited U. S. intervention. Middle East Memo № 30. *Saban Center at Brookings*. 2013, August. Pp. 6–7.

¹⁴ Ibid. P. 4.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Василий Головин. Обама сбивает с толку азиатских союзников. *Эхо Москвы*. 2013, 6 октября. <http://www.echo.msk.ru/blog/golovnin/1171490-echo/> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).

¹⁷ Сергей Бресткин. В Арктике возможен переход к тяжелым ледовым условиям. *ArcticInfo*. 2013. <http://www.arctic-info.ru/ExpertOpinion/Page/v-arktike-vozmojen-perehod-k-tajelim-ledovim-ysloviam> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).

¹⁸ Дмитрий Докучаев. Карачун на шельфе. *Новая Газета*. 2012, 5 сентября. <http://www.novayagazeta.ru/economy/54294.html> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).

¹⁹ An Estimate of Undiscovered Conventional Oil and Gas Resources of the World. Table 1. U. S. Geological Survey. U. S. Department of the Interior. Fact Sheet 2012–3028. 2012, March.

²⁰ Н. А. Еремин, А. Т. Кондратюк, А. Н. Еремин. Ресурсная база нефти и газа Арктического шельфа России. *Георесурсы, геоэнергетика, геополитика*. Институт проблем нефти и газа РАН. 2009. Выпуск 1. <http://oilgasjournal.ru/2009-1/3-rubric/eremin.pdf> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).

- ²¹ Алексей Фадеев. Актуальные проблемы освоения морских запасов углеводородов в Арктике. *Pro-Arctic*. 2013, 10 апреля. <http://pro-arctic.ru/10/04/2013/resources/2667> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).
- ²² Виталий Сараев, Тигран Оганесян. Большой арктический пасьянс. *Эксперт*. 2013, 17 июня. № 24. <http://expert.ru/expert/2013/24/bolshoj-arkticheskij-pasyans/> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).
- ²³ Наум Захаров. Дешевая нефть закрывает проект «русская Арктика». *Новый Регион*. 2008, 8 ноября. <http://www.nr2.ru/moscow/206995.html> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).
- ²⁴ «Газпром» снизил план-2013 для Бованенково в 1,6 раза, до 29,5 млрд кубов. *Mail.ru*. 2013, 21 мая. <http://news.mail.ru/economics/13176615/> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).
- ²⁵ Транзит идет на Север. Специальный доклад. *Эксперт*. 2013, 17 июня 2013. № 24. <http://expert.ru/expert/2013/24/tranzit-idet-na-sever/> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).
- ²⁶ Виталий Бушуев, Андрей Цуневский. Ключ к кладовым Севера. *ТЭК России*. 2011, № 4. http://www.energystrategy.ru/press-c/source/Trend_TEC_Russia-4_2011.pdf (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ 1) Сколько ледоколов нужно России? *Военное Обозрение*. 2013, 13 августа. <http://topwar.ru/31813-skolko-ledokolov-nuzhno-rossii.html> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.); 2) Павел Гудев. Модернизация ледокольного флота России: дань конъюнктуре или стратегическая необходимость? *Российский совет по международным делам*. 2012, 13 февраля. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=114#top (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).
- ²⁹ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу. Утверждено Президентом Российской Федерации Д. Медведевым. 2008, 18 сентября. <http://www.scrf.gov.ru/documents/98.html> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).
- ³⁰ Интервью генерал-полковника Владимира Шаманова, командующего ВДВ. *Эхо Москвы*. 2012, 4 августа. <http://www.echo.msk.ru/programs/voensovet/915060-echo/#element-text> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).
- ³¹ Шаманов: части ВДВ будут выполнять задачи в Арктике. *Голос России*. 2011, 26 мая. <http://rus.ruvr.ru/2011/05/26/50834621/> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).
- ³² Олег Еленский. Борьба за богатства Арктики еще впереди. *Независимое Военное Обозрение*. 2012, 9 ноября. http://nvo.ng.ru/concepts/2012-11-09/9_arctic.html (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).
- ³³ МИД Швеции: Присоединение к ТС приведет к падению ВВП в Украине на 40%. *Росбалт*. 2013, 20 сентября. <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2013/09/20/1178017.html> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).
- ³⁴ Соглашение с ЕС сэкономит украинским экспортерам \$750 миллионов. *УНИАН*. 2013, 26 сентября. <http://www.unian.net/news/597020-soglashenie-s-es-sekonomit-ukrainskim-eksporteram-750-millionov-posol-es.html> (последнее посещение — 06 ноября 2013 г.).
- ³⁵ *Bête noire* — предмет особой ненависти. *Objet de l'admiration* — предмет восхищения (фр.).

Алексей Обухов

УМЕНЬШЕНИЕ ЯДЕРНОЙ ОПАСНОСТИ И БЕЛЛЕТРИСТИКА РИЧАРДА ПЕРЛА

Ричард Перл — бывший популярный антигерой советских и российских СМИ на рубеже 1990–2000-х гг. Убежденный американский неокон, его репутация в СССР была хуже некуда, а в постсоветской России негативное отношение к Перлу даже обострилось.

Он получил известность в бытность советником ныне покойного сенатора Генри Джексона, который сделал карьеру на критике первых советско-американских договоренностей по ОСВ, а также в качестве соавтора печально известной и лишь недавно отмененной поправки Джексона–Вэника. В дальнейшем, оказавшись на посту заместителя министра обороны по вопросам международной безопасности, Ричард Перл возглавил пропагандистскую кампанию: он пытался доказать, что Договор по противоракетной обороне (ПРО) якобы допускает разработку и испытания противоракетных средств космического базирования. *Широкое* толкование Договора легло в основу провозглашенной в 1983 г. Стратегической оборонной инициативы (СОИ), направленной на подрыв ограничений в этой области.

Для неоконсерватизма Ричарда Перла характерна густая идеологическая зашоренность и антикоммунизм в духе Роберта Страуса-Хюпе или Джеймса Бернхема, крупных политологов послевоенных десятилетий. Отсюда мрачноватое прозвище, присвоенное Перлу американскими журналистами, — князь *Тьмы* (*Prince of Darkness*).

ПОЕДИНОК С КНЯЗЕМ ТЬМЫ

В начале 1987 г. наряду с выполнением обязанностей заместителя руководителя делегации СССР на женевских советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям (ЯКВ) мне было поручено провести переговоры по учреждению в Москве и Вашингтоне Центров по уменьшению ядерной опасности (ЦУЯО). Получилась необычная организационная схема — переговоры по Центрам внутри переговоров по ЯКВ.

В тот момент я не мог предположить, насколько неудобным может оказаться мой американский партнер. Когда в таком качестве прозвучало имя Ричарда Перла, в кулуарах высотного здания на Смоленской площади это было единодушно истолковано как признак нежелания Вашингтона вести дело к договоренности в унисон с бьющими обсуждениями по вопросам ядерных и космических вооружений.

Однако предаваться тяжелому раздумью было некогда — от нас ждали результативной работы. Про себя я рассудил, что отчаиваться не стоит, поскольку это

Ы
И
Ц
И
Р
О
А
Н
С
Т
И
Р
А
П

все-таки не права человека с их неудобством и скандальностью для традиционной дипломатии, а конкретный и в значительной мере технический предмет.

Первыми идею создания ЦУЯО озвучили и стали продвигать американские сенаторы Сэм Нанн и Джон Уорнер, и еще в Женеве в ноябре 1985 г. президенты М. С. Горбачев и Р. Рейган условились, чтобы возможность практического осуществления проекта была изучена на уровне экспертов. В ноябре 1986 г. на встрече в Рейкьявике было выражено удовлетворение достигнутым продвижением и условлено приступить к официальным переговорам.

ЦУЯО относятся к разряду мер доверия. Необходимость их внедрения в практику межгосударственных отношений возникла из атмосферы подозрительности и вражды — неотъемлемых ингредиентов холодной войны, помноженных на угрозу взаимного уничтожения.

Многоканальная надежная связь между Москвой и Вашингтоном в послевоенные годы сложилась не сразу. Потребовались встречные усилия (интеллектуальные и психологические), чтобы, преодолевая предрассудки конфронтации, выходить на решения, продиктованные здравым смыслом и инстинктом самосохранения. К тому же ядерное оружие не уместилось в рамках классической формулы фон Клаузевица о войне как о продолжении политики иными средствами. В итоге необходимость поддержания стабильности в условиях гонки вооружений и концепции взаимного гарантированного уничтожения привела к созданию надежной быстродействующей системы связи для обмена информацией объективной необходимостью, а толчком к созданию этой системы стал Карибский кризис 1962 г.

Позднее СССР и США договорились о серьезной модернизации *горячей линии* в рамках Соглашения о мерах по усовершенствованию линии прямой связи СССР–США от 30 сентября 1971 г. и Меморандума о взаимопонимании о линии прямой связи СССР–США от 17 июля 1984 г.

Центры по уменьшению ядерной опасности были призваны радикально расширить сотрудничество двух стран в этой сфере, не вмешиваясь в уже сложившиеся линии связи. Однако, несмотря на благоволение со стороны руководителей СССР и США, в Москве в сложившихся конкретных исторических условиях не все одобряли идею Центров. Критики считали ее несвоевременной, поскольку в начале 1987 г. все еще отсутствовали ясные перспективы в отношении заключения договоров по стратегическим наступательным вооружениям (СНВ) и ракетам средней и малой дальности (РСМД).

В сущности критики воспроизводили одну из заповедей советской концепции разоружения: сначала конкретные меры ограничения и сокращения ядерных арсеналов, а потом договоренность о мерах доверия, согласование каналов и способов для передачи информации. Довод в пользу такого подхода гласил: сколько ни опутывай нацеленные друг на друга советские и американские ракеты телефонными проводами, по которым стороны сообщали бы те или иные сведения об этих вооружениях, легче от этого не станет, тяжесть ядерной угрозы, нависшей над миром, не уменьшится.

Логика доходчивая, но не без изъяна, поскольку полезность мер доверия, к коим относятся *телефонные провода*, очевидна, особенно когда необходимо оперативно прояснить непредвиденную кризисную ситуацию, чтобы избежать развития по наихудшему и необратимому сценарию. Наличие под рукой надежной *горячей линии* — существенный фактор поддержания душевного равновесия и стратегической стабильности.

Другое дело — актуальность включения вопроса о Центрах в повестку ведущихся переговоров между сверхдержавами. В наступившем 1987 г. центральное место занимала проблематика РСМД и СНВ. Не отвлекут ли Центры внимание от главного? Не будут ли предприняты попытки замаскировать неудачу на ключевых направлениях продвижением по частному, заведомо второстепенному аспекту?

Одержала верх точка зрения, согласно которой пока наблюдающееся отсутствие прогресса в деле достижения договоренностей по ограничению ядерных вооружений не должно блокировать согласование позиций по мерам доверия: по учреждению ЦУЯО. В случае успеха это был бы шаг в нужном направлении. Дипломатия — наука тонкая: даже *миллиметровые* сдвиги в конечном итоге могут сыграть заметную роль в достижении договоренностей по крупным вопросам.

Итак, стратегическая установка была определена: переговоры об учреждении ЦУЯО вести, не дожидаясь завершения работ по договорам по РСМД и СНВ, разумеется, без ущерба для усилий по этим двум приоритетным линиям.

Встреча с делегацией Ричарда Перла в Женеве прошла в январе 1987 г. Пожелания Перла и его напарника, специального помощника президента США Роберта Линхарда, в отношении формата дискуссий не противоречили нашим намерениям. Американские представители высказались за то, чтобы работать в Женеве короткими сессиями продолжительностью в один или два дня. Это означало, что основная нагрузка переносилась на межсессионный период, когда стороны занимались бы подготовкой предложений, ведущих к компромиссным развязкам. Мы приняли предложенный американскими коллегами напористый рабочий ритм, впереди маячил огромный пакет проблем, связанных с переговорами по ЯКВ.

Готовя презентацию советской позиции на первом раунде, мы стремились провести мысль о том, что коль скоро речь идет об уменьшении ядерной опасности, первостепенное значение в этом контексте будут иметь договоренности, которые предстоит согласовывать в рамках переговоров по ЯКВ: о решении проблемы СНВ и соблюдении Договора по ПРО. С нашей стороны, по сути, предлагалось в Соглашении по Центрам подчеркнуть идею взаимосвязи между практическими шагами в области ограничения вооружений и мерами доверия. Тем самым были бы учтены замечания скептиков о бесполезности *опутывания* межконтинентальных баллистических ракет (МБР) телефонными проводами.

Реакция американских коллег была предсказуема. Они выступили за то, чтобы в договоренности по Центрам не затрагивать перспективу ведущихся переговоров по ограничению СНВ и РСМД, а сосредоточиться на вопросах обмена информацией, в том числе в областях, где такие обмены уже осуществляются.

Стремительный — всего один рабочий день! — январский раунд переговоров по Центрам оказался *пристрелочным*. Он подтвердил, что по сугубо техническим аспектам у специалистов затруднений не возникает, а вот в политике все было сложнее. Из обмена мнениями стало ясно, что из разоруженческого контекста вопрос о Центрах извлечь, конечно, невозможно, но непосредственно, хотя и путем словесных увязок, нагружать его проблематикой переговоров по ЯКВ в равной мере непродуктивно.

В Москве во время рабочего перерыва, заполненного подготовкой к внесению проекта Договора по РСМД, была выкроена возможность для корректировки подхода по Центрам. После согласования поправок с руководством МИД, Минобороны и КГБ был составлен текст заявления для второй встречи с делегацией США.

В феврале 1987 г. за рамками переговоров Ричард Перл в очередной раз проявил себя как публичный политик. Выступая на конференции в Мюнхене, он раскритиковал идею безъядерного мира и обрушился на западных деятелей, которые отнеслись положительно к советским инициативам в области разоружения¹. При этом, по мнению Перла, «большинство профессионалов-разоруженцев демонстрирует стремление к достижению договоренности во имя договоренности», то есть видят в ней самоцель².

Словом, в Мюнхене Перл подтвердил репутацию *ястреба*. Оставалось удостовериться, как это может сказаться на его поведении за столом переговоров. Что

перевесит в американской позиции: стремление достичь взаимоприемлемого согласия или желание показать новую жесткость?

Второй раунд переговоров по Центрам прошел в Женеве 4–5 мая 1987 г. Текст нашей новой презентации был максимально приближен к формулировкам возможного проекта соглашения. По результатам диалога, начавшегося в январе, мы высказались за включение в преамбулу формулировки о цели учреждения Центров: сделать шаг в направлении уменьшения, а в конечном итоге устранения риска возникновения ядерной войны, в том числе из-за неверного истолкования, ошибки или несчастного случая.

В преамбуле следовало бы подтвердить взаимопонимание о том, что в ядерной войне победить невозможно и она должна быть исключена. Также было бы полезно констатировать, что соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны служит интересам укрепления международного мира и безопасности.

Вопрос о характере информации, передаваемой через Центры, следовало бы осветить в протоколе к соглашению. Конкретно речь могла бы идти о передаче уведомлений о пусках баллистических ракет в соответствии со статьей IV Соглашения о мерах по уменьшению риска возникновения ядерной войны между СССР и США от 30 сентября 1971 г. и статьей VI (пункт 1) межправительственного Соглашения между СССР и США о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним от 25 мая 1972 г. В последнем случае имелась в виду передача извещений и предупреждений мореплавателям, как правило, не менее чем за 3–5 суток, а также передача оповещений о действиях в открытом море, которые представляют опасность для мореплавания или полетов самолетов.

Мы также выступили за то, чтобы в будущем список уведомлений, передаваемых через Центры, можно было изменить по взаимному согласию, по мере того как будут достигнуты соответствующие новые договоренности. Забегая вперед, следует отметить, что положение на этот счет вошло в текст статьи II Соглашения о Центрах и во многом предопределило его жизнеспособность и полезность для сторон. А ведь именно вопрос о соотношении Соглашения о Центрах с будущими договорами по ограничению и сокращению ядерных вооружений был камнем преткновения на переговорах.

Таким образом, в своем заявлении мы постарались не в ущерб эффективности будущих договоренностей по Центрам учесть некоторые из возражений Ричарда Перла. И тут на заседании возникла ситуация, беспрецедентная для советско-американских переговоров по разоруженческой тематике. Прослушав мое представление и уловив смысл реализованных в нем подвижек по сравнению с январским раундом, Перл, не прибегая к традиционному приему задавания уточняющих вопросов, вымолвил только одну фразу: «Я согласен со всем, что вы только что сказали». Минимализм дипломатии неоконсерватора, краткость — сестра таланта.

Из осторожности и осмотрительности, ставших на переговорах с американскими коллегами в Женеве второй натурой, я не стал хлопать в ладоши по поводу комментария Ричарда Перла и решил проверить собственные ощущения, а заодно устойчивость взглядов партнера. Чуть медленнее, с расстановкой я воспроизвел основные пункты нашего заявления. Перл не перебивал и был по-прежнему немногословен: «Я подтверждаю сказанное мной ранее по поводу представленной советской позиции. Можно констатировать согласие сторон по вопросу о создании ЦУЯО. Остается положить достигнутое взаимопонимание на бумагу и провести сверку договорных текстов». Что и было проделано.

В порядке доработки мы предложили в заголовке соглашения не использовать алармистское и в данном случае претенциозное выражение *опасность ядерной войны*, заменив его более подходящим словосочетанием *ядерная опасность*. О *войне* в заголовке поминать не хотелось, а Перл не возражал. Название для

создаваемых в столицах новых учреждений было сформулировано окончательно — ЦУЯО.

Работа делегаций завершилась без шампанского — во всем пуританская строгость. В черных, как ночь, глазах Ричарда Перла не зажглось ни единого нового огонька. *Князь тьмы* демонстрировал невозмутимость.

У меня был резон испытывать удовлетворение. Накануне во второй половине апреля на переговорах по ЯКВ нами был внесен проект Договора по ракетам средней дальности, что открывало путь для предметной работы по согласованию его текста. И вот теперь готовый, подтвержденный обеими сторонами проект Соглашения по ЦУЯО.

При своей подчеркнутой деловитости и даже сухости на переговорах Ричард Перл по завершении раунда не отказался пообедать в уютном ресторане на улице Паки. Завершение работы делегаций было отмечено бокалом доброго французского *Пино нуар*. Перл аккуратно уходил от комментариев на тему РСМД, не желая отбивать хлеб у послов Кампельмана и Глитмана, поэтому разговор зашел о перспективах ядерного разоружения.

Конфликтность международных отношений, по мнению Ричарда Перла, не позволяет рассчитывать на то, что ядерное оружие перестанет быть предметом вождения политиков, делающих ставку на силовую составляющую. В свою очередь я стремился привлечь внимание к тенденциям в мировом развитии, которые говорят о необходимости совместных усилий для противостояния глобальным вызовам в интересах выживания цивилизации. Рано или поздно противостояние должно уступить место сотрудничеству и перестанет быть преградой ядерному разоружению.

И все же, вслух рассуждал Перл, отказ от ядерного оружия — задача не сегодняшнего дня. В лучшем случае об этом можно будет говорить не ранее второй половины XXI в. Тогда это казалось бесконечно далеким.

Подписание Соглашения между СССР и США о создании ЦУЯО состоялось 15 сентября 1987 г. в ходе торжественно обставленной церемонии на лужайке Белого дома. Церемонию возглавил президент Р. Рейган. Соглашение подписали Э. А. Шеварднадзе и госсекретарь США Дж. Шульц. К тому времени Ричард Перл уже покинул пост заместителя министра обороны США и на церемонию не пожаловал. Говорили, будто он удалился в Калифорнию *зализывать раны* по поводу ухода из Пентагона. Не потому ли Перл так торопил переговоры в Женеве, что стремился завершить дело до своей запланированной отставки? Кто знает.

Некоторое время спустя я встретил Ричарда Перла в Москве, куда он прибыл в составе официальной американской делегации. На мой вопрос, чем он намерен заниматься теперь, Перл отшутился. У одного фермера, сказал он, было несколько породистых бычков-производителей. Чтобы выявить наиболее перспективных, фермер решил устроить конкурс, кто из бычков прыгнет выше. В качестве барьера на стойках поместили бревно и постепенно увеличивали высоту. Во время одной из попыток бычок-ветеран замешкался и больно задел препятствие. Бревно лишило его детородного органа. И что же? С той поры бычок работает на ферме советником-консультантом.

РИЧАРД ПЕРЛ РАСКРЫВАЕТ СВОЙ ЗАМЫСЕЛ

Так случилось, что мои пути-дороги с Ричардом Перлом более не пересекались. Однако у нас оказался общий знакомый — министр иностранных дел Дании Уффе Эллеман-Йенсен. После того как он покинул свой высокий пост, а я служил российским послом в Копенгагене, Уффе передал мне в подарок от Перла его собственноручное литературное творение: роман под названием «Жестким курсом», вышедший в свет несколькими годами ранее³. Это была скорее автобиография

Ы
Ц
И
Р
Н
О
А
С
Т
Н
С
Т
Р

в сочетании с литературным вымыслом. О ЦУЯО в романе ни слова, но две другие основные темы — переговоры по РСМД и советско-американский *саммит* осенью 1986 г. — вызывают интерес.

В книге отсутствуют реальные имена прототипов действующих лиц, о них можно только догадываться. Даты и даже места действительных событий намеренно смещены, но в большинстве случаев намеки достаточно прозрачны. Это относится и к главному герою произведения — заместителю министра обороны по вопросам международной безопасности *Майклу Уотерману*, от чьего имени ведется повествование. Майкл Уотерман и есть сам Ричард Перл. Меланж правды и вымысла, надо полагать, позволяет Перлу свободнее высказываться по чувствительным вопросам американской дипломатии, а также касаться деликатных аспектов *вашингтонской политической кухни*.

В романе Ричард Перл в деталях описывает борьбу с *либералами* из государственного департамента в сложном процессе межведомственного согласования позиций для президентского досье. В первую очередь это касается советско-американских переговоров по ограничению ядерных вооружений.

Как явствует из книги, *либерализм* работников госдепа, ратующих за *новую разрядку* в отношениях с Советским Союзом, претит *ястребу* Перлу. В отличие от дипломатов он считал несвоевременным проведение встречи на высшем уровне, поскольку советский лидер пока не предпринял ничего существенного в ответ на заявление американского президента об *империи зла*.

Наихудшим вариантом, говорит Перл устами своего персонажа, был бы необоснованный отход от политики давления на Советы по всем направлениям (военному, идеологическому, политическому) в надежде, что советский генсек превратится в социал-демократа⁴. К тому же в вопросе о советских нарушениях договорных обязательств представители госдепа, отмечает Перл-романист, ведут себя подобно адвокатам СССР⁵.

По роману, Уотерман-Перл прежде всего *делатель*, чуждый рефлексии практик⁶. Кстати, не эту ли свою склонность к молниеносным, без дипломатического *расусоливания* решениям демонстрировал Перл в ходе *женевских переговоров* по Центрам?

Уотерман-Перл убежден в фундаментальной недееспособности профессиональной дипломатии: «Если послушать дипломатов, у вас сложится искаженное представление о мире, хотя бы потому, что они дышат и живут в сфере международных отношений. Дипломаты склонны прослезиться от умиления при виде удачно организованного демарша или впасть в отчаяние из-за неуклюжего отступления от правил протокола. По причине того, что они ежедневно погружены в международные дела, в анализ позиций, занимаемых правительствами, партиями или политическими группировками, в отслеживание голосований в парламентах и перемен министерских постов, в составление проектов коммюнике и официальных заявлений, в проведение семинаров и конгрессов, комитетов и консультаций, они ошибочно полагают, будто мир вращается вокруг дипломатической оси, настолько тонко сориентированной, что малейшее нарушение способно остановить это коловращение»⁷.

Словом, это *хлюпки*, которых одолевает робость, а необходим настрой на преобладание. Разницу в подходах к переговорам со стороны американского министерства обороны и госдепа склонный к размахистым, наступательным акциям Уотерман-Перл формулирует следующим образом: «Вы готовы пойти на ничью... А я хочу победы»⁸.

Беллетристика Перла по эмоциональному настрою, по заточенности на конфликт предстает характерным образцом современного неоконсерватизма, высоко поднимающего хоругвь национализма, шовинизма, тотальной нетерпимости

к иным воззрениям. В этом плане неокон — явление, по-видимому, интернациональное.

Главного героя и рассказчика в романе Уотермана-Перла распирает гордость по поводу своего авторства *нулевого варианта*, сформулированного в 1981 г. применительно к переговорам о ракетах средней дальности. Он подчеркивал, что *нулевой вариант* дает Вашингтону «некоторое облегчение от демонстраций, протестов и требований полностью отказаться от развертывания, то есть обеспечивает нечто, удовлетворяющее чаяниям людей, и одновременно ставит Советы в положение обороняющегося»⁹.

Таким образом, Перл особо выделял пропагандистский эффект от *глобального нуля*. Еще до начала размещения американских ракет в Европе представилась возможность развернуть пропагандистское жало *нулевого варианта* одновременно по двум линиям: против антивоенного движения в Западной Европе, перехватив у него инициативу, и против СССР, которому этот *нуль* заведомо неприемлем. Последнее объяснялось тем, что советская сторона должна была идти на уничтожение своих развернутых ракет в условиях, когда американские *Першинги* и крылатые ракет только готовились к переброске в Европу.

Получается, что выдвинутый в 1981 г. американский *нулевой вариант* был рассчитан не на договоренность, а на тупик на переговорах, что обеспечивало Вашингтону политико-пропагандистское прикрытие как для подготовки к развертыванию, так и для самого развертывания своих ракет.

Наверное, Перл не слишком преувеличивает, когда пишет в романе, что на меморандуме Уотермана-Перла о *нулевом варианте* шеф Пентагона в восторге от хитроумия своего подчиненного начертал резолюцию: «Это предложение заслуживает быть отмеченным Нобелевской премией мира»¹⁰.

На страницах романа появляется еще один объект для яростных критических атак со стороны Перла — седовласый посол Мур, в котором без труда узнается Пол Нитце. Это уже не насюки автора на *либералов* из госдепа, а самая настоящая *разборка* в стане консерваторов.

Перл негодует по поводу поведения Мура-Нитце во время летних (1982 г.) бесед-прогулок с советским послом Роговым (читай Квицинским) в лесу недалеко от Женевы. Уже через год после объявления президентом США *нулевого решения* посол Мур-Нитце, возмущается Перл, позволил себе обсуждать вариант, согласно которому Вашингтон отказывался бы от развертывания ракет *Першинг-2* при сохранении в Европе крылатых ракет средней дальности в обмен на уменьшение числа развернутых советских ракет *СС-20*.

В описанной в романе склоке с Нитце автор возмущен не тем, что посол допустил возможность пересмотра концепции *нулевого варианта*, а тем, что допускалась перспектива отказа США от размещения своих ракет в Европе. Итак, сам по себе *промежуточный вариант*, то есть своего рода *нуль плюс*, аллергии у Перла не вызывал. Его смущала предложенная Полом Нитце формула сокращений. Вообще появление промежуточных вариантов в политике США объясняется тем, что заложенная в *нулевом решении* возможность полного отказа от развертывания американских ракет средней дальности в Европе со временем многим в Вашингтоне стала казаться невыгодной.

Роман Перла в части, касающейся критики Пола Нитце, является иллюстрацией того, как в Вашингтоне отходили от *глобального нуля*, отдавая предпочтение *промежуточному* решению, лишь бы добиться согласия Москвы на размещение хотя бы части запланированных американских ракет. Следует оговориться, что Ричард Перл был не одинок в Вашингтоне в резких оценках дипломатии Нитце.

Как следует из книги Струба Тэлбота, посвященной дипломатической карьере Пола Нитце, по поводу некоторых его конкретных предложений во время *лесной прогулки* негодовал заместитель госсекретаря Ричард Бэрт. Он назвал позицию

Ы
Ц
И
Р
Н
О
А
Т
С
П
Н
С

Нитце, допуская отказ от развертывания ракет *Першинг-2*, паникой. По свидетельству Тэлбота, это предложение не получило одобрения ни госсекретаря Шульца, ни президента Рейгана.

В результате в марте 1983 г. американская администрация по инициативе Р. Бэрта выступила с *промежуточным* решением. Оно предусматривало, что *нулевой вариант* остается целью переговоров, но тем временем США понизили бы уровень развертывания различных средств в рамках НАТО при сохранении ракет *Першинг-2* в качестве составной их части в обмен на *глобальные* сокращения Советским Союзом ракет *СС-20*¹¹. Согласно роману, позитивной реакции Москвы на зондаж Пола Нитце не последовало. Узнав об этом, Уотерман-Перл вздохнул с облегчением¹².

НЕДОИГРАННАЯ ПАРТИЯ ПОЛА НИТЦЕ

Обстановка вокруг реальных, а не книжных переговоров в Женеве развивалась следующим образом. За оставшееся время до конца 1983 г. договориться по РСМД не удалось. В ноябре США приступили к развертыванию своих ракет в Западной Европе. В ответ СССР *хлопнул дверью*, прервав свое участие в переговорах. Дискуссии возобновились только в 1985 г. в рамках переговоров по ЯКВ.

Думается, есть резон напомнить о некоторых наших оценках эволюции американской политики в связи с *нулевым вариантом*. Ветеран советско-американских переговоров по ядерным вооружениям генерал В. П. Стародубов в своем исследовании пишет «Может быть, Рейгану казалось, что это было справедливое предложение. Однако последующее развитие событий не подтверждает это предположение — внося свой *нулевой вариант*, Рейган менее всего думал о справедливости: он, с одной стороны, работал на западноевропейскую публику, а с другой — очень надеялся, что Советский Союз на обсуждение такого варианта не пойдет. То, что это был лишь пропагандистский маневр, в Москве поняли сразу. Всему миру это стало окончательно ясно лишь через несколько лет, когда практически такой же вариант был предложен советской стороной. США вовсе не обрадовались такому повороту. Наоборот, они начали маневрировать, пытаясь склонить СССР к промежуточному варианту, при котором США могли бы оставить в Европе хотя бы часть своих РСД. Но это было потом. А в конце 1981 г. Рейган и его команда считали, что смогут разместить и ракеты в Европе, и обвинить Советский Союз в нежелании сокращать вооружения»¹³.

Г. М. Корниенко в своих работах прослеживает, как шаг за шагом формировалось советско-американское согласие вокруг подлинного *нулевого варианта*, который в конечном итоге лег в основу Договора по РСМД. Признавая пропагандистский характер первых американских предложений по этой проблеме, он в качестве крупного шага на пути к договоренности выделяет снятие советской стороной требований об учете ядерных вооружений Англии и Франции в ходе встречи М. С. Горбачева и Р. Рейгана в Рейкьявике¹⁴. Последнее вынудило американцев пойти на реальные уступки¹⁵.

По мере наращивания гибкости советского подхода в США таял интерес к *нулевому решению*. Г. М. Корниенко отмечает: «...Надо было видеть, как Вашингтон пытался отбиться от *нулевого варианта*, когда его взяла на вооружение — и вполне серьезно — советская сторона, как американская сторона стремилась склонить нас к *промежуточному* варианту, который позволил бы США сохранить хотя бы часть своих ракет средней дальности в Западной Европе. Только благодаря нашей настойчивости и давлению западноевропейской и мировой, в том числе американской, обществ, Вашингтон в итоге пошел на *нуль*»¹⁶. И дальше он продолжает: «На деле [...] получилось так, что согласие США на реальный, а не пропагандистский *нуль* явилось [...] ответной уступкой — и отнюдь не менее крупной — на наше согласие снять вопрос об учете английских и французских ядерных средств. Не уступили мы в этом вопросе, не было бы договора, как не было бы

его и без согласия США на нуль. [...] Каждая сторона уступила, но уступила ровно столько, сколько было необходимо, чтобы сбалансировать их интересы в данной конкретной сфере»¹⁷.

В мемуарах Ю. А. Квицинского явственно звучит грустно-меланхолическая нота по поводу того, что, казалось, сложившийся *доверительный канал* переговоров с Полом Нитце не был использован должным образом для поиска компромисса. Возобладало недоверие к Нитце, о котором А. А. Громыко как-то заметил: «Он правее самых правых и ни о чем договариваться не хочет»¹⁸.

Интересно, что западногерманские социал-демократы изначально поверили СССР в том, что *нулевой вариант* по ракетам средней дальности абсолютно не приемлем для его безопасности. Однако после принятия Москвой этого *нулевого варианта*, они заявили, что больше никогда не поверят в окончательность ни одной советской позиции и будут полагаться исключительно на свои оценки ситуации¹⁹. Да и о себе Ю. А. Квицинский пишет: «...В ходе всех переговоров я выступал против *нулевого варианта* Рейгана и за учет Англии и Франции. Если я бы стал вдруг доказывать что-то другое, мне бы никто не поверил...»²⁰.

Ю. А. Квицинский объясняет уступчивость Пола Нитце, по поводу которой возмущались Ричард Перл и Ричард Бэрт, ссылкой на предположение, что в свои 75 лет *дед* (прозвище седовласого Нитце среди женеvских дипломатов) не хотел бы заканчивать карьеру провалом переговоров²¹. Неожиданная сентиментальность для такого рыцаря холодной войны, как Пол Нитце.

Судя по всему, Ю. А. Квицинский отдал слишком много душевных сил попыткам нашупать формулу решения в оживленных обменах с Полом Нитце в 1983 г. накануне размещения американских ракет в Европе. Посол приводит высказывание Нитце, прозвучавшее только в 1985 г., о том, что Вашингтон был готов ограничиться размещением крылатых ракет только в Англии и на Сицилии, но советская сторона поспешила уйти с переговоров²².

В начале 1987 г. в звонке по телефону из Бонна, где он работал на посту советского посла, Юлий Александрович поинтересовался у меня, не осталось ли отзвуков *лесной прогулки* в нашем нынешнем подходе по РСМД. Я ответил, что философия *промежуточного решения* в советской позиции не присутствует.

В центре Европы в ту пору имел место переизбыток ядерных зарядов, порожденный соперничеством ОВД и НАТО. Градус военной конфронтации зашкаливал.

Реализованный в декабре 1987 г. в Договоре по РСМД подлинный, то есть рассчитанный на практическую договоренность, а не на пропаганду, *нуль* решил вопрос размещения американских ракет в Европе — процесс был остановлен и повернут вспять. Был ликвидирован узел острого ядерного противостояния в центре Старого Света, что благотворно сказалось на всей международной обстановке и, по сути, открыло дорогу для Договора по СНВ.

Р. С. : ЦУЯО ВОСТРЕБОВАН

14 декабря 1987 г. Постановлением КПСС и Совета Министров ЦУЯО был учрежден в нашей стране. Вскоре после подписания Соглашения о Центрах я оказался в кабинете министра на Смоленской. В ходе беседы в деликатной форме я затронул щепетильный вопрос о желательности надлежащим образом отметить этот скромный успех в трудной работе в пользу разрядки напряженности и отказа от политики конфронтации. Эдуард Амвросиевич отмахнулся от предложенной идеи как от назойливой мухи. «Мелочь», — проронил министр.

В ту пору во весь рост стоял вопрос о завершении работы над Договором по РСМД. Но как вскоре выяснилось, ввиду огромных объемов передаваемой информации без механизмов ЦУЯО организованно и качественно выполнить обязательства

по РСМД, как и по другим договоренностям в области разоружения, было бы затруднительно, если вообще возможно. Каналы ЦУЯО оказались незаменимы.

Востребованность Центров была подтверждена уже в ходе переговоров М. С. Горбачева и Р. Рейгана в мае-июне 1988 г. в Москве²³. Изначально, по протоколу к Соглашению от 15 сентября 1987 г., на Центр возлагалась только задача обмена своевременными уведомлениями о соответствующих пусках баллистических ракет. Потом, как это и предусмотрено Соглашением, Центр стал использоваться в интересах реализации заключенных договоренностей в области ограничения вооружений. Первым таким документом стал подписанный 8 декабря 1987 г. договор между СССР и США о ликвидации РСМД.

Российский ЦУЯО осуществляет контроль реализации и соблюдения более 15 международных договоров и соглашений по сокращению вооруженных сил и вооружений, укреплению мер доверия. Основными из них являются Договор о СНВ, Договор о РСМД, Договор об ОВСЕ, Венский документ по мерам укрепления доверия и безопасности в Европе 1999 г., Договор по открытому небу, соглашения с Китаем о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы и об укреплении мер доверия в военной области.

Через ЦУЯО осуществляется обмен уведомлениями в соответствии с рядом соглашений, в том числе о пусках межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок, о крупных стратегических учениях, об ограничении подземных испытаний ядерного оружия и подземных ядерных взрывах, о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожения и т. д.²⁴.

Складывавшаяся система договоренностей по ограничению вооружений, подтачивавшая политику конфронтации, не могла не обогатиться действенным и весьма загруженным ответственной работой механизмом для контроля за соблюдением принимаемых обязательств. По Договору РСМД, например, Центром было подготовлено и проведено более 440 инспекций на объектах США на их территории и на территории западноевропейских стран размещения, обеспечены сопровождение и работа более 770 инспекций США на объектах СССР и России. Для решения указанных задач были организованы обучение и подготовка более 7000 специалистов.

Внушительный объем инспекционной работы был осуществлен по Договору СНВ-1. В частности в соответствии с положениями об обмене телеметрической информацией в США были переданы материалы телеметрии по 175 пускам ракет, обработана и проанализирована телеметрическая информация по такому же количеству пусков американских стратегических ракет²⁵. И это лишь часть задач, которые выполняет Центр. Поэтому сейчас называть российский и американский ЦУЯО *мелочью*, думается, язык не повернется даже у неисправимых скептиков.

В апреле 2011 г. в Вашингтоне состоялся всемирный российский форум, на котором дебатировались вопросы *перезагрузки* российско-американских отношений.

По сообщениям СМИ, разговор получился непростой, временами — острый. Российские представители предъявляли претензии Вашингтону по поводу создания препятствий для развития двусторонних отношений. Не оставались в долгу и американские участники, среди которых выделялся Ричард Перл, выступавший в качестве ведущего эксперта Американского института предпринимательства.

О каких-то успехах в двусторонних отношениях, по его мнению, можно говорить только в области контроля над вооружениями. Перл критиковал Москву за чрезмерную централизацию власти, за отсутствие свободы прессы и несоблюдение законов, ссылаясь в качестве примера на *дело Ходорковского* и *дело Магнитского*. Высказывался Ричард Перл и против отмены поправки Джексона-Вэника. После нескольких энергетических войн, от которых, по мнению Перла, пострадала не только Украина, но и страны Восточной Европы, он заявил, что глупо рассчи-

тывать на поставки энергоносителей из России. Словом, было много риторики, не уступающей по накалу временам холодной войны²⁶.

Тот факт, что деятель последовательно *ястребиной* политической философии оказался одним из соавторов проекта Соглашения о ЦУЯО, свидетельствует о востребованности мер по укреплению доверия между государствами. Строгая дипломатическая практика даже глубоко идеологизированных политиков вынуждает смирять эмоции и действовать сообразно инструкциям, а не по наитию.

В последнее время ЦУЯО, казалось, вновь потерялись в потоке сообщений о международной политике. Их возвращение в поле зрения произошло после переговоров президентов В. В. Путина и Б. Обамы на встрече *восемьмерки* в Северной Ирландии в июне 2013 г. К механизму, которым оперируют Центры в России и в США, добавилась новая функция — обмен информацией, необходимой для противодействия агрессии в киберпространстве.

В официальном сообщении *О российско-американской договоренности по мерам укрепления доверия в сфере использования информационно-коммуникационных технологий* от 18 июня 2013 г. указывается, что будут организованы линии связи и обмена информацией о компьютерных инцидентах на нескольких уровнях. Одним из таких уровней будет линия связи между силовыми ведомствами России и США через национальные центры по уменьшению ядерной опасности. Цель такого обмена — взаимное уведомление об атаках на объекты критической информационной инфраструктуры.

Достигнутые договоренности формируют комплексную систему мер доверия между Россией и США в информационном пространстве. В сообщении также подчеркивается, что «установление прямых контактов между конкретными структурами и ответственными лицами в Москве и Вашингтоне предоставит возможность оперативно реагировать на действия злоумышленников и предотвращать возникновение потенциально конфликтных ситуаций в информационной сфере»²⁷.

Решение о заключении Соглашения об учреждении ЦУЯО в Москве и Вашингтоне в сентябре 1987 г. оказалось дальновидным шагом с обеих сторон. 🐘

Примечания

¹ *Красная Звезда*. 1987, 4 февраля. № 28 (19215). С. 3.

² Цит. по: *International Herald Tribune*. 1987, 17 March. P. 4.

³ Richard Perle. *Hard Line*. N.Y.: Random House, 1992.

⁴ *Ibid.* P. 36.

⁵ *Ibid.* pp. 11, 40.

⁶ *Ibid.* P. 51.

⁷ *Ibid.* P. 164.

⁸ *Ibid.* P. 126.

⁹ *Ibid.* pp. 11, 40.

¹⁰ *Ibid.* P. 109.

¹¹ Strobe Talbott. *The Master Of The Game: Paul Nitze and the Nuclear Peace*. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1988. P. 178.

¹² Richard Perle. *Op. cit.* P. 181.

¹³ Виктор Стародубов. *Супердержавы XX века. Стратегическое противоборство*. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 331.

¹⁴ Корниенко Г. М. «Холодная война». Свидетельство ее участника. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2011. С. 301.

¹⁵ Там же. С. 302.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ю. А. Квицинский. *Время и случай. Заметки профессионала*. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 371, 408.

¹⁹ Там же. С. 391.

²⁰ Там же. С. 468.

²¹ Там же. С. 371.

²² Там же. С. 436.

²³ *Правда*. 1988, 2 июня. № 154 (25506). С. 2.

²⁴ Российский национальный центр по уменьшению ядерной опасности — 20 лет. Авторский коллектив. М., 2007. С. 7.

²⁵ Там же. С. 14–15.

²⁶ *Коммерсант*. 2011, 4 апреля. № 57. С. 6.

²⁷ О российско-американских договоренностях по мерам укрепления доверия в сфере использования ИКТ. МИД РФ. 2013, 18 июня. 1232-18-06-2013. <http://www.mid.ru/bdomp/ns-g8.nsf/4681a749b12257b3432569ea003614e4/44257b100055f92444257b8e002cea8!OpenDocument> (последнее посещение — 14 октября 2013 г.).

В ПЕРЕВОДЕ С ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО

Marek Arnaud. The Weak Send Rocks, the Strong Send Rockets. A Thousand Diplomatic and Un-diplomatic Jokes. Illustrated by Lionel Portier. Foreword by Hon. Gough Whitlam. — Eloquent Books. N.Y., 2009. — 340 p.

Рецензия — Владимир Орлов

Мы познакомились с Марек — о'кей, пусть для целей этой рецензии он останется Марек Арно, хотя, конечно, никакой он не Марек, а вполне французский дипломат, который работал в Сиднее, Нью-Йорке, Тель-Авиве, именно в силу недипломатичности своей книги решивший укрыться за почти прозрачным псевдонимом, — так вот, мы познакомились с Марек лет шесть тому назад, на горной тропинке в осеннем лесу Верхней Савойи, там, где она незаметно скатывается к предместьям Женевы.

Марек был грамотно экипирован прогулочными палками и, стоило ему завидеть гриб, или ягоду, или бабочку, он непременно вскидывал правую палку, указывая на находку и называя ее точное имя на своем превосходном английском. Марек по-набоковски не терпел неумения называть природу ее именами, был глазаст и, обнаруживая ржавый подосиновик на фоне ржавой листвы, демонстрировал впечатляющую дотошность, перемежавшуюся колкими шутками по поводу коллег с Кэ д'Орсе. Не будучи выпускником Школы государственного управления — кузницы кадров французского МИДа, этакой крепости из слоновой кости — Марек был на Кэ д'Орсе чужаком и с наслаждением, которое иные могли бы принять за зависть, и с доброй дозой цинизма подтрунивал над *их нравами*, особенно тех, кто в верхнем эшелоне.

Марек любил слова французского комика Колюша «Иерархия, словно книжная полка: чем выше, тем бесполезней». Или Черчилля «У него были все достоинства, которые мне несимпатичны, и ни одного из грехов, которыми я восхищаюсь».

Тогда я еще не знал, что дотошность, изрядно подперченная цинизмом, отличала Марека все долгие годы его службы на дипломатическом поприще. Узнал только, когда случайно открыл изданную в Нью-Йорке книжку под названием «Слабаки швыряются камнями, сильные швыряются ракетами: тысяча дипломатических и недипломатических анекдотов», где сразу угадывался почерк моего осеннего попутчика.

Не то чтобы мне эта книжка целиком так уж понравилась. Для этого она слишком эклектична, да и рассчитывать, что по каждой из тыщи единиц анекдотов, шутливых афоризмов, наблюдений из жизни и чужих цитат, наполнивших книгу, наше мнение с Марек относительно того, что смешно, а что банально и плоско, совпадет, было бы странно.

А
К
К
Е
Т
О
И
Н
Б
И

Вообще, тыща анекдотов *в одном флаконе* — это серьезное испытание даже для самых неприязнительных любителей юмора, а тыща анекдотов, претендующих на интеллектуальность, — это просто вызов.

Но там есть ужасно смешные страницы. И когда я их читал меня не покидал образ затянутого в костюм дипломата, дремлющего где-нибудь на Женевской Конференции по разоружению, который, притворяясь, что со вниманием слушает очередного нудного докладчика, на самом деле держит перед глазами эту книжку, и вдруг посередине этого нудного выступления не выдержит да как разразится хохотом на весь этот каменный мешок, а на вопросительно-порицающий взгляд из соседней делегации протянет коллекцию Марека Арно: *Смотрите, да это же про нас!*

Солидное предисловие бывшего премьер-министра Австралии не заставило Марека *причесать* свое творение. Оно у него сродни крошки: что собрал в хозяйстве, то и кидаю в кастрюлю, даже и разогревать не надо. И не всегда у него получается, чтобы суп — отдельно, а мухи — отдельно. Каким-то не вполне понятным, партизанским образом сюда прокралась последняя, шестая глава, она же *приложения*, занимающая, если разобраться, две трети этой книги, где собраны не Мареком придуманные, но Мареком дотошно рассортированные анекдоты (в русском смысле этого слова) про юристов, про французоз, про блондинок и про то, как должны звучать ваши записи на автоответчике, — и хотя среди них тоже попадаются ужасно смешные, особенно про блондинок и автоответчики, и есть предостаточно просто смешных (хотя иногда бородатых), эти приложения все-таки выходят за сферу интересов редакции журнала *Индекс Безопасности*.

Исходя из этого я ограничусь пролистыванием, вместе с нашими читателями, того, что к *Индексу Безопасности* отношение имеет, а именно: наблюдений, принадлежащих самому автору, или же перлов, подслушанных автором во время его длительных дипломатических заграничных командировок и помещенных в разделы «Перевернутые афоризмы, Сидней, 2001–2004», «Ближневосточный процесс на куски, Тель-Авив, 1996–2000», «Дивный новый мир, порядок, Женева — Нью-Йорк 1992–1993», а также «Разоруженческие и прочие афоризмы как руководство к действию на переговорах по контролю над вооружениями, Женева — Нью-Йорк, 1989–1991». Я долго думал, почему пребывание в СССР (а Марека когда-то служил в консульстве на советской земле) не подвигло французского дипломата на соответствующие анекдоты, но не нашел ответа: может быть, с тех пор все так изменилось, что сегодня уже совсем не смешно будет? Я также долго думал, почему пребывание в Женеве и Нью-Йорке, напротив, заставило Марека особенно фонтанировать, но здесь я догадываюсь: ООН и окрестности дают диспропорционально большое количество свободного времени для свободных размышлений и интеллектуальных развлечений.

Весомая часть этих *заметок на манжетах* Марека — я так и вижу его, втихую делающего недипломатичные наброски во время переговоров и конференций, когда другие чертят геометрические узоры или же просто погружаются в дрему — связана с вопросами разоружения и нераспространения. Они как раз совсем не смешны. Но на них-то и стоит остановиться. Вот некоторые:

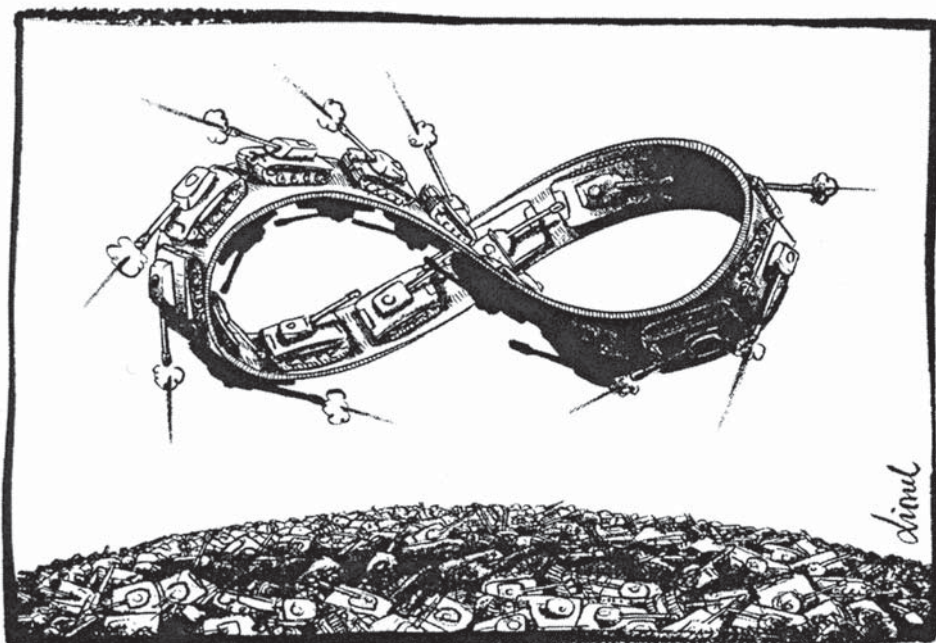
- ❑ Западные страны привыкли тратить деньги на то, чтобы вооружаться, теперь они тратят деньги, чтобы разоружить других.
- ❑ В вопросах нераспространения ведущие державы иногда ведут себя как отчаявшиеся родители нежеланных детей, которые из мести всему человечеству предлагают ужесточить контроль над рождаемостью.

- ❑ Процесс нераспространения — это все равно что процесс, когда несколько людей начинают курить в комнате, где курение запрещено: если вы не остановите их сразу же, к ним тут же присоединятся другие.
- ❑ Щедрость некоторых стран безгранична: хотя они и осуждают оружие массового уничтожения, зато помогают другим его создавать.
- ❑ Для ВПК разоружение — это вопрос жизни и смерти.
- ❑ Всякая гонка на финише определяет победителя... а как быть с гонкой вооружений?
- ❑ Есть риск, что вместо нераспространения ОМУ нарастает распространение всяких многочисленных заявлений против нарастания распространения ОМУ.
- ❑ Чем более *всеобъемлющей* становится программа мер по разоружению, тем больше у нее шансов остаться еще одной программой.
- ❑ На Конференции по разоружению в Женеве некоторые делегации придерживаются принципа «Наш ответ отрицательный. А какой был вопрос?»
- ❑ Что произойдет с Конференцией по разоружению, если она не приспособится к новым условиям? То же, что происходит с женщиной, теряющей красоту: с ней больше ничего не произойдет.
- ❑ Определение сверхдержавы: она не потерпит вмешательства в свои внутренние дела ни в одном уголке мира.

Ну и, конечно, наш добрый француз не может не пройтись по своим коллегам-дипломатам на Конференции по разоружению и на многосторонних переговорах (позволю себе здесь вольный перевод, чтобы не потешать читателя постоянными ссылками на непереводаемую игру слов):

- ❑ Высшая степень пресмыкания дипломата: написать заявление за своего посла и делать заметки, когда тот зачитывает это заявление с трибуны.
- ❑ Когда дипломат говорит «Я знаю, что эти взгляды разделяют многие...», на самом деле это значит: «Никто с этим не согласен, но я уж как-нибудь протолкну эту ерунду».
- ❑ Когда дипломат говорит «Давайте действовать в духе компромисса», на самом деле он имеет в виду: «Я сейчас повторю все то же, что только что сказал, но другими словами».
- ❑ Когда дипломат говорит «Я жду инструкций из столицы», он имеет в виду «У меня есть инструкции, но я не дам вам знать, какие они, пока не пойму, куда тут дует ветер».
- ❑ Когда дипломат говорит «Я буду предельно краток», это попросту значит «Я собираюсь говорить эдак минут двадцать», когда он говорит «Я предприму усилия, чтобы быть очень кратким», то это значит, что он собирается говорить куда дольше двадцати минут.
- ❑ Когда дипломат говорит «Я не понял», это означает, что все он понял, но не согласен; когда он начинает словами «Хотя я разделяю некоторые положения, только что высказанные коллегой», это значит, он считает, что коллега несет полную чушь; а если он начинает со слов «Хотя до некоторой степени этот взгляд имеет основание», это значит, он убежден: коллега — полный идиот и несет чушь не просто полную, но и беспросветную.

Теперь пришло время несколько слов сказать об иллюстраторе этой книжки. С иллюстратором Лионелем Портье я не знаком и даже не догадываюсь, настоящее ли это имя или тоже псевдоним. Судя по его краткой биографии, он часто находился там же, где и автор: рисовал для парижской *Монд*, для сиднейской *The Sidney Morning Herald*, а сейчас вернулся в Европу, куда-то между Францией и Швейцарией. Но, вероятно, это лишь простое совпадение путей и биографий. Иллюстрации отменные. Черно-белая графика лирична, даже нежна, она оттеняет задорный, грубоватый юмор и цинизм прозаседавшего, слегка (ну впрочем не так уж и сильно) утомленного ооновской бюрократией дипломата... как любит говорить один выдающийся российский дипломат: «А теперь полчаса здоровой сплетни».

Переговоры и заседания ведь скучны, если их ведут безыюморные и не способные посмеяться над самими собой люди; если попадете на такое заседание — захватите с собой книжку Марека Арно. Как профилактику. 🐹

SUMMARY

F R O M T H E E D I T O R

7 **Iran Nuclear Deal: Temporary Relief — and Next Steps Needed** — *Vladimir Orlov*

Geneva Accords on Iran, provisional and fragile, is a step in a right direction, writes *Security Index* Editor-in-Chief Vladimir **Orlov**. — Our journal, as well as PIR Center, already three years ago provided policy recommendations very close to the compromise achieved in Geneva in November 2013. Moreover, in March 2013, in Venice, we, together with our U.S. partners and colleagues from the Middle East, formulated a detailed, step-by-step, plan on Iran nuclear program which proposed a set of accords, both multilateral and bilateral (Iran-U.S.). We have always insisted that only diplomatic solutions can work, and that diplomatic solutions are doable — something criticized by many of our American and European colleagues just a few months ago. So, there are numerous reasons for us to be happy about the Geneva Accords. But to get relaxed? — No way. There are still too many questions remain not answered, and this is just a beginning of a long road. November success should not bring an illusion of sustainable progress. However, if United States and Russia continue and strengthen their leadership on the Iran issue, chances for a long-lasting, efficient solution which would reduce regional and global tensions are there, believes Orlov.

Key words: *Iran nuclear program, Russian-U.S. relations, Russian foreign policy.*

I N T E R V I E W

11 **Soft Power and Hard Power: a Product not a Sum** — *Konstantin Kosachev*

Amid the profound changes in the international system and the resulting strategic uncertainty, it is only right and proper for Russia to use soft power in its foreign policy. Being a beacon of various virtues for foreign countries and their citizens translates into the ability to persuade them, and to encourage them to joint action. But it is necessary to understand what kind of soft power capability Russia actually has. Konstantin Kosachev, Head of the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation, covers these questions.

Key words: *soft power, Russian foreign policy, Russian image abroad.*

19 **Man and Machine to Merge into a Single Bio-Cyber-Organism** — *Dave Evans*

The speed of IT progress is making even the boldest predictions by sci-fi fiction writers look conservative. It is creating a huge number of opportunities and challenges for the entire humankind. Many of the products of the IT revolution, such as 3D printing, the Internet of things, quantum computing, neural-computer interface, and supercomputers, are already laying the ground for a revolution in warfare, economics, trade, manufacturing, and day-to-day life. What is more, there is an emerging prospect of a convergence between humans and machines, both in social communications terms and in the direct biological sense. Dave Evans, Chief Futurist at *Cisco Internet Business Solutions Group*, has given an exclusive interview for *Security Index* journal.

Key words: *information technologies, biocomputers, evolution of the Internet, effects of IT on economics and politics.*

A N A L Y S I S

25 **The Middle East: Hello to Russian Arms!** — *Natalia Kalinina*

Being one of the key suppliers of conventional weapons to the Middle East, Russia is facing the same set of political challenges in the region that the other arms exporters are struggling with. On top of that, there is also the specific historical background that limits Russian opportunities in the Middle Eastern defense markets. The objectives Russia is currently facing include maintaining its

Y
R
A
M
M
S
U
S

presence in the region through continued cooperation with Syria and Algeria, winning a bigger share of the Iraqi market, maintaining ties with Iran, and strengthening its positions in Afghanistan after 2014. The issue is analyzed by Natalia Kalinina, Senior Research Fellow and Head of the Group on unconventional threats to security of the Center for International Security Studies at the Institute of World Economy and International Relations.

Key words: *conventional arms trade, arms control, international relations in the Middle East, Russian foreign policy, regional security.*

41 **State Armament Program 2020: Government and Industry** — *Yury Fedorov*

Russia's ambitious rearmament program represents a combination of domestic political processes, competing economic interests, and military-political planning. In many areas, the defense procurement targets far outstrip the capabilities of the Russian defense industry. The situation is further compounded by bureaucratic and corporate lobbyism. PIR Center expert Yury Fedorov offers a detailed assessment of the SAP-2020 implementation.

Key words: *state armament program, Russian foreign policy, Russian domestic policy, defense industry, lobbyism.*

61 **The Battle for Uranium in the Sahara and the Sahel** — *Evgeny Korendiyasov*

The uranium riches of the Sahara and the Sahel are drawing the attention of various international players. Given the strategic nature of uranium as a natural resource and the lack of a free market for uranium, economic competition is acquiring a political dimension. France, whose mining companies have been operating in the region for decades, is fighting hard to retain its positions. Meanwhile, China, the United States, India, Russia and several other countries are trying to secure a share of Africa's uranium pie. An article by a senior scholar at the Institute for African Studies in Moscow analyses the positions of the key players on the continent, including the policies of the African governments.

Key words: *Sahel, Sahara, Niger, Mali, mineral resources, uranium, nations' interests in Africa, national sovereignty.*

71 **Chinese Brinkmanship in the South China Sea** — *Dmitry Mosyakov*

A few years ago only experts in Asian politics knew about the territorial dispute in the South China Sea. Now, however, that dispute is turning into a global conflict, with dire implications for stability not only in Southeast Asia, but all over the world. An article by the head of the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania at the Institute of Oriental Studies (Moscow) argues that the situation directly impinges on Russian interests, especially in view of Russian presence in the Pacific. Russian policy in the Hanoi-Beijing-Moscow triangle requires a great deal of professionalism and delicacy, the author says.

Key words: *territorial disputes, South China Sea, Chinese foreign policy, Vietnamese foreign policy, Russian policy in Asia Pacific.*

D O S S I E R

85 **BRICS and Advanced Technologies: Prospects for Cooperation and Russian Interests** — *Andrey Baklitskiy, Evgeny Buzhinsky, Oleg Demidov, Pavel Luzin and Vladimir Orlov*

There is a growing interest in soft-security cooperation between the BRICS countries in the run-up to the BRICS summit in Fortaleza, Brazil, in 2014. Cybersecurity issues are now becoming a catalyst of closer cooperation. A report by a group of PIR Center experts focuses on such promising areas of cooperation between Brazil, Russia, India, China and South Africa as nuclear energy, cyberspace, and the outer space. These areas can give a fresh impetus to the development of BRICS, and help the five nations play a greater role in setting the international agenda.

Key words: *BRICS, nuclear energy, security in cyberspace, peaceful space exploration, preventing the militarization of space.*

R O U N D T A B L E

89 **Internet Governance and Combating Cybercrime: Global Threats and Russian Interests** — *Luke Dembosky, Oleg Demidov, Georgiy Gritsay, Richard Hill, Madina Kassenova, Dennis Keefe, Andrey Kolesnikov, Veni Markovski, Ilya Sachkov, Elena Volchanskaya, Mikhail Yakushev, and Ulyana Zinina*

International dynamics in the area of regulation of IT and the global Internet governance in recent years suggest that these issues are coming to the fore of the global agenda. Meanwhile, cybercrime has become a major international challenge. The question of the evolution and transformation of the global architecture of Internet governance has therefore acquired a particular political urgency.

Key words: *information security, Internet governance, international legal regime, IT, cybercrime.*

- 107 **Assessing the Modern Challenges and Threats Facing the Euro-Atlantic Region** — *Igor Sergun*

The Euro-Atlantic region is facing a serious threat emanating from the Sahara and Sahel part of Africa — more specifically, from the territory of Mali, where Islamist groups are trying to hold on to territories they have seized in the north of the country, and to spread their influence to neighboring states. Meanwhile, there is a growing corps of European jihadists fighting along with the rebels in Syria and Lebanon. Having acquired combat experience in the Middle East, they can later use their skills on the European continent, where several frozen conflicts still remain unresolved. It would be in Russia's long-term interests to facilitate the formation of an open collective security system in the Euro-Atlantic region, a system based on a clear legal framework. The issue is covered by the Head of the Main Directorate of the General Staff, the Deputy Head of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Lieut.-Gen. Igor Sergun.

Key words: *European security, Russian foreign policy, Russia-NATO relations, political processes in the Middle East, Africa.*

- 111 **A Digital Genie in Tehran's Service** — *Oleg Demidov*

Iran is energetically mastering cyber-warfare technologies, from massive DDoS attacks against the world's largest banks to taking control of American UAVs in mid-air. Tehran became determined to pursue a course of cyber-confrontation with Washington only after becoming a victim of the *Stuxnet* and other malware attacks. The organizers of cyber-operations against Iranian IT networks have suddenly come to realize that this is not a one-way street. The Russian leadership should prepare for the worst as a result of this turn of events, argues Oleg Demidov, Director of the PIR Center's International Information Security and Global Internet Governance Program.

Key words: *cyberespionage, critical infrastructure security, computer viruses.*

- 115 **To Asia, to Asia! Geopolitique Russe as Seen by a Swiss Banker** — *Arnaud Leclercq*

The place and role of Russia in the XXI century remains a controversial discussion point among political scientists, economists, sociologists, and historians. What should the Russian state seek — to become a regional or global power? Does Russia still need to align itself with Western values, or maybe in the East there are more profitable acquisitions lying in wait for Russia? What role does Russia's rich natural resources and human potential in its development play? The author — the Head of New Markets Division and Member of the Executive Board of the Swiss private bank *Lombard Odier* — brings together economic and geopolitical factors and presents a picture of modern Russia with a unique geostrategic position of Eurasian power.

Key words: *Russian foreign and domestic policy, history of Russia, modernization.*

R E V I E W O F R E C E N T W O R L D E V E N T S

- 122 **The International Security Index (iSi) in September-November 2013: a Political Chemotherapy Course** — *Evgeny Buzhinsky, Sergio Duarte, Pal Dunay, Konstantin von Eggert, Mustafa Fetouri, Galiya Ibragimova, Dayan Jayatilleka, Halil Karaveli, Andrey Kortunov, Sehlare Makgetlaneng, Abdulaziz Sager, Evgeny Satanovsky, Farhod Tolipov, and Nandan Unnikrishnan*

A sharp turn in the political situation over the Syrian chemical weapons has buoyed the International Security Index in the autumn of 2013. Nevertheless, the Middle East and Africa remain one of the key sources of international instability that affects global security. The economic situation in the developed world also continues to play a negative role.

Key words: *civil war in Syria, chemical weapons, Russian foreign policy, situation in the Middle East, political processes in Asia and Africa.*

- 127 **Moliere minus Laughter** — *Yuri Fedorov*

The decision on the elimination of Syria's chemical weapons has not been sufficiently thought through in terms of organization and finances; it will require a lot of additional diplomatic effort. Meanwhile, Syria is facing a choice between turning into something like Lebanon, or breaking up altogether. Washington has made so many foreign-policy errors that its role as the main international arbiter is increasingly being eroded. Nevertheless, in the current international situation Russia, which is preoccupied with its plans of Arctic exploration and attempts to maintain its influence on Ukraine, will also lose its foreign-policy clout.

Key words: *civil war in Syria, U.S. foreign policy, Russian foreign policy, the international system, the Arctic, Russian-Ukrainian relations.*

140 **The Era of Redistribution of Capital** — *Dmitry Evstafiev*

Washington's failure in Syria, as well as its differences with its key allies and even with Brazil, are the result of internal political rivalry in the U.S. capital, which has become all the more bitter because of the ongoing financial and economic processes on the global arena. We have the same backdrop for the shifts in U.S.-Iranian relations; the search for a new social-economic model in Europe; profound transformations in the Salafist movement, which have become one of the most significant international trends; and a gradual shift in the balance of power in South and East Asia. In these circumstances, Russia must demonstrate unyielding pragmatism in its relations with the CIS countries, and speed up strategic infrastructure projects in the Far East.

Key words: *civil war in Syria, U.S. foreign policy, U.S.-Iranian relations, Russian foreign policy, world economy, the international system, the EU, the CIS.*

P A G E S O F H I S T O R Y

153 **Nuclear Threat Reduction and Richard Perle's Pulp Fiction** — *Aleksey Obukhov*

The establishment of the nuclear threat reduction centers in Moscow and Washington in the late 1980s following the signing of the Intermediate Nuclear Forces treaty became an important step towards strengthening strategic stability, which retains its significance to this day. But the decision was preceded by major internal differences and conflicts in the United States and the Soviet Union. Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary Aleksey Obukhov, who was one of the key participants in the negotiations, looks at the role played in the eventual U.S.-Soviet compromise by the U.S. diplomat and politician Richard Perle.

Key words: *nuclear disarmament, Soviet-U.S. relations, U.S. foreign policy, INF treaty.*

L I B R A R Y

165 **Translated from Diplomatic** — *Vladimir Orlov*

«I kept imagining a stuffy diplomat struggling to stay awake at Conference on Disarmament in Geneva or some such event, pretending to listen attentively to yet another boring report, but furtively reading this book. The diplomat turns the page, and just can't help laughing out loud amid that eye-crossingly dull speech, his laughter echoing off the stone walls of the chamber.» Vladimir Orlov, Editor-in-Chief of the *Security Index* reviews: *Marek Arnaud. The Weak Send Rocks, the Strong Send Rockets. A Thousand Diplomatic and Un-diplomatic Jokes. Illustrated by Lionel Portier. Foreword by Hon. Gough Whitlam.* — *Eloquent Books. N.Y., 2009.*

Key words: *disarmament, Middle East, diplomacy.*

L E T T E R S T O T H E E D I T O R

169 **A Key Player in Global Politics Should not Run to Extremes** — *Dmitry Moskin*

171 **Discussion without Ideological Blinkers** — *Irina Mironova*

173 S U M M A R Y

177 A B O U T T H E A U T H O R S

183 P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D &
A D V I S O R Y B O A R D ' S W O R K I N G G R O U P S

188 S U S T A I N A B L E P A R T N E R S H I P W I T H R U S S I A G R O U P

189 I N T E R N A T I O N A L E X P E R T G R O U P

190 S E C U R I T Y I N D E X C O N T E N T S I N 2 0 1 3

196 S E C U R I T Y I N D E X R E V I E W E R S I N 2 0 1 3

F I N A L Q U O T E S

Cov.III **On Fools' Experiments**

Баклицкий Андрей Александрович — научный сотрудник, директор информационных проектов ПИР-Центра, аспирант Института Востоковедения РАН. Выпускник факультета международных отношений Уральского федерального университета. Специалист в области регионоведения. Переводчик-синхронист. В 2008–2009 гг. проходил обучение в Университете Севильи (Испания). Участник всероссийских и международных конференций по вопросам международной безопасности и ядерного нераспространения. Стажер ПИР-Центра с мая по июль 2011 г. Выпускник Летней школы по проблемам глобальной безопасности (2011). Редактор *Белой книги* ПИР-Центра *Десять шагов к зоне, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке*. Адрес электронной почты: baklitsky@pircenter.org

Бужинский Евгений Петрович — старший вице-президент ПИР-Центра, генерал-лейтенант запаса, к. воен. н. В Вооруженных силах с 1968 г. Окончил Военный институт, Военную академию имени М. В. Фрунзе. В 1976–1992 гг. проходил службу на различных должностях офицера Генерального штаба, в 1992–2009 гг. — в Международно-договорном управлении Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации. В 2002–2009 гг. — начальник Международно-договорного управления, заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ. Член Международной экспертной группы, член Совета по устойчивому партнерству с Россией. Адрес электронной почты: buzhinsky@pircenter.org

Волчинская Елена Константиновна — к.э.н., программный директор Национального форума информационной безопасности *Инфофорум*. В 1995–2012 гг. работала в аппарате Комитета Государственной Думы по безопасности. Принимала участие в разработке законов *Об электронной цифровой подписи*, *Об электронной торговле*, *Об информации, информационных технологиях и о защите информации* и других. Член Рабочей группы при ЭКС ПИР-Центра по международной информационной безопасности и глобальному управлению Интернетом с 2012 г. Адрес электронной почты: vek@duma.gov.ru

Грицай Георгий Анатольевич — заместитель директора департамента регулирования радиочастот и сетей связи в Министерстве массовых коммуникаций и связи РФ. В 2002–2004 гг. замещал должности государственной службы в подразделениях защиты государственной тайны Минфина России. С 2004 г. в качестве консультанта и руководителя проектов сотрудничал с ФГУП *НПП Гамма*, ведущей организацией по информационной безопасности Министерства промышленности и торговли РФ. С 2005 г. — руководитель подразделений защиты информации ЗАО *Союзинформ*. С 2008 г. — руководитель подразделений, технический руководитель по направлениям технической и криптографической защиты информации,

информационной безопасности группы компаний *Армада*. С 2010 г. был директором по информационной безопасности группы.

Демидов Олег Викторович — научный сотрудник ПИР-Центра, директор программы ПИР-Центра *Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом*. В 2010 г. окончил факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. С 2011 г. занимает должность координатора проектов Центра политических и международных исследований (ЦПМИ). Аспирант кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ. Участник международных конференций по вопросам кибербезопасности, управления интернетом, урегулирования региональных конфликтов. С 2011 г. участник проекта Франкфуртского института исследования проблем мира и конфликтов *Посттрансатлантическая эпоха: Новый концерт великих держав в XXI в.* Выпускник Международной летней школы по проблемам международной безопасности ПИР-Центра (2012). Адрес электронной почты: demidov@pircenter.org

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич — к.полит.н., профессор кафедры интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ. Окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ в 1989 г., работал сначала младшим научным сотрудником, а затем научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. защитил диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 г. работал сначала старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее — старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. В 2001–2006 гг. работал в ЗАО *Компания развития общественных связей* (КРОС), а также директором Департамента по информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*. Позже работал заместителем генерального директора Национальной лаборатории внешней политики. До 2012 г. — директор департамента стратегии коммуникаций *ТНК-ВР*. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: estd1212@yandex.ru

Зинина Ульяна Викторовна — советник по развитию законодательства и регулирования в компании *Microsoft Russia*, д.ю.н. Диссертацию защитила в Институте государства и права РАН, где занималась сравнительным анализом законодательств по борьбе с киберпреступностью. До 2012 г. — старший юрисконсульт в компании *Яндекс* и в координационном центре *TLD.ru*. Участвовала в подготовке законов Об информации, информационных технологиях и защите информации и О персональных данных. Член Рабочей группы при ЭКС ПИР-Центра по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом с 2012 г. Адрес электронной почты: ulianz@microsoft.com

Ибрагимова Галия Ринатовна — консультант ПИР-Центра. к.полит.н. (тема диссертации *Глобальное информационное пространство в условиях формирования нового мирового порядка*), защита прошла в Университете мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Узбекистан). Выпускница магистратуры отделения международной журналистики факультета международных отношений УМЭД. В 2008–2009 гг. прошла интенсивный курс по программе *MBA* в Узбекско-японском центре развития человеческих ресурсов с присвоением международной степени *Project Management Professional (PMP)*. Участница ряда конференций по проблемам региональной безопасности в Центральной Азии. Выпускница Международной летней школы по проблемам международной безопасности (2008). Адрес электронной почты: ibragimova@pircenter.org

Калинина Наталья Ивановна — главный научный сотрудник, руководитель группы по нетрадиционным угрозам ИМЭМО РАН, доктор медицинских наук, профессор. В 1994–2007 гг. работала на ответственных должностях в высших органах государственной власти, в том числе помощником председателя Правительства РФ в 2003–2004 гг. и заместителем начальника инспекции Счетной палаты РФ

в 2005–2007 гг. Среди публикаций: *Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами: проблемы и перспективы* (Ежегодник СИПРИ. М. ИМЭМО РАН, 2009.), *Биооружие и биобезопасность: анализ под микроскопом* (*Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 6), *Итоги и перспективы реализации программы Глобального партнерства* (М.: ИМЭМО РАН, 2009) и др. Член Совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: kalinina@imemo.ru

Касенова Мадина Балташевна — к.ю.н., профессор кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД РФ. Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1989–1993 гг. — сотрудник Торгово-промышленной палаты СССР/России, в 1990–1992 гг. — член Рабочей группы по правовым вопросам Совета делового сотрудничества СССР–Канада, главный эксперт при руководстве Международной ассоциации штрихового кодирования ЮНИСКАН. Член российских официальных делегаций на международных конференциях и переговорах по вопросам инвестиционного сотрудничества. В 1992–1995 гг. — адвокат фирмы *Бейкер и Макензи*, в 2001–2003 гг. — заведующая юридической консультацией коллегии адвокатов *Инюрколлегия*. Член Рабочей группы при ЭКС Пир-Центра по международной информационной безопасности и глобальному управлению Интернетом с 2012 г. Адрес электронной почты: mkassenova@gmail.com

Киф Дэнис — министр-советник, заместитель посла Ее Величества посольства Великобритании в России. Окончил университеты Кембридж и Оксфорд. В 1984–1988 гг. работал в сфере прав человека в посольстве Великобритании в Чехословакии, затем в Лондоне занимался европейской социальной политикой и единым рынком. В 1990 г. работал в группе по объединению Германии. В 1991–1992 гг. занимался внешней политикой ЕС. Позже стал членом Британской верховной комиссии по Кении, помогал в проведении первых многопартийных выборов в Кении. В 1996 г. стал заместителем руководителя отдела Южной Азии МИД Великобритании. В 1998 г. работал в посольстве Великобритании в Чехии, занимался подготовкой вступления Чехии в НАТО и ЕС. В 2002 г. — в канцелярии премьер-министра Великобритании, занимался выработкой Национальной стратегии по борьбе с терроризмом. В 2003 г. возглавил отдел Китая в МИД Великобритании, затем Дальневосточную группу (Китай, Япония, Корея, Монголия). В июле 2007 г. был назначен послом в Грузию.

Колесников Андрей Вячеславович — директор Координационного центра национальных доменов сети Интернет .RU, .RF (КЦ НДСИ). В сфере телекоммуникаций с 1988 г. Занимался общественными инициативами по установлению телекоммуникационных мостов между СССР и США. В 1993 г. был одним из представителей провайдеров, которые подписали соглашение о делегировании национального домена .RU. В 1994 г. принимал участие в разработке первой лицензии на телематические услуги. В 1995 г. руководил запуском первой в России массовой интернет-услуги *Россия-Он-Лайн*. В 2000 г. в рамках ECOSOC в ООН представлял Россию при разработке *Окинавской хартии глобального информационного общества*. В 2005–2009 гг. являлся членом Совета КЦ НДСИ, а также занимал должность заместителя медиадиректора *Вымпелкома*, телекоммуникационного гиганта России. Директор КЦ НДСИ с марта 2009 г. Адрес электронной почты: andrei@cctld.ru

Корендясов Евгений Николаевич — к.э.н., заведующий Центром изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки РАН. Окончил МГИМО в 1960 г. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Работал на различных должностях в центральном аппарате МИД СССР и РФ и в дипломатических представительствах за рубежом. В 1996–2000 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Республике Мали и в Республике Нигер по совместительству. Адрес электронной почты: ekorendyasov@yandex.ru

Косачев Константин Иосифович — к.ю.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международным

гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). В 1984 г. окончил МГИМО по специальности международные отношения, в 1991 г. — факультет повышения квалификации Дипломатической академии МИД СССР. В 1984–1998 гг. прошел путь от дежурного референта посольства до заместителя директора департамента МИД России. Принимал участие в ряде международных конференций по вопросам европейской безопасности и разоружения. Входил в группу советников МИД РФ. В 1998–1999 гг. был сначала помощником, затем заместителем руководителя секретариата председателя Правительства РФ, отвечая за блок международных вопросов. В 1999–2012 гг. — депутат Государственной Думы ФС РФ. В 2004–2011 гг. — председатель комитета Государственной Думы ФС РФ по международным делам и руководитель российской делегации в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ). 5 марта 2012 г. назначен руководителем *Россотрудничества*, а также специальным представителем Президента Российской Федерации по связям с государствами — участниками СНГ.

Леклерк Арно — глава подразделения новых рынков, член исполнительного комитета частного швейцарского банка *Lombard Odier*. Автор книги *La Russie, puissance d'Eurasie. Histoire géopolitique des origines à Poutine (Россия как евразийская держава. Геополитическая история от основания до Путина)*. Окончил юридический факультет университета *Paris Assas* по специальности «Корпоративное право и налогообложение». Получил степень *MBA* в бизнес-школе *HEC* в Париже. В 1989–1994 гг. — юридический советник по налогообложению и недвижимости в Париже и Москве. В 1996–2000 гг. — менеджер по договорам (Польша), директор дочерней компании (Туркмения), директор по развитию (Россия) строительного холдинга *Bouygues International*. В 2000–2006 гг. — управляющий директор, глава подразделения Центральной Европы, России и Центральной Азии, член совета директоров *Credit Suisse Monaco*, член совета директоров *Credit Suisse Advisory Partners*. В банке *Lombard Odier* с 2006 г. Адрес электронной почты: a.leclercq@lombardodier.com

Марковски Вени — вице-президент по взаимодействию с заинтересованными сторонами в РФ, СНГ и Восточной Европе корпорации *ICANN*. В 1993 г. получил степень магистра юридических наук Софийского университета им. св. Климента Охридского. Основатель болгарского провайдера *BOL.BG*. В 1995 г. основал некоммерческую организацию *Интернет-сообщество Болгарии*. В 2003 г. баллотировался в мэры Софии. В 2006–2009 гг. — советник главы совета по международным проблемам ИТК Болгарского государственного агентства по информационным технологиям и связи в качестве. Эксперт парламента Болгарии в сфере электронного документооборота, компьютерных преступлений, авторского права.

Мосяков Дмитрий Валентинович — д.и.н., профессор, директор Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой регионоведения факультета международных отношений, культуры и туризма Московского гуманитарного университета. В 1979 г. окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию по проблематике режима Пол Пота в Камбодже в Институте востоковедения АН СССР. В 1991 г. стажировался в Йельском университете (США). В 1994 г. защитил докторскую диссертацию по новейшей истории Камбоджи. Сфера научных интересов: история Азиатско-Тихоокеанского региона, Юго-Восточной Азии, Камбоджи. Адрес электронной почты: dm.mosyakov@mailfrom.ru

Обухов Алексей Александрович — к.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол. В 1961 г. окончил Московский государственный институт международных отношений, в 1965 г. — аспирантуру МГИМО. С 1966 г. на дипломатической работе. Занимал должности заведующего сектором и заместителя начальника отдела США МИД СССР. В 1969–1991 гг. принимал участие в российско-американских переговорах по стратегическим наступательным вооружениям. В 1987 г. был заместителем руководителя делегации СССР на советско-американских переговорах по ядерным космическим вооружениям. В 1989–1990 гг. — начальник Управления США и Канады МИД. В 1990–1992 гг. — заместитель министра иностранных дел.

В 1992–1996 гг. — посол РФ в Королевстве Дания. В 1997–2003 гг. — глава официальной государственной Делегации России на российско-литовских переговорах о российско-литовской государственной границе, подготовил к подписанию межгосударственный Договор о российско-литовской границе. В 1999–2002 гг. — Полномочный Представитель РФ в ранге посла в Совете государств Балтийского моря (СГБМ), и Председатель Комитета старших должностных лиц в Совете Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР). Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени. Также является искусствоведом, академиком Российской академии художеств.

Орлов Владимир Андреевич — президент ПИР-Центра, главный редактор журнала *Индекс Безопасности*. Является основателем (1994 г.) и бессменным президентом ПИР-Центра. С 2006 г. возглавляет Европейское отделение ПИР-Центра в Женеве — Centre russe d'études politiques. Является членом Совета ПИР-Центра. Член Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН. Член Научного совета при Национальном комитете по исследованию БРИКС. Член Монтерейской группы по разработке стратегии в области нераспространения. Член редакционной коллегии журнала *Washington Quarterly*. Основатель (1993 г.), член Международного клуба *Триалог*. Ассоциированный научный сотрудник Женевского центра политики безопасности (GCSP). Член делегации Российской Федерации на Обзорной конференции ДНЯО. Член Международной академии по ядерной энергии (INEA). Кандидат политических наук. Под его общей редакцией был издан учебник *Ядерное нераспространение* (второе издание — 2003 г.). Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org. Страница в Твиттере: [orlov_pircenter](https://twitter.com/orlov_pircenter)

Сачков Илья Константинович — основатель и генеральный директор компании *Group-IB*. Окончил факультет информатики и систем управления, кафедра информационной безопасности МГТУ им. Н. Э. Баумана. Свою компанию основал в 2003 г. Член экспертных комитетов Государственной думы РФ, Совета Европы и ОБСЕ в области киберпреступности. Член Рабочей группы при ЭКС ПИР-Центра по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом с 2012 г. Адрес электронной почты: info@group-ib.ru

Сергун Игорь Дмитриевич — начальник Главного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации — заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, генерал-лейтенант, к. воен. н. В Вооруженных силах — с 1973 г. Окончил Московское суворовское военное училище, Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР, Военную академию Советской Армии, Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. В военной разведке с 1984 г. Проходил военную службу на различных должностях в Главном разведывательном управлении. В декабре 2011 г. назначен начальником Главного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации — заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

Федоров Юрий Евгеньевич — профессор Пражского муниципального университета. Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Окончил физический факультет МГУ. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. С сентября 1998 г. — заведующий сектором, а с декабря 2000 г. — заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. — заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. — заместитель директора Института прикладных международных исследований. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: fedorov.yury@yahoo.com

Хилл Ричард — партнер *Хилл энд Ассошиэйтс*. Доктор наук Гарвардского университета, бакалавр математических наук Массачусетского технологического института. В 2004–2012 гг. — советник экспертной группы № 2 Сектора стандартизации элек-

тросвязи Международного союза электросвязи. В 1991–1993 гг. работал в сфере европейской стандартизации электронного обмена данных. До 2001 г. — руководитель Департамента по доставке и поддержке информационно-технологической инфраструктуры в компании *Orange Communications*, ранее руководил отделом информационных технологий в Университете Женевы. Адрес электронной почты: info@hill-assoc.com

Эванс Дэйв — главный футуролог компании *Cisco*, старший директор и главный технолог в дивизионе *Cisco Internet Business Solutions Group (IBSG) Innovations Practice*. В *Cisco* начал работать с 1990 г. в качестве разработчика компьютерных и коммуникационных технологий. Автор ряда футурологических публикаций, среди которых работа *Топ-25 технологических предсказаний*, ставшая в США бестселлером. Страница в Твиттере: <https://twitter.com/DaveTheFuturist>

Якушев Михаил Владимирович — председатель Совета ПИР-Центра, директор службы информационной безопасности *PayPal*. Ранее — вице-президент *Mail.ru Group*, председатель Совета Координационного центра национального домена сети Интернет, управляющий директор *DST Advisors*. Соавтор большинства законопроектов в области использования информационных технологий. Работал в российском представительстве *Microsoft*, отвечал за взаимодействие с органами власти в России и странах СНГ. Представлял Россию в рабочей группе по юридическим вопросам *Большой восьмерки*. В 2004 г. — член рабочей группы по управлению Интернетом при Генеральном секретаре ООН. Председатель рабочей группы при ЭКС ПИР-Центра по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом с 2012 г. Адрес электронной почты: m.yakushev@mail.ru

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 10 октября 2013 г.)

Айнхорн Роберт, старший научный сотрудник, Брукингский институт, Вашингтон, США (с 2007 г.)

Академия ОБСЕ, Бишкек, Киргизия (с 2010 г.)

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий отделом, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия (с 2004 г.)

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.п.н., заместитель министра, Министерство обороны Российской Федерации, Москва, Россия (с 2000 г.)

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., академик РАН, руководитель, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2004 г.)

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики России, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира, Осло, Норвегия (с 2007 г.)

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., академик РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е. И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия (с 1999 г.)

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия (с 2002 г.)

Воронков Владимир Иванович, к.и.н., Постоянный представитель, Представительство России при международных организациях в Вене, Вена, Австрия (с 2009 г.)

Воронцов Александр Валентинович, заведующий отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия (с 2013 г.)

Готтемюллер Роуз, заместитель госсекретаря США по вопросам проверки и соблюдения соглашений по контролю над вооружениями, Вашингтон, США (с 1994 г.)

Данилов Дмитрий Александрович, к.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом европейской безопасности, Институт Европы РАН, Москва, Россия (с 2011 г.)

Дворкин Владимир Зиновьевич, д.т.н., генерал-майор (в отставке), главный научный сотрудник, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2003 г.)

Джонсон Ребекка, д-р, директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания (с 1994 г.)

Дханапала Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, председатель Совета Университета ООН, Коломбо, Шри-Ланка (с 2004 г.)

Елеукенов Дастан Шериазданович, д.ф.-м.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, посольство Республики Казахстан в Королевстве Швеция, Стокгольм, Швеция (с 1994 г.)

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант командующего ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария (с 2005 г.)

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия (с 2005 г.)

Кибароглу Мустафа, декан, факультет международных отношений, Университет Окан, Стамбул, Турция (с 2013 г.)

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 1994 г.)

Кожокин Евгений Михайлович, д.и.н., ректор, Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия (с 2010 г.)

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия (с 2003 г.)

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия (с 2003 г.)

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия (с 2002 г.)

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент внешнеэкономических и международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия (с 2000 г.)

Лукьянов Федор Александрович, председатель Президиума, Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), Москва, Россия (с 2010 г.)

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, директор, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия (с 2004 г.)

Льюис Патриция, д-р, директор по исследованиям, *Chatham House*, Лондон, Великобритания (с 1994 г.)

Маргелов Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)

Международная жизнь, журнал, Москва, Россия (с 2010 г.)

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия (с 1994 г.)

Мурогов Виктор Михайлович, профессор, Государственный технический университет атомной энергетики, Обнинск, Россия (с 2009 г.)

Мурсанков Сергей Геннадьевич, Москва, Россия (с 2010 г.)

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия (с 1997 г.)

Мясников Евгений Владимирович, к.ф.-м.н., директор, Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия (с 2011 г.)

Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва, Россия (с 1994 г.)

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия (с 1994 г.)

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., ведущий научный сотрудник, заместитель начальника отдела, Центр оборонных исследований, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия (с 1994 г.)

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, ИНИОН РАН, директор, Центр по изучению проблем европейской безопасности ИНИОН РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Радчук Александр Васильевич, к.т.н., советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия (с 2009 г.)

Рауф Тарик, руководитель, Global Nuclear Solutions, Inc., Вена, Австрия (с 2013 г.)

Решетников Леонид Петрович, к.и.н., генерал-лейтенант, директор, Российский институт стратегических исследований (РИСИ), Москва, Россия (с 2010 г.)

РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия (с 2002 г.)

Рогачев Илья Игоревич, директор, Департамент по вопросам новых вызовов и угроз, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия (с 2011 г.)

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия (с 2000 г.)

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия (с 2004 г.)

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., помощник заместителя председателя Правительства РФ, Москва, Россия (с 2000 г.)

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США (с 2004 г.)

Сумский Виктор Владимирович, д.и.н., директор, Центр АСЕАН при МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)

Тимербаев Роланд Михайлович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н., профессор, Москва, Россия (с 2010 г.)

Толорая Георгий Давидович, исполнительный директор, Российский национальный исследовательский комитет БРИКС, Москва, Россия (с 2013 г.)

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия (с 2002 г.)

Трубников Вячеслав Иванович, генерал армии, член дирекции, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2010 г.)

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., судья Международного уголовного трибунала по Руанде, советник, Управление международного права, Конституционный суд РФ, Москва, Россия (с 2001 г.)

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., главный специалист, Офис ядерной безопасности, Департамент ядерной безопасности и физической защиты, Международное агентство по атомной энергии, Вена, Австрия (с 2009 г.)

Федоров Александр Валентинович, к. ф.-м. н., эксперт, Служба внешней разведки, Москва, Россия (с 2001 г.)

Федоров Валерий Валериевич, к.п.н. генеральный директор, Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия (с 2011 г.)

Феоктистов Дмитрий Валериевич, заместитель директора, Департамент по вопросам новых вызовов и угроз, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия (с 2011 г.)

Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина (с 2010 г.)

Хлопков Антон Викторович, директор, Центр энергетики и безопасности, Москва, Россия (с 2009 г.)

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР (с 2007 г.)

Эггерт Константин фон, журналист, Москва, Россия (с 2002 г.)

РАБОЧАЯ ГРУППА ПО ВОПРОСАМ МЕЖДУНАРОДНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОМУ И ФИЗИЧЕСКОЙ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ
ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНОМ СОВЕТЕ ПИР-ЦЕНТРА

(По состоянию на 10 октября 2013 г.)

Абен Даурен, старший научный сотрудник, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Алма-Ата, Казахстан (с 2012 г.)

Берлс Роберт, старший советник, Программа по безопасности ядерных материалов, Фонд NTI, Вашингтон, США (с 2012 г.)

Бужинский Евгений Петрович, старший вице-президент, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2012 г.)

Ковчегин Дмитрий Алексеевич, независимый исследователь, Москва, Россия (с 2012 г.)

Кучинов Владимир Петрович, советник генерального директора, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Убеев Алексей Вадимович, главный специалист, Офис ядерной безопасности, Департамент ядерной безопасности и физической защиты, Международное агентство по атомной энергии, Вена, Австрия (с 2012 г.)

Чебан Александр Яковлевич, приглашенный научный сотрудник, ПИР-Центр, Москва, Россия (ответственный секретарь Рабочей группы) (с 2012 г.)

РАБОЧАЯ ГРУППА ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГЛОБАЛЬНОМУ
УПРАВЛЕНИЮ ИНТЕРНЕТОМ ПРИ ЭКСПЕРТНО-
КОНСУЛЬТАТИВНОМ СОВЕТЕ ПИР-ЦЕНТРА

(По состоянию на 10 октября 2013 г.)

Волчинская Елена Константиновна, программный директор, Некоммерческое партнерство — Национальный форум информационной безопасности *Инфофорум*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Демидов Олег Викторович, ответственный секретарь группы, директор программы ПИР-Центра, научный сотрудник ПИР-Центра, Москва, Россия (с 2012 г.)

Зинина Ульяна Викторовна, советник по развитию законодательства и регулирования *Microsoft Russia*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Зиновьева Елена Сергеевна, старший преподаватель, кафедра мировых политических процессов, МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)

Каберник Виталий Владимирович, начальник отдела, Управление инновационного развития, МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)

Касенова Мадина Балташевна, профессор, Кафедра международного частного права, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия (с 2013 г.)

Левава Ирина Юрьевна, руководитель отдела стратегических разработок, Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК), Москва, Россия (с 2012 г.)

Лукацкий Алексей Викторович, бизнес-консультант по информационной безопасности, Cisco, Москва, Россия (с 2012 г.)

Пискунова Наталья Александровна, руководитель проекта, Международный форум по ядерному страхованию, Москва, Россия (с 2013 г.)

Романов Андрей Георгиевич, заместитель директора, Координационный центр национального домена сети Интернет, Москва, Россия (с 2013 г.)

Сачков Илья Константинович, CEO, *Group-IB*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Тодоров Леонид Львович, заместитель Директора по работе с государственными органами, Координационный центр национального домена сети интернет, Москва, Россия (с 2012 г.)

Федоров Александр Валентинович, к. ф.-м.н., эксперт, Служба внешней разведки, Москва, Россия (с 2012 г.)

Черненко Елена Владимировна, обозреватель отдела внешней политики, Издательский дом *Коммерсантъ* Москва, Россия (с 2012 г.)

Якушев Михаил Владимирович, председатель группы, директор, служба информационной безопасности, PayPal, Москва, Россия (с 2012 г.)

СУПР (СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ)
(по состоянию на 10 октября 2013 г.)

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н., заместитель министра, Министерство обороны РФ, Москва, Россия (с 2009 г.)

Бужинский Евгений Петрович, к.в.н., генерал-лейтенант, старший вице-президент, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2009 г.)

Зевелев Игорь Александрович, д.п.н., директор Московского филиала, Фонд Макартуров, Москва, Россия (с 2009 г.)

Мясников Евгений Владимирович, к.ф.-м.н., директор, Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия (с 2013 г.)

Орлов Владимир Андреевич, к.п.н., президент, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2009 г.)

Пайфер Стивен, посол, старший научный сотрудник, Институт Брукингса, Вашингтон, США (с 2009 г.)

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США (с 2009 г.)

Скуазони Шэрон, директор, старший научный сотрудник, Программа по предотвращению распространения, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США (с 2009 г.)

Спасский Николай Николаевич, д.п.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, заместитель генерального директора, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия (с 2009 г.)

Холловэй Дэвид, д-р, проф., член Совета директоров, Фонд Плаушерс, Сан-Франциско, США (с 2009 г.)

Хоффман Дэвид, журналист, Вашингтон, США (с 2009 г.)

Черненко Елена Владимировна, обозреватель, отдел внешней политики, издательский дом *Коммерсантъ*, Москва, Россия (с 2013 г.)

Эллеман Майкл, старший научный сотрудник, Международный институт стратегических исследований, Манама, Бахрейн (с 2009 г.)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

(по состоянию на 10 октября 2013 г.)

Аргуэльо Ирма, основатель и руководитель, Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина (с 2010 г.)

Бужинский Евгений Петрович, к.в.н., генерал-лейтенант, старший вице-президент, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2010 г.)

Джаятиллека Дайан, Посол, профессор, Университет Коломбо, Коломбо, Шри-Ланка (с 2008 г.)

Дуарте Сержио, Посол, высокий представитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения (2007–2012), Белу-Оризонте, Бразилия (с 2006 г.)

Дунай Пал, руководитель программы по международной безопасности, Женевский центр политики безопасности, Будапешт, Венгрия (с 2010 г.)

Каравели Халил, руководитель проекта по Турции, Институт по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса, Анкара, Турция (с 2010 г.)

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия (с 2006 г.)

Макгетланенг Сехларе, д-р, директор, Программа государственного управления и демократии, Южноафриканский институт африканских исследований, Претория, ЮАР (с 2012 г.)

Сагер Абдулазиз, основатель и председатель, Исследовательский центр Залива, президент, Sager Group Holding, Джидда, Саудовская Аравия (с 2006 г.)

Санай Мехди, доктор политологии, руководитель, Центр по изучению России, Центральной Азии и Кавказа, Тегеран, Иран (с 2011 г.)

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия (с 2006 г.)

Толипов Фарход Фазилович, к.п.н., директор негосударственного научно-образовательного учреждения *Билим карвони (Караван знаний)*, Ташкент, Узбекистан (с 2010 г.)

Тян Чун-Шэн, профессор, заместитель директора, Китайская ассоциация экономических исследований России и Центральной и Восточной Европы, Пекин, КНР (с 2011 г.)

Унникришнан Нандан, вице-президент, старший научный сотрудник Центра по международным вопросам, Фонд *Observer*, Дели, Индия (с 2010 г.)

Фетоури Мустафа, независимый исследователь, Триполи, Ливия (с 2013 г.)

Эггерт Константин фон, журналист, Москва, Россия (с 2006 г.)

О Т Р Е Д А К Т О Р А

Павел Лузин. Политические элиты в эпоху дефицита. № 2 (105), Лето 2013. С. 7–9.

Владимир Орлов. Кинжал. № 3 (106), Осень 2013. С. 7–9.

Владимир Орлов. Иран. Женева. Сделка. Передышка. № 4 (107), Зима 2013. С. 7–9.

Михаил Якушев. Наш кибероптимизм. № 1 (104), Весна 2013. С. 7–9.

В Д Е С Я Т К У

О прогрессе. № 1 (104), Весна 2013. С. 10.

О мирных инициативах. № 2 (105), Лето 2013. С. 10.

О надежде. № 3 (106), Осень 2013. С. 10.

О силе подчинения. № 4 (107), Зима 2013. С. 10.

И Н Т Е Р В Ь Ю

Анатолий Антонов. Россия вынуждена заняться созданием стратегического оружия в неядерном оснащении. № 2 (105), Лето 2013. С. 11–18.

Андрей Колесников. Информационные технологии в РФ: сложности и перспективы. № 1 (104), Весна 2013. С. 17–22.

Константин Косачев. Мягкая сила и жесткая сила — не сумма, но произведение. № 4 (107), Зима 2013. С. 11–18.

Михаил Маргелов. В условиях Арабской весны исламский мир стал полем битвы между двумя претензиями на лидерство — иранской и турецкой. № 3 (106), Осень 2013. С. 11–16.

Вячеслав Никонов. Россия сохраняется как мировой центр силы, но не ставит глобальных целей. № 2 (105), Лето 2013. С. 19–24.

Крис Палларис. Новые технологии в разведке. № 1 (104), Весна 2013. С. 23–28.

Алексей Пушков. Россия способна быть балансирующей силой в международных делах. № 3 (106), Осень 2013. С. 17–24.

Джейми Сондерс. Как избежать эскалации конфликтов в киберпространстве? № 1 (104), Весна 2013. С. 11–16.

Корнел Феруцэ. ДНЯО предоставляет платформу для решения каждого сложного вопроса в духе диалога. № 3 (106), Осень 2013. С. 25–30.

Дэйв Эванс. Следует ожидать слияния человека и машины, пока мы не получим единый биокомпьютерный организм. № 4 (107), Зима 2013. С. 19–23.

А Н А Л И З

Андрей Баклицкий. Атомная энергетика на Ближнем Востоке: интересы и место России. № 2 (105), Лето 2013. С. 25–38.

Олег Демидов. Обеспечение международной информационной безопасности и российские национальные интересы. № 1 (104), Весна 2013. С. 129–168.

Олег Демидов. Социальные сетевые сервисы в контексте международной и национальной безопасности. № 1 (104), Весна 2013. С. 65–86.

Галия Ибрагимова. Подходы государств Центральной Азии к вопросам управления интернетом и обеспечения информационной безопасности. № 1 (104), Весна 2013. С. 103–128.

Галия Ибрагимова. Стратегия КНР в киберпространстве: вопросы управления интернетом и обеспечения информационной безопасности. № 1 (104), Весна 2013. С. 169–184.

Наталья Калинина. Милитаризация Ближнего Востока: динамика и риски. № 3 (106), Осень 2013. С. 43–62.

Наталья Калинина. Ближний Восток: здравствуй, российское оружие! № 4 (107), Зима 2013. С. 25–40.

Эльдар Касаев. Роль Катара на газовом рынке: перспективы взаимодействия с Россией. № 2 (105), Лето 2013. С. 39–56.

Мадина Касенова. Глобальное управление интернетом в контексте современного международного права. № 1 (104), Весна 2013. С. 43–64.

Евгений Корендясов. Битва за уран в Сахаре и Сахеле. № 4 (107), Зима 2013. С. 61–70.

Дмитрий Мосяков. На грани фолла: политика Китая в Южно-Китайском море. № 4 (107), Зима 2013. С. 71–86.

Юрий Федоров. Казахстан: в предчувствии нестабильности. № 3 (106), Осень 2013. С. 63–78.

Юрий Федоров. Государственная программа вооружений–2020: власть и промышленность. № 4 (107), Зима 2013. С. 41–59.

Олег Шакиров. Контроль над обычными вооружениями: куда идем? № 3 (106), Осень 2013. С. 31–42.

Владимир Шубин. Зачем Южной Африке БРИКС и зачем БРИКСу Южная Африка. № 2 (105), Лето 2013. С. 57–70.

Михаил Якушев. Интернет–2012 и международная политика. № 1 (104), Весна 2013. С. 29–42.

Михаил Якушев. Международно-политические проблемы идентификации в интернете. № 1 (104), Весна 2013. С. 87–102.

Д О С Ь Е

Перспективы международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности. № 3 (106), Осень 2013. С. 79–88.

БРИКС и передовые технологии: перспективы сотрудничества и интересы России. № 4 (107), Зима 2013. С. ~~87–91~~_х

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

Бен Бейсли-Уокер, Констанс Боммелаер, Виктор Васильев, Рольф Вебер, Маркус Куммер, Владимир Орлов, Ярослав Пондер, Уолтер Рид, Михаил Якушев. Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом: взгляд из Женевы глазами российских и международных экспертов. № 1 (104), Весна 2013. С. 185–206.

Григорий Берденников, Сергей Воробьев, Наталья Зайцева, Дмитрий Ковчегин, Владимир Кучинов, Михаил Лысенко, Виктор Муругов, Владимир Орлов, Пак Чжи Ын. Опыт и перспективы международного сотрудничества в сфере ядерной безопасности: между Сеулом и Гаагой. № 2 (105), Лето 2013. С. 71–84.

Сами Абул-Энейн, Ваэль аль-Ассад, Роуз Готтемюллер, Иеремия Иссахарофф, Томас Кантримен, Яакко Лааява, Владимир Орлов, Бенжамин. Зона, свободная от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке: препятствия на пути создания и возможности для успеха. № 3 (106), Осень 2013. С. 89–104.

Елена Волчинская, Георгий Грицай, Люк Дембоски, Олег Демидов, Ульяна Зинина, Мадина Касенова, Дэнис Киф, Андрей Колесников, Вени Марковски, Илья Сачков, Ричард Хилл, Михаил Якушев. Управление интернетом и борьба с киберпреступностью: глобальные угрозы и российские интересы. № 4 (107), Зима 2013. С. ~~93–110~~_х

П О Л Е М И К А

Евгений Сатановский, Александр Шумилин. *Голубые каски*: причины бессилия. № 3 (106), Осень 2013. С. 105–118.

К О М М Е Н Т А Р И И

Олег Демидов. Киберкомандование США: уроки для России. № 3 (106), Осень 2013. С. 119–125.

Олег Демидов. Цифровой джинн на службе Тегерана. № 4 (107), Зима 2013. С. ~~129–132~~_х

Олег Демидов, Максим Симоненко. Пожар в киберпространстве. № 1 (104), Весна 2013. С. 229–232.

Елена Зиновьева. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности. № 1 (104), Весна 2013. С. 213–228.

Александр Колбин. Создание ЗСЯО в Юго-Восточной Азии: почему ядерной пятеркой до сих пор не подписан Протокол к Бангкокскому договору? № 2 (105), Лето 2013. С. 85–90.

Арно Леклерк. В Азию, в Азию! Geopolitique russe глазами швейцарского банкира. № 4 (107), Зима 2013. С. ~~133–138~~_х

Игорь Сергун. Оценка современных вызовов и угроз для региона Евroatлантики. № 4 (107), Зима 2013. С. ~~111–114~~_λ

Максим Симоненко. *Stuxnet* и ядерное обогащение режима международной информационной безопасности. № 1 (104), Весна 2013. С. 233–248.

Игорь Томашов. Вопрос ПРО в российско-американских отношениях — как выйти из тупика? № 2 (105), Лето 2013. С. 91–97.

Хамадун Туре. Киберустойчивость: суть мира в киберпространстве. № 1 (104), Весна 2013. С. 207–212.

О Б З О Р Ы М И Р О В Ы Х П Р О Ц Е С С О В

Индекс *iSi* за январь–май 2013 г.: Хаотичная изменчивость. № 2 (105), Лето 2013. С. 98–104.

Индекс *iSi* за июнь–сентябрь 2013 г.: Вакансия *халифа на час*. № 3 (106), Осень 2013. С. 126–132.

Индекс *iSi* за сентябрь–ноябрь 2013 г.: Курс политической химеотерапии. № 4 (107), Зима 2013. С. ~~139–145~~_λ

Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: У надколотого корыта мировой политики. № 2 (105), Лето 2013. С. 117–130.

Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: Иллюзия политики *ad hoc*. № 3 (106), Осень 2013. С. 145–158.

Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: Эпоха перераспределения капитала. № 4 (107), Зима 2013. С. ~~158–170~~_λ

Юрий Федоров. Глазами либерала: Психопатология международных отношений. № 2 (105), Лето 2013. С. 105–116.

Юрий Федоров. Глазами либерала: Торжество бюрократизма в мировой политике. № 3 (106), Осень 2013. С. 133–144.

Юрий Федоров. Глазами либерала: Мольер без смеха. № 4 (107), Зима 2013. С. ~~145–158~~_λ

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

Алексей Обухов. Уменьшение ядерной опасности и беллетристика Ричарда Перла. № 4 (107), Зима 2013. С. ~~171–182~~_λ

Б И Б Л И О Т Е К А

Евгений Бужинский. Тройной агент. № 2 (105), Лето 2013. С. 131–138. (*Джоби Уоррик. Тройной агент. Иностранная литература. 2013, №№ 5–6*).

Олег Демидов. Кибервойна и кибермир Ричарда Кларка. № 1 (104), Весна 2013. С. 249–252. (*Cyberwar. The Next Threat to National Security and What to Do About It. By Richard A. Clarke and Robert K. Knake. Ecco, 2010*).

Павел Лузин. Космическая ностальгия по Маккиндеру. № 2 (105), Лето 2013. С. 143–146. (*Nayef R. F. Al-Rodhan. Meta-Geopolitics of Outer Space. An Analysis of Space Power, Security and Governance. Palgrave Macmillan, 2012*).

Ирина Миронова. Нематематическая задачка про Китай. № 3 (106), Осень 2013. С. 159–162. (*Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е. Китайская мозаика. М.: Восток-Запад, 2011*).

Владимир Орлов. Повести и предсказания у кипящего котла. № 2 (105), Лето 2013. С. 139–142. (Евгений Сатановский. *Россия и Ближний Восток. Котел с неприятностями.* М.: Эксмо, 2012).

Владимир Орлов. В переводе с дипломатического. № 4 (107), Зима 2013. С. ~~183–186~~. (Marek Arnaud. *The Weak Send Rocks, the Strong Send Rockets. A Thousand Diplomatic and Un-diplomatic Jokes. Illustrated by Lionel Portier. Foreword by Hon. Gough Whitlam.* — Eloquent Books. N. Y., 2009).

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

Анненков В. И., Баранов С. Н., Хархалуп С. С. *Ядерный терроризм: современные угрозы международному сообществу/Под общ. ред. проф. В. И. Анненкова: Учебник.* М.: РУСАВИА, 2013. (№ 3 (106), Осень 2013. С. 163–170).

Окунева Л. С., Орлов А. А. (отв. ред.) *Восходящие государства — гиганты БРИКС: роль в мировой политике, стратегии модернизации. Сборник научных трудов.* М.: МГИМО-Университет, 2012. (№ 2 (105), Лето 2013. С. 147–154).

Тренин Д. *Мир безусловный: Евро-Атлантика XXI века как сообщество безопасности.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. (№ 3 (106), Осень 2013. С. 163–170).

Харченко В. А. *Внутригосударственные межэтнические конфликты на постсоветском пространстве: теория и практика политического управления (на материалах Юга России и Киргизстана).* Бишкек: Киргизско-Российский Славянский университет, 2011. (№ 2 (105), Лето 2013. С. 147–154).

Joel Brenner. *America the Vulnerable. Inside the New Threat Matrix of Digital Espionage, Crime, and Warfare.* N. Y.: The Penguin Press, 2011. (№ 1 (104), Весна 2013. С. 253–260).

Victor Cha. *The Impossible State: North Korea, Past and Future.* Harper Collins Publishers, 2012. (№ 2 (105), Лето 2013. С. 147–154).

Eben Harrel, David Hoffman. *Plutonium Mountain: Inside the 17-year Mission to Secure a Dangerous Legacy of Soviet Nuclear Testing.* Belfer Center for Science and International Affairs, August 2013. (№ 3 (106), Осень 2013. С. 163–170).

Wang Jun. *Cyber nationalism and China's Foreign Policy.* Beijing: Press House China's Social Sciences, 2011. (№ 3 (106), Осень 2013. С. 163–170).

Mehran Kamrava, ed. *The Nuclear Question in the Middle East.* N. Y.: Columbia University Press, 2012. (№ 2 (105), Лето 2013. С. 147–154).

Franklin D. Kramer, Stuart H. Starr, Larry Wentz. *Cyberpower and National Security.* Washington, D.C.: Potomac Books, 2009. (№ 1 (104), Весна 2013. С. 253–260).

Steven Pifer, Michael E. O'Hanlon. *The Opportunity: Next Steps in Reducing Nuclear Arms.* Wash.: Brookings Institution Press, 2012. (№ 2 (105), Лето 2013. С. 147–154).

David E. Sanger. *Confront and conceal: Obama's Secret Wars and Surprising Use of American Power.* N. Y.: Crown Publishers, 2012. (№ 1 (104), Весна 2013. С. 253–260).

P. W. Singer. *Wired for War. The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century.* London: Penguin Books, 2010. (№ 1 (104), Весна 2013. С. 253–260).

Р Е Д А К Т О Р У

Виталий Каберник. Дополненная реальность: игра, бизнес, безопасность. № 2 (105), Лето 2013. С. 155–156.

Ирина Миронова. Дискуссия без идеологических шор. № 4 (107), Зима 2013. С. ~~195–196~~^λ

Дмитрий Москвин. Субъект мировой политики не может впасть в крайности. № 4 (107), Зима 2013. С. ~~193–194~~^λ

Александр Федоров. Проблема информационной безопасности сегодня: алгоритмы развития. № 1 (104), Весна 2013. С. 261–270.

Владимир Хрусталеv. Размышления о ядерных амбициях КНДР. № 2 (105), Лето 2013. С. 157.

К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы

О силе современной философии. № 3 (106), Осень 2013, обл. III.

О дурацких экспериментах. № 4 (107), Зима 2013, обл. III.

Г О Л О В О Л О М К И Б Е З О П А С Н О С Т И

29 слов о кибербезопасности. № 1 (104), Весна 2013, обл. III.

Ответы на кроссворд. № 2 (105), Лето 2013, обл. III.

*Выражаю признательность рецензентам и консультантам журнала, которые своими ценными замечаниями оказали значительную помощь в формировании редакционного портфеля журнала **Индекс Безопасности**,*

в частности:

Алексею **Антошину**, профессору кафедры востоковедения Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия);

Елене **Волчинской**, программному директору Национального форума информационной безопасности *Инфофорум* (Москва, Россия);

Игорю **Зевелеву**, руководителю Московского филиала Фонда Макартуров (Москва, Россия);

Сергею **Луконину**, старшему научному сотруднику Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН (Москва, Россия);

Дмитрию **Офицерову-Бельскому**, доценту кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Пермь, Россия);

Евгению **Сатановскому**, президенту Института Ближнего Востока (Москва, Россия);

Игорю **Томбергу**, руководителю Центра энергетических и транспортных исследований Института востоковедения РАН (Москва, Россия);

Александрю **Федорову**, эксперту Службы внешней разведки РФ (Москва, Россия);

Дмитрию **Чижову**, научному сотруднику Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН (Москва, Россия);

Михаилу **Якушеву**, директору службы информационной безопасности *PayPal* (Москва, Россия).

Владимир Орлов
Главный редактор журнала *Индекс Безопасности*